

КОМАНДА
АЛЬФА

SZABÓ MIKLÓS
ALFA TEAM

AZ AMERIKAI KÜLÖNLEGES HADSEREG
EGYIK KATONÁJÁNAK ÉLETRÉGÉNYE

BUDAPEST • 1963

МИКЛОШ
САБО

КОМАНДА АЛЬФА

*Исповедь бывшего солдата
войск специального назначения
армии США*

Перевод с венгерского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА • 1965

1. Димсаве
2. Конде
3. Виллар
4. Вилленштейн
5. В. С. Саборокшич
ПЕРЕВОД Э. КЕРЕКЕШ И И. МИРОНЕЦ
6. Даун
ПРЕДИСЛОВИЕ В. ИВАНОВА
РЕДАКТОР Е. КОСТРОВА
7. Швангенберг
8. Де Мейстер
9. Брауншвейгенский
10. Суворов
11. Шоорфр-
12. Заф-Хей-Ши
13. Стивенс

Ленинградский
музей
мира

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Миклоша Сабо «Команда Альфа», написанная в жанре приключенческой повести, рассказывает о «необъявленной войне», которая непрерывно ведется американским империализмом и его разведкой против сил прогресса, мира и социализма. С помощью шпионажа, диверсий, террора, заговоров и лживой пропаганды империалисты пытаются остановить поступательный ход истории.

Повесть М. Сабо описывает преступные похождения отряда американских диверсантов, состоящего из семи человек, самой маленькой ячейки войск специального назначения армии США.

На фоне приключений, а больше злоключений Ференца Мадяра, оказавшегося в результате событий 1956 года за пределами Венгрии, его впечатлений, сомнений и раздумий автор довольно обстоятельно и в занимательной форме рассказывает о «новом оружии» Пентагона — «партизанских» войсках, — которое направлено против социалистических стран, против национально-освободительного движения во всем мире.

За последние годы во внешнеполитических отношениях американский империализм отводит огромную роль подрывной деятельности. Специалист по вопросам международных отношений американец Гарри Ренсом писал в одной из своих работ: «Шпионаж и закулисные интриги взяты Америкой на вооружение в глобальном масштабе».

Г. Ренсом подчеркивает, что хорошо поставленная разведка, особенно в период холодной войны, является залогом успешного применения средств дипломатии,

военной силы, экономического давления, пропаганды и методов психологической войны.

Эта тенденция нашла свое отражение в реформах и реорганизациях американской армии. Американская армия одновременно с подготовкой к термоядерной войне все в большей мере готовит свои отдельные части к ведению незримой войны, к карательным и жандармским операциям. Шпионско-диверсионные и полицейские функции американской армии официально закреплены в новых уставах.

Для маскировки этой деятельности армии американские империалисты пустили в ход термин «партизанская» война и противопартизанские операции. Спекулируя на уважении народов всего мира к партизанам, патриотам, борцам за освобождение своей родины, лидеры из Пентагона и решили назвать своих шпионов и диверсантов «партизанскими», а их подрывную работу «партизанской» войной. Что касается карательных операций, то они скромно именуется противоповстанческими.

Что представляет собой на деле «партизанская» война, и рассказывает в своей книге М. Сабо. Орудием для выполнения преступных планов Пентагона являются войска специального назначения, первые подразделения которых были созданы еще во время империалистической интервенции в Корее.

В настоящее время, по официальным данным, за пределами США существует шесть групп войск специального назначения. Каждая из этих групп насчитывает около тысячи человек. Она состоит из четырех диверсионных рот специального назначения, штаба и штабной роты. Каждая рота делится примерно на десять так называемых оперативных отрядов, в состав которых входят разведчики, подрывники-диверсанты, террористы, медики и радисты. Отряд численностью от 7 до 24 человек является шпионско-диверсионной единицей, которая забрасывается туда, куда это требуется Пентагону. В первую очередь такие отряды направляются в социалистические страны и в страны, охваченные национально-освободительной борьбой.

Люди, входящие в отряды, отнюдь не рядовые диверсанты, это мастера шпионажа, диверсий, террора и карательных операций. Они не только действуют сами, а вербуют преступные элементы из местного населения и приобщают их к подрывной работе.

Свыше десяти тысяч вышколенных и обученных диверсантов и террористов, каждый из которых должен быть инструктором, — такова «черная гвардия» Пентагона, опасность которой нельзя не учитывать.

Команда Альфа является ячейкой этой гвардии и несет на себе все ее пороки. Действия команды Альфа развертываются в районах наиболее активной подрывной деятельности США — на Кубе и в Южном Вьетнаме. Сам министр обороны США Макнамара признал, что Вьетнам превратился в американский учебный полигон, где проходят стажировку головорезы из войск специального назначения и проверяются стратегия и тактика «партизанской» войны и антипартизанских действий. А спустя некоторое время правительство США отбросило всякую маскировку и перешло уже к открытому использованию не только своих спецвойск, но и всех видов вооруженных сил для расширения агрессивной войны во Вьетнаме.

Войска специального назначения главным образом состоят из иностранных наемников — изменников родины, уголовных элементов, авантюристов и других подонков общества. В западной печати отмечалось, что около двадцати пяти процентов американских «партизан» завербовано среди беженцев из Восточной Европы. Использование в этих отрядах иностранцев объясняется как политическими, так и чисто практическими соображениями. Прежде всего такой состав считается наиболее удобным для маскировки прямого вмешательства США во внутренние дела других иностранных государств. К тому же эти диверсанты не так уж дорого стоят, чтобы оплакивать их в случае провала в чужом государстве. Вместе с тем, знание языка, условий жизни и обычаев страны, наличие там у эмигрантов родственников и знакомых делает их особенно ценными для Пентагона.

Такой состав курсантов мы видим и в учебном центре особых методов ведения войны в Форт-Брагге, где проходил подготовку Ференц Мадяр. Примечателен и состав команды Альфа.

Сабо называет школу диверсантов иностранным легионом в миниатюре. Команда диверсантов Альфа состоит из двух американцев, двух венгров, двух немцев и одного кубинца. Присутствие фашистских молодчиков — немцев как бы подчеркивает преимущество теории и практики американской разведки от гитлеровских головорезов, шпионов из Абвера и дивизии Бранденбург-800.

В книге довольно убедительно показана система подготовки и обучения диверсантов. Лекции и практические занятия посвящаются технике взрывов, поджогов, шпионажа. Но главное внимание уделяется изучению техники убийств. Форт-Брагг и другие центры подготовки войск специального назначения — это поистине академии убийств. Мадяра и его друзей обучают самым изощренным приемам убийства людей. Ведь это главное в искусстве ведения незримой войны.

Преподаватели добиваются того, чтобы из курсантов вышли садисты, упивающиеся убийством, или по крайней мере холодные убийцы. Просто так, без всякой надобности диверсанты из команды Альфа убивают индейца, который случайно попался им на дороге. «Убей первым, или сам будешь убит», — так поучают Мадяра его инструкторы, создавая некоторую видимость оправдания убийства необходимостью жить по законам джунглей. Да это и не удивительно. Ведь американский полевой устав обращает внимание на то, что террористические действия против «женщин, стариков и детей могут быть неправильно поняты солдатами», в связи с чем рекомендуется прививать солдатам «нужные навыки».

Программа обучения диверсантов преследует цель привить им ожесточенность, кровожадность, бессердечие. Корреспондент газеты «Нью-Йорк уорлд-телеграм энд сан», посетивший школу в Форт-Брагге, писал в одной из корреспонденций, что отличительными и характерными у американских «партизан» чертами являются жестокость и ненависть. Воспитанию этих качеств служит

безжалостная муштра, бессмысленно опасные упражнения и тренировки и садистские меры наказания. Примечательно описание допроса в условном «плену», куда «попали» диверсанты, герои книги, во время учений. Подвергая мучительным пыткам «партизан», американские инструкторы стремятся, с одной стороны, озлобить их по отношению к тем, к кому они попадут в плен, и, с другой — запугать их «ужасами и мучениями», которым они якобы будут подвергаться в коммунистическом плену.

Повесть написана в форме исповеди солдата войск специального назначения, рассматривающего и оценивающего все события с позиций человека, изменившего своей родине. Дурное влияние оказывает на него отец, давнишний американский шпион, да и весь уклад жизни «свободного мира». Он подвергается идеологической обработке в шпионской школе, его преднамеренно разлагают, прививают ему дурные наклонности. Однако, столкнувшись лицом к лицу с «прелестями» американского образа жизни, поняв, что он стал не чем иным, как слепым орудием американской разведки, что он будет брошен на произвол судьбы, когда перестанет быть нужным, Мадяр постепенно приходит к решению порвать с американской разведкой и возвратиться на родину. При этом он не осознал еще до конца глубины своего падения. Осуждая поступки своих друзей по команде, проклиная себя за то, что он залез в это шпионское гнездо, Мадяр все же не может принять окончательного решения — возвратиться на родину. Боязнь заслуженной кары останавливает его. Но и страх перед американской разведкой за убийство одного из негодяев, своего «брата» по ремеслу, не меньше мучает его. И лишь после того, как он узнает, что на Восток сбежал со списками агентуры один из разведчиков, который непременно выдаст его, он решает не выполнять шпионского задания на родине, а явиться с повинной. Страх за свою судьбу и безвыходность положения окончательно толкнули его на этот решительный шаг. Полное очищение героя от всей грязи и искупление своей вины перед народом еще впереди, хотя он уже достаточно жестоко наказан.

Факты и события, описанные в книге, поведение и

мысли молодого венгерского эмигранта, покинувшего родину, выглядят достаточно убедительно. Можно спорить о художественных достоинствах книги, но невозможно подвергнуть сомнению правдоподобность и даже некоторую документальность всего написанного. И это не удивительно, в основу книги легли достоверные впечатления возвратившихся в Венгрию эмигрантов, которые были завербованы американской разведкой, прошли обучение в тех же самых школах, о которых идет речь в настоящей повести.

Интересна в этом отношении и биография самого автора. Миклош Сабо родился в 1922 году. По специальности он механик. В 1955 году эмигрировал в Австрию. В течение двух лет жил в Вене, вращался среди контрреволюционных эмигрантов, возглавил так называемое «Бюро по делам венгерских беженцев». Здесь он познал все «прелести» жизни в эмиграции. Здесь он понял всю безысходность своего положения, увидел грязные махинации и интриги западных секретных служб, подкупом, шантажом и угрозами толкавших эмигрантов на преступления перед своим народом. Горькие разочарования, постигшие М. Сабо на чужбине, вновь приводят его в социалистическую Венгрию. Пережитое и увиденное в эмиграции, личные впечатления М. Сабо отразил в ряде книг, написанных им по возвращении на родину. К этим книгам принадлежит и «Команда Альфа».

В. ИВАНОВ

КОМАНДА АЛЬФА

Разрешите представиться

Меня зовут Ференц Мадяр.

Я служил в войсках специального назначения армии Соединенных Штатов Америки.

Знаете ли вы, что кроется за этим названием?

Одна из самых страшных в мире, самых неуловимых организаций. Для непосвященного это объединение великих, если хотите, невидимых людей. Но эти люди вездесущи — они в Корее и в Японии, во Вьетнаме и в Конго, на Кубе и в Западном Берлине, в Лаосе и на Гаити. Да, они везде, где интересы известных американских кругов требуют их появления.

Это — зловещие солдаты незримой войны. «Партизаны», диверсанты, шпионы, мастера по части применения отравляющих и взрывчатых веществ, совершающие убийства оптом и в розницу... Кто падет жертвой — один человек или город с полумиллионным населением, — им все равно. Значение имеет лишь задание, приказ, за выполнение которого они получают плату. Машины с программным управлением в облике человека. Совесть у них вытравлена, чувства мертвы.

А может, не совсем так? Может, внутренний, сокрытый от всех мир человеческих чувств у них попросту отключен с помощью современных методов психологии? А вместо него подключена какая-нибудь идея, которая кажется правильной, какой-нибудь клич, на устах с которым идут на смерть, наконец, подстрекающий на зверства миф о злопыхательстве той, другой стороны делают

свое дело, и человек, мудрый, мыслящий homo sapiens * превращается в орудие.³

Может быть... И все же некоторые из них, даже те, кто успел уже докатиться до состояния апатии и жестокости, прозревают. Открывают глаза и содрогаются при виде пропасти, оставленной позади.

Превращенный в робота человек восстает — иногда — против своей участи!

Мне, Ференцу Мадяру, двадцать пять лет. Я венгр не только по фамилии, но и по происхождению. Так вот, я несколько лет служил в войсках специального назначения. Был «суперсолдатом», как ласкательно называла нас американская пресса.

Вы знаете, что в Южном Вьетнаме идет война, на Кубе высаживаются десанты, да и в других уголках земного шара происходят кровавые битвы. Но вы не знаете, как действуют скрытые завесой видимых сражений невидимые войска специального назначения Америки!.. Вот где-то взлетает на воздух завод! Вот гибнет всего один человек, кто-нибудь из политической оппозиции! Вот в каком-то городе вспыхивает загадочная эпидемия и косит все живое. А то откуда ни возьмись в джунглях или в горах появляются неизвестные «партизаны». Они могут появиться из самых непроходимых топей.

Кроме командиров, их никто не видит. А если и увидит, то будет молчать. Долго ли убрать его с дороги тем, кто владеет ста пятьюдесятью приемами умерщвления?

И я восстал против собственной судьбы.

Меня воспитали убийцей, и я в роли современного Каина убил брата своего, точнее, того, кого мне велено было считать братом.

Но я не чувствую раскаяния. Я счастлив, что убил его, только его одного.

Конечно, вам это сейчас непонятно, а повесть моя не из коротких. Но если вы посвятите мне несколько часов, я расскажу вам историю своей жизни, которая в известной мере является и частью истории войск специального назначения армии США.

* Человек как разумное существо (лат.). — Здесь и далее примечания редакции.

Глава первая

В неизвестное

По трапу американского десантного судна «Генерал Хунд» бесконечной вереницей поднимались покинувшие родину венгры. Судно ненасытно заглатывало беженцев. Возможно, число, которое мне назвали, преувеличено, но оно, во всяком случае, не далеко от истины; как бы там ни было, транспорт «Генерал Хунд» на этот раз перевез в Новый Свет более трех тысяч венгров.

Хотя нам на судне было тесновато, я не могу сказать, что о нас плохо заботились. А развлечения, притом разнообразнейшие, часть из которых вполне можно назвать приключениями, да к тому же волнующими, доставляло нам само море.

Крачки то летали с криком у бортов, то, едва трепеща крыльями, скользили чуть ли не по самым волнам. Мгновение — и они уже носились вокруг нас, да так быстро, что взгляд не поспевал за ними. Мы кидали птицам кусочки хлеба и мяса, лапшу. Ни одна крошка не достигала воды — жадные острые клювы вырывали пищу чуть ли не из рук.

Вдруг показали дельфины. Даже моряки удивились. Судя по их словам, так далеко на севере дельфины водятся редко.

Эти милые, забавные существа тоже интересовались отбросами. Подпрыгивая высоко над водой, они ловили еду в воздухе, до того как она успевала коснуться пенящихся волн. Часами сопровождали они наше судно. Нам было жаль их за то, на наш взгляд, неслыханное

напряжение, которого стоило им это путешествие, но матросы только посмеивались.

— Да вы поглядите, какие они пловцы! Нам бы такую скорость!

— Тоже скажете! — бормотали мы, слегка уязвленные и уверенные в том, что эту нелепицу они придумали для того, чтобы поднять на смех нашего брата, «сухопутных».

— А полюбуйтесь на их деток, вон как они резвятся! — И старый боцман указал трубкой на море. Он стоял у фальшборта и, не отрываясь, смотрел на волны. Но наше недоверие обидело его, и, не сказав больше ни слова, он ушел.

Вода пузырилась, кипела. Грациозные, несмотря на свою объемистость, дельфины выскакивали из волн. Детеныши их гонялись друг за другом, шмыгали под брюхом у матерей или проскальзывали над ними.

Внезапно что-то вспугнуло дельфинов. Построившись «звеньями», они, как торпеды, пронеслись мимо нас. Мы не успели опомниться, как море сомкнулось над ними.

После исчезновения дельфинов поднялась буря, видимо, ее приближение-то они и почуяли. Что это была за буря! Спокойный, гладкий океан вдруг покрылся движущимися водяными холмами. Вниз смотреть было невозможно — кружилась голова! Только что синее-синее небо, будто улыбавшееся резвившимся дельфинам, вдруг нахмурилось, стало серым, затем потемнело и окружило нас непроницаемой стеной.

Холмы вскоре разрослись в горы. Мы утратили всякое представление о том, где кончается море и где начинается небо. Разбушевавшаяся стихия подымала и бросала наш гигант с высоты в добрых двадцать метров. Вверх-вниз, вверх-вниз летала наша посудина, урча стальной утробой. Нам ежесекундно казалось, что «Генерал Хунд» вот-вот разлетится в щепы. А ведь это была всего лишь одна из проказ океана. Когда мы уже совершенно потеряли голову, неожиданно наступило затишье. Судно перестало ходить ходуном, палуба под нами уже не дрожала. Мы облегченно вздохнули. Это затишье продол-

жалось всего несколько секунд. А потом снова мы начали проваливаться в какую-то бездонную пропасть, откуда, казалось, таинственные силы выкачали всю воду. Позднее я ощущал нечто подобное в лифтах небоскребов, чуть ли не за одну-две секунды «падавших» вниз с самого верхнего этажа.

— Без паники! Все должны сохранять спокойствие, опасности никакой нет! — гремело по-венгерски в рупоре и тут же следовало убедительное пояснение: — Мы находились на гребнях двух волн, обе волны одновременно раздвинулись. Это и создало ощущение провала. Но наше судно привыкло к подобным шуткам океана.

Что касается нас, то эта «шутка» вовсе не показала нам привычной. Всех нас без исключения буквально выворачивало наизнанку. Даже моряки и те беспрепятственно атаквали отхожие места и фальшборт.

Это было ужасно. С тех пор я не раз плавал и по Тихому океану, и по Атлантическому, но такой свистопляски больше никогда не переживал.

Шторм утих так же неожиданно, как и налетел, а когда перед нами появился Нью-Йорк со статуей Свободы, мы о нем уже окончательно забыли.

Всех нас отвезли в Кэмп-Килмер — огромный лагерь, предназначенный для беженцев. Когда я впервые увидел ряды вымазанных желтой краской деревянных бараков, от этого зрелища мне стало как-то не по себе. В этом бывшем военном городке все выглядело неприветливо и мрачно, хотя жизнь здесь кипела, кругом кишмя кишели люди.

Нас привели на один из верхних этажей.

— Пожалуйста! Это комнаты для семейных! — Американский чиновник раскрыл одну из дверей и ткнул перед собой указательным пальцем. — Располагайтесь!

Мы остановились в нерешительности. Очнувшись от того, что из-за наших спин, обгоняя друг друга, толпой прорвались люди. Тут мы поняли, что эти успевшие пожить уже в австрийских лагерях беженцы вполне приспособились к подобной обстановке и, видимо, смирились со столь «остроумным» решением бытового вопроса.

Представьте себе бесконечно длинное помещение, которое разделено висящими на протянутых проволоках простынями на маленькие ячейки. Сколько ячеек, столько семей. Сколько семей, столько характеров, привычек. После венской гостиницы, конечно, жизнь в таких условиях — ад, после «Генерала Хунда» — рай. Увы, чувство облегчения мы ощущали лишь до тех пор, пока не выявились резкие различия в образе жизни и нравах людей. Ночь лишила нас сна и вместе с ним всего нашего оптимизма, с которым мы ступили на американскую землю.

Мы могли бы еще выдержать аромат, разносившийся от пеленок, из которых вынимали младенцев, или от бог весть откуда появившихся здесь горшков, на которых сидели малыши постарше, но... как только погасли верхние лампы и заснули дети, начал оживать мир взрослых. Сквозь стены-простыни долетал до нас малейший шорох, даже самый приглушенный вздох. Я не ханжа: будучи агрономом, я привык к тому, что жизнь имеет известные функции и что они естественны. Но чтобы люди... так... настолько обнаженно и разнузданно... Не знаю, на какой жизненный опыт опирался Данте Алигьери, когда в своем воображении побывал в аду, но ночей в Кэмп-Килмере он наверняка не знал.

Спустя несколько дней нам удалось преодолеть бездорожье административных формальностей и покончить с целой серией предохранительных прививок, которых требовало пребывание в новой стране, условия нового климата.

И вот тринадцатого января вызвали моего отца. Для оформления.

— Наконец-то! — произнес он тоном человека, четко представлявшего себе, куда он идет и зачем. Мы с ним ни словом не обмолвились, привыкли за последние недели передвигаться на крыльях удачи. Мы напряженно ждали его возвращения, уставившись в окно. Чувствовали, что теперь решается наша судьба.

Отец вернулся бодрый, буквально сияющий. Он привел с собой молодого, лет сорока, высокого мужчину.

— Представляю вам моего доброго друга!

В своем сизо-сером костюме и ослепительно белой рубашке новоявленный друг отца был весьма элегантен. Белизна шелкового поплина красиво оттеняла смуглость его лица. Вошел он с располагающей улыбкой.

— С добрым утром, сударыня! — Сначала он пожал протянутую руку матери, затем поочередно каждому из нас.

— Это Джимми! — представил нам отца своего знакомого, не называя его фамилии. — Вот в чьих руках наша судьба.

Джимми сверкнул ослепительно белыми зубами. Подстриженные «канадкой» волосы, бросающая элегантность придавали ему вид живой рекламы кока-колы.

— Мы отправимся, как только вы уложите свои вещи! — коротко сообщил он. По его мнению, видимо, этого было вполне достаточно для того, чтобы мы последовали за ним, не спросив даже, куда и зачем.

И, что было удивительней всего, мы в самом деле ничего не спросили. Нам было тогда безразлично, в какую сторону идти, хоть на северный полюс. Только бы вырваться отсюда, только бы скорее окончились скитания, только бы где-нибудь осесть.

Когда мы выходили из лагерных ворот, охрана отдала нам честь. Видимо, наш провожатый был крупной шишкой.

Нас ждал огромный серый «понтрак». С виду это был прямо-таки шедевр машиностроения, о таких автомобилях мы еще в Вене шутили: чтобы добраться от его фар до багажника, без мопеда не обойдешься. Одним словом, у Джимми была великолепная машина.

Он заметил, что я разглядываю ее.

— Что, подходящая штучка? — И он весело хлопнул меня по плечу. — Сто шестьдесят лошадиных сил! Дает сто восемьдесят километров в час. И у тебя будет такая же, нужно только постараться!

Он со всеми нами был на «ты». С моими братьями, со мной и с моей сестрой. Как член семьи или давний

друг. Иренка, моя сестра, которая в свои восемнадцать лет держалась уже как взрослая, нашлась:

— Но, надеюсь, мы не с такой скоростью поедим, не правда ли, сэр? — Слово «сэр» она произнесла с легким ударением, сделав одновременно книксен.

У матери смеялись глаза. У отца они кололи негодованием. Но Джимми снисходительно потрепал Иренку по щеке. Точь-в-точь как хозяин ласкает свою лошадь. Тогда я еще не знал, насколько это мое сравнение было удачным.

Позднее, спустя несколько лет, я уверился, что американцы, у которых в кармане чековая книжка, именно так обращаются с неамериканцами. А все потому, что они повсюду чувствуют себя хозяевами.

По Нью-Йорку мы еле двигались. Меня угнетала масса автомобилей, теснившая нас справа и слева, спереди и сзади.

— Что за страна! Что за богатые люди! — шепнула мне мой брат Рэжé при виде бесконечных потоков машин.

— Да, сын мой, это буржуазный образ жизни, — заметил отец, смерив взглядом ошеломленного Рэжé. — Он во многом перешеголял устаревший, европейский. Здесь ускоренный темп жизни: к этому вам придется теперь приноровиться!

Когда мы миновали черту города, Джимми перешел на бешеную скорость.

Сестра, в шутку просившая его только что не гнать так машину, теперь уже с явной тревогой поглядывала на спидометр, стрелка которого вздрагивала между 140 и 150.

— Не слишком ли это? — спрашивала она, когда навстречу и мимо с подобной же скоростью летели машины, мелькая так, что у нас рябило в глазах. Наконец, не выдержав, она стала хныкать.

Джимми обернулся, не сбавляя при этом скорости. — Нет, это немного! — возразил он. — У нас очень большая страна, порой приходится проезжать много тысяч миль. Кто ползет, тот опаздывает!

И в самом деле. Этот принцип наложил свой отпечаток на всю нашу дальнейшую жизнь.

Глава вторая

Будни

В Бостон мы прибыли после полудня. С легким шуршанием ворвались на застроенную высокими домами окраину, где автострада, значительно расширившись, как бы вздыбилась, достигнув высоты многоэтажных зданий. С обеих ее сторон вытягивались на различных уровнях рукава пересекающихся автомагистралей, а рядом шли авеню и стриты, по которым тоже тысячами пронеслись машины.

— А ведь сейчас, собственно, настоящего-то движения нет! — сказал Джимми, заметив, что мы с интересом изучаем открывшуюся перед нами панораму и стараемся вникнуть в жизнь города, который — и это все, что сообщил нам Джимми, — должен был стать отныне местом нашего жительства.

— Тому, кто желает познакомиться с американскими масштабами, — продолжал Джимми, — надо побывать здесь утром или пополудни. В эти часы машина следует за машиной почти вплотную, так что даже пешеходу между ними не протиснуться.

В тоне его явственно сквозили нотки национальной спеси: вот, мол, поглядите, жалкие европейцы, как мы богаты. Мне тон этот не понравился: я почувствовал себя униженным. Позднее, когда я ближе познакомился с американцами, поведение Джимми стало мне понятным. Ведь все они таковы. У нас, дескать, доллары, и вы должны ходить перед нами на задних лапках, — такова основа их морали, где бы они ни находились.

Мы получили убежище в Уолсли-Хилс, квартале вилл Бостона. Даже не просто убежище, а квартиру. И даже не просто квартиру, а премиленькую виллу. На миг в моей голове возник вопрос, так ли встретят и остальных венгров, тех, что в Австрии дожидаются своей очереди, или тех, что плыли вместе с нами на судне «Генерал Хунд» и ночевали в отгороженных простынями закутках огромного, как манеж, помещения в Кэмп-Килмере.

Но этот вопрос тревожил меня недолго, так как я уже успел зарубить себе на носу правило Нового Света, гласившее, что главное в жизни — это собственное благополучие.

В вилле, окруженной красивым садом, было три комнаты, которые для нас со вкусом обставили.

— Это подарок Америки! — сообщил отец, но от более подробных объяснений воздержался. Из подслушанных разговоров, однако, мы поняли, что дом нам не принадлежит и что квартирную плату внесли за нас всего за два месяца вперед.

Устроившись, мы все занялись делом.

Иренка должна была еще сдавать экзамены на аттестат зрелости. Она принялась за учебу. Я же и мой брат Банди сразу стали искать работу. В Уолсли-Хилс мы переехали тринадцатого января, а пятнадцатого были уже зарабатывающими свой хлеб гражданами.

За неимением лучшего я стал подсобным рабочим в одном из больших гаражей.

Дело уладилось быстро, но не совсем просто. Когда в поисках работы я обратился к первому попавшемуся мне среди несметного множества машин живому человеку, у него на лице появилось кислое выражение.

— Вы еще не выветрили свой заокеанский дух и уже явились? А кого-нибудь из наших пошлют из-за вас к чертовой бабушке? Так по-вашему? — проворчал он досадливо. Было ясно, что охотней всего он послал бы меня к этой самой бабушке. Но он все же указал кивком головы в глубь гаража:

— Вон в той стеклянной клетке сидит босс! К нему и ступайте!

«Да, не очень-то он любезен», — подумал я, тем не менее ноги мои сами уже понесли меня в указанную сторону. Я постучал в дверь конторы.

— Входите! — раздался в ответ скрипучий, но громкий голос.

На стуле, положив ноги на стол, сидел грузный мужчина без пиджака. При моем появлении он не потрудился снять ноги со стола, только жевательную резинку во рту отодвинул языком к щеке.

— Чего надо?

— Я слышал, сэр, будто вы нуждаетесь в рабочей силе.

— Ты откуда? — Он, как видно, обратил внимание на мое произношение, вернее, на мое плохое произношение.

— Я венгр, сэр.

— Вот оно что! — В его равнодушных глазах мелькнул интерес. — Ну, хорошо... Хочешь мойщиком?

— Кем угодно. Мне все равно, лишь бы заработать!

Мой ответ явно понравился ему.

— Из тебя выйдет неплохой американец! Будешь иметь по доллару в час, в месяце это составит двести долларов. А в форинтах выйдет по меньшей мере шесть тысяч.

— О'кэй! — ответил я поспешно. — Где можно переодеться?

Ответом он меня уже не удостоил. Вместо этого нажал на одну из кнопок и, толкнув жевательную резинку на прежнее место, опять задвигал челюстями.

Вошел пожилой сгорбленный человек в сером комбинезоне. Остановившись в дверях, он, угодливо моргая, уставился на босса.

— Покажи, Джо, этому новичку раздевалку! Отведи ему шкафчик! Познакомь с нашими правилами! Работать он будет при Хэрвере, сведешь их. Ну, ступайте! — И он тут же углубился в изучение какого-то счета. Мы для него больше не существовали.

По пути к раздевалке я снова столкнулся с обладателем кислой физиономии, указавшим мне перед тем контору босса.

— Ну что, взяли? — спросил он.

— Да.

— Сколько?

— Доллар в час.

Я следил за выражением его лица: много или мало ему покажется? Между бровями у него образовалось несколько глубоких складок, явившихся как бы продолжением носа.

— Ваш предшественник получал на двадцать центов больше. Он был американец. Вы у нас стоите дешевле! Ну, желаю удачи!

Долговязый Хэрвер принял меня почти радушно. — Добро пожаловать! — приветствовал он меня и, не дав мне слова вымолвить, сразу повел куда-то. — Вы будете у нас протирать машины. Не возражаете? — продолжал он говорить, идя впереди меня. — Не то что бы очень шикарное занятие, но, что поделаешь, именно оно и достается обычно новичкам. Когда босс снова примет кого-нибудь, вы пойдете на повышение, будете начищать стекла.

Поравнявшись с коренастым человеком средних лет, он остановился.

— Хэлло, Том! Можешь возвращаться к крану. Босс прислал вместо тебя вот этого.

Именуемый Томом ничего не сказал, тут же собрал свои пожитки и ушел. Ушел поспешно, будто опасаясь, что я раздумаю и что тогда ему придется остаться.

В гараже пора была горячая. Через наши руки ежедневно проходило более ста автомобилей. Организация производства была совершенной. Пригоняют, скажем, машину на ремонт. Ее осматривают механики. При повреждении мотора или ходовой части уводят в мастерскую. Если же ничего серьезного не обнаруживают, мастера тут же, на месте, устраняют дефект и машина переходит к нам. Тогда верзила Том открывает кран, и на кузов устремляется множество сильных струй, отмачивая, растворяя, смывая с него всякую дрянь. После этого начинается моя роль. Я насухо вытираю губкой машину, с которой ручьями стекает вода. Затем следует полировка, протирка стекол, и хозяин может забирать свое сокровище.

Что и говорить, работа у меня была отвратительная. Уже при обработке второй машины мой комбинезон отяжелел от воды, а после третьей это же произошло с рубашкой и штанами. Два месяца я выдержал. Затем попросил расчет.

Мне так или иначе пришлось бы уйти, поскольку дела нашей семьи неожиданно приняли неблагоприятный оборот. Однажды, возвратившись вечером домой, я застал мать в слезах. А Иренка и Банди сидели на кушетке, прижавшись друг к другу, подобно испуганным ласточкам на проводе.

— Что случилось? — спросил я тревожно.

— Отец оставил нас! — сквозь рыдания сказала мать. Больше она ничего не смогла произнести. Подробности мне рассказали, перебивая друг друга, брат и сестра.

— Пришел он домой, — начал Банди, — такой взбодраженный, брался то за одно, то за другое и вдруг принялся укладывать свои вещи. Я спросил его, что он делает. Он скорчил недовольную мину и ответил, что уходит! «Я не смогу жить среди вас, — сказал он, — нас слишком много для этого дома, а у меня расшатаны нервы. Я нуждаюсь в покое!»

— К тому времени как он собрал свои вещи, подъехала машина, — продолжала Иренка. — Очевидно, у него уже наперед все было договорено. Он взял свои чемоданы и ушел, не простившись! — Тут голос у Иренки сорвался.

— И вы это допустили?

Мой вопрос был, конечно, глупым. В самом деле, что они могли сделать? Но ничего более умного мне не пришло в тот момент на ум. А что-то необходимо было спросить, так как я почувствовал, как горло сжимает мне какая-то невидимая рука. Я должен был разжать страшные пальцы, чтобы не задохнуться.

Вскоре вернулся и Рэжé, наш старший брат. Он молча выслушал печальную повесть.

— Что же теперь будет? — только и спросил он.

Мы удрученно переглянулись. Действительно, без конца пережевывая настоящее, мы ни разу не подумали о будущем. А Рэжé, став главой семьи, сразу же сделался практичным.

— Через две недели мы должны внести квартирную плату. Виллу эту, конечно, мы сохраним за собой. Иренка должна продолжать учиться, а мы, парни, заработаем на хлеб семье. Будет все как нельзя лучше!

Но взгляд его помрачнел, словно небо перед грозой. Дело в том, что у Рэжé были большие планы. Готовясь к экзаменам, он уже возобновил прерванные в университете занятия.

— Не то ты говоришь, Рэжé! — нарушил я последовавшее за его словами молчание. — Ты не должен бро-

сать университет. Уже немного осталось. Мы должны во что бы то ни стало выдержать оставшийся тебе год.

— И ты, значит, такого же мнения? — просняв, спросила Иренка.

Теперь инициатива полностью перешла ко мне.

— Вот что, Банди и я будем работать. Вдвое больше. Когда Рэжé окончит учебу, и он станет нам помогать. К тому времени и Иренка получит аттестат зрелости. А там видно будет!

Мать вытерла слезы. Погладила меня, потом Банди по лицу, как маленьких, и тем самым санкционировала наше решение.

На другой день — вот мне уже и повезло! — я прочел объявление в утренней газете. Складу кондитерской фабрики требовался учетчик. Рискаю опоздать в гараж, я пошел по объявлению и был приятно удивлен, когда через полчаса мне сообщили, что я принят. Мне захотелось расцеловать управляющего кадрами: ведь у меня будет такая легкая работа, что я смогу подыскать себе еще какой-нибудь приработок.

Босс в гараже был очень недоволен моим уходом. Он тотчас предложил мне надбавку в пять центов к почасовой оплате, но меня не трогали уже его посулы. Перед моими глазами маячила новая служба. Да еще дополнительный заработок, который нам в семье был сейчас крайне необходим.

Я попал в ночную смену и отныне все ночи напролет просиживал на складе фабрики за письменным столом, заставленным картотекой. Я записывал на приход массу доставляемого сырья и учитывал сотни видов отправляемых готовых изделий. Кроме этого, в мою же обязанность входило вести учет всех видов оберток и тары. По правде сказать, мне не удавалось выкроить время даже на перекур. Работать приходилось не покладая рук за те двести двадцать долларов, которые мне причитались на бумаге.

Вы вправе спросить, что я подразумеваю под словами «на бумаге». Так вот. В США действует широкая налоговая система, которая больно ущемляет интересы как рабочих, так и мелких служащих. Трудящемуся приходится платить страховые сборы, вносить деньги и

в фонд будущей пенсии. Таким образом, у меня удерживали почти четверть моего заработка. Фактически на руки я получал около ста семидесяти долларов. К этому времени я уразумел и то, что покупательная способность доллара здесь ниже, чем в Европе.

— У нас в Венгрии не так было! — сказал я однажды заведующему складом, который во время обеденного перерыва подсел ко мне.

— А как?

Я объяснил ему порядки страхования, положение о пенсиях, рассказал даже о том, что трудящимся предоставляются льготные путевки в дома отдыха и санатории. Он внимательно выслушал меня и ничего больше не спросил.

На другое утро я был вызван в отдел кадров.

Управляющий встретил меня весьма нелюбезно.

— Мистер Мадяр! Ваше счастье, что я имею о вас хорошую информацию, а то бы вы в два счета вылетели отсюда!

— За что? — пролепетал я, не имея понятия о том, что сделал плохого.

Но тут же мне все стало ясно.

— Вы прекратите свои рассказы с пропагандистским духом о вашей коммунистической системе?

— Что? — спросил я растерянно.

— До меня дошло, что вы говорили об общественном страховании и положении о налогах. Весьма глупо. Нечего подстрекать наших рабочих. Сами же ненавидите большевиков, так заткнитесь и не возносите их! Можете идти!

Я вышел от него пошатываясь.

У меня гудело в голове. Я прижался затылком к стене коридора. Вспомнил вдруг, что сказал мне Хэрвер на второй день моей работы в гараже: «Хорошо работаешь, парень. Но не забывай держать язык за зубами. А то, ежели пойдет о тебе худая слава, напрасно будешь тогда стучаться в другие двери!»

Это следовало понимать так: хотя здесь, в свободной Америке, и не существует так называемая анкета, предприниматели отлично знают способы «отсеивания». В эту минуту я проникся благодарностью к отцу, кото-

рый, даже расставшись с нами, продолжал оберегать нас. Без него, без его прошлого сейчас погибло бы мое будущее.

Отныне я старался следовать совету Хэрвера и никому ничего, даже самую малость, не рассказывал о своей стране.

Мне удалось получить работу и по совместительству. Моим хозяином стал садовод-предприниматель, который взял меня на должность шофера. Работал я у него через день, и в обязанности мне вменялось перевозить на его грузовой машине цветы и иные растения. Кроме того, я часто возил в самые различные пункты города землю.

За полгода я похудел, как гончая собака за охотничий сезон. Рэжэ чувствовал себя очень целовко. Он не раз хотел бросить занятия, но после споров с нами и сам приходил к выводу, что это было бы величайшей глупостью. Рэжэ с его способностями ждало прекрасное будущее, профессора уже обратили на него внимание. Имело ли смысл из-за каких-то нескольких месяцев предать забвению всю его карьеру!

На фабрике у меня завелись приятели. Первым подружился со мной веснушчатый счетовод Поул Тэрри — он был старше меня на два года. Теперь у меня была своя компания. Через день я был свободен, к этому добавьте воскресенье. Так что, хоть я работал все ночи напролет, время для развлечений у меня оставалось. У Поула был ветхий «шевроле», приобретенный им за несколько долларов у торговца металлическим ломом. По воскресеньям, сразу же после обеда, он подкатывал к нашему дому и оглушительно сигналил.

— Ну, давай скорей, сколько мне еще торчать тут? — кричал он мне, когда я выглядывал в окно.

— Сейчас! — орал я ему в ответ. Наспех засунув в рот еще пару кусков, я мигом менял шорты на брюки и широкими прыжками несся через сад к воротам.

— Поехали!

Но тут же, не успев плюхнуться на сиденье, я вынужден был цепляться за что попало, так как он, не дожидаясь, пока я усядусь, резко трогался с места и так же резко тормозил. Ему просто интересно было, разобью я при этом себе голову о ветровое стекло или нет

Вначале я страшно злился на него — еще бы, знали бы вы, сколько и каких синяков на лбу наставил я, пока привык к его дурацким проделкам. Но особенно меня возмущало, когда он с издевкой рассказывал об этом другим ребятам из компании. Впрочем, когда я познакомился с этими «ребятами» поближе, то понял, что проделки веснушчатого — только цветочки. У меня в жилах стыла кровь от выходов этих парней в пестрых рубашках и ковбойских штанах. Вот они флегматично, руки в брюки, стоят на обочине шоссе. Завидев стрелой летящую машину, они буквально в последнюю секунду перебегают ей дорогу. Водители, ругаясь, со скрипом тормозят (но не все: встречаются и такие, которым эти штучки уже известны), а «ребята» глядят на них с вызывающим превосходством. Так вот, руки в брюки, они встречаются с опасностью.

То было особое, странное презрение к жизни. Газеты ежедневно сообщали об еще более уродливых проявлениях этого пренебрежительного отношения к жизни. В парках Нью-Йорка и Чикаго, например, равнодушные к боли, к смерти, к участи других, посетители нередко затевали кровавые драки.

Так что наши забавы в сравнении с кровопролитиями были, конечно, безобидны. Мы собирались в начале Хентингтон-авеню. Пятнадцать-двадцать человек размещались в пяти-шести похожих на «шевроле» Поула драндулетах. Тут начиналась разнузданная гонка по Хентингтон и Массачусетс-авеню на Вашингтон-стрит. А это был уже Даунтаун — часть города, где были сосредоточены увеселительные заведения.

Из первой машины знаками указывалось остальным, где будет стоянка. Отсюда брели уже пешком. Одеты мы все были в украшенные шляпками гвоздей ковбойские штаны, отличались друг от друга только цветом рубашек.

Мы обходили кинотеатры, разглядывали рекламы и кадры кинофильмов, искали фильм, обещавший наиболее эротическое зрелище или захватывающие приключения.

— Сюда, ребята! Вот это да! — крикнул как-то нам Лоуренс, шедший впереди со своим братом-близнецом Монро.

Мы окружили их тесным кольцом. Шла фантастическая, наводящая ужас картина, в которой чудовище в духе Франкенштейна похищало женщин, взрывало города и вообще творило всевозможные подлости.

— Давайте лучше пойдем на «Волка Айдахо!» — предложил Поул.

— За эти страсти плачу я, и точка. — Джерри был самым состоятельным из нас — единственный сынок богатого адвоката. Его слова положили конец спорам.

После сеанса, взволнованные, с горящими ушами, мы шумно высыпали на улицу.

Кино посещали, само собой разумеется, и девушки. Потом они гуляли рука об руку по трое-четверо.

Заложив пальцы в рот, Джерри вдруг пронзительно свистнул. В ушах тех, кто находился поблизости, даже зазвенело.

— Девочкам салют! — завопил кто-то из шатив, и тут начался невообразимый кавардак.

Поул вырвался вперед и очутился перед девушками. Он высоко подпрыгнул, раскинув руки и ноги, и оглушительно, дико завопил. Тут вся компания точно потеряла рассудок. В том числе и я. Одна за другой взлетали в воздух желтые, красные, синие, черные рубахи. Наверное, мы походили на резвящихся дельфинов, сопровождавших судно «Генерал Хунд».

Девушки смеялись: им, видно, пришлось по вкусу наши ухаживания. На краю тротуара стояла полицейский. И он смеялся. Такого рода проявление чувств непривычно только приблудившимся с другого континента, а здесь оно давно пользуется гражданским правом и считается естественным.

Когда мне впервые довелось быть свидетелем подобной выходки, скажу вам откровенно, я возмущался до глубины души. Но позднее и меня засосала компания, желание быть единым с ней, походить на остальных ребят.

Заканчивали мы свой вечер, как правило, в одном из кабаков. Иногда с девушками, но в большинстве случаев без них. Если у нас водились деньги, мы ходили смотреть стриптиз. Если же денег не хватало, покупали не сколько бутылок виски (впрочем, виски входило в про-

грамму вечера и после стриптиза), загоняли машины куда-нибудь в укромный уголок возле парка и напиивались до одури. Как мы добирались домой после этого, сам не знаю. Одно точно: в Европе нас давно лишили бы водительских прав!

Честно говоря, я охотно искал бы иной вид развлечений. Я был бы рад побывать в театре или посидеть в тихом читальном зале какой-нибудь публичной библиотеки. Но, увы, город Бостон с миллионным населением не доставлял человеку подобные радости. Оставались кино, бар, стриптиз, дикие вопли, виски.

Хотя нет, не совсем так.

Моя сестра Иренка подружилась в школе с одной девушкой. Как-то мать, дотронувшись до моей руки, мягко сказала:

— Фери, завтра к нам придет одноклассница Иренки... Тебе не мешало бы остаться дома.

— Она как, ничего? — спросил я, и моя сестра метнула на меня гневный взгляд.

— Всех вас только это и интересует! Только это! — сказала она с ударением. — Больше ничего! Постыдилась бы!

Сестричку нашу мы все баловали, и поэтому она стала для нас своего рода тираном. Конечно, милым, всеми любимым, но тираном. Поэтому-то я принял кающийся вид и стал оправдываться:

— Ну ладно, не сердись! Я ведь ничего плохого не сделал о твоей подруге! Разве грех, что я ею интересуюсь?

— Не грех, а ошибка! — высокомерным тоном заявила моя сестрица. — Изволь быть дома и выше дергать марку нашей фирмы!

Ничего не скажешь, Иренка быстро усвоила основные правила коммерции.

На другой день я напижонился, как говорят в наших краях, и стал ждать гостью.

Она прибыла в спортивном автомобиле марки «Форд» последнего образца. Огненно-красный корпус машины сверкал среди листвы.

Изящно покачиваясь, девушка поспешно шла по парковой дорожке. На ней была блузка с отложным во-

ротником, узкие, чуть ниже колен, брючки и туфли-лодочки.

Это нас не удивляло. Мы уже знали, что подобные брючки для старшеклассниц так же обычны, как, скажем, темная в огромную клетку юбка и нейлоновые чулки.

Она позвонила. Вошла. Держалась непринужденно, как у себя дома.

— Дэби.— И она протянула мне руку, таким образом покончив с церемонией знакомства.

— Я принесу что-нибудь перекусить! — вежливо предложила мать и знаком позвала меня с собой.

— Оставь их на время! — сказала она.— Может быть, девушки хотят поболтать о нарядах, а при тебе будут стесняться.

Когда мать снова разрешила мне войти, я застал Дэби лежащей на ковре. Голова ее была запрокинута, а ноги покоились на кушетке, чуть ли не на самых коленях Иренки. Обе были увлечены беседой, находя, видимо, такую позу вполне естественной. Я смутился и благословлял мать за то, что она вошла следом за мной, неся поднос, заставленный бутербродами и бутылками.

Однако я тут же пришел в себя и чуть было не рассмеялся, когда бедная мама замерла в дверях с подносом, который так дрожал в ее вытянутых руках, что на нем звенели бутылки.

Ей нелегко было скрыть удивление, вызванное позой Дэби, хотя у нее уже имелся некоторый опыт, приобретенный за несколько месяцев жизни среди американцев.

У нас с Дэби завязалась близкая дружба. Мы бывали с ней и на танцах, но я по-прежнему знал о ней лишь то, что она учится в одном классе с моей сестрой. И все.

— Послушай-ка, Дэби! — решил я наконец поинтересоваться.— Расскажи мне хоть что-нибудь о себе.

— Что рассказать?
— Тебе, например, о нас все известно, а я даже толком имени твоего не знаю.

— Только и всего? Я Дэберон Дин, сэр! — И, как маленькая, она сделала книксен. Наверно, это она успела перенять у моей сестры. Но, как бы там ни было,

мне она показалась восхитительной.— Что вы еще желаете узнать?

— Все!

Она нахмурилась. Некоторое время раздумывала. Но вот она снова заговорила, теперь уже глухо, растягивая слова.

— Ладно! Но у меня есть одно условие!

— Какое?

— То, что ты сейчас услышишь, не изменит наших отношений!

Я, наверное, очень глупо уставился на нее, так как она рассмеялась. Передо мной была уже прежняя Дэби.

— Я вижу по твоей роце, что ты не понимаешь меня. И очень хорошо, что не понимаешь! Вы, европейцы, такие чудные, с богатыми людьми вы становитесь или замкнутыми, или сразу же начинаете петушиться!

— Выходит, твой отец...

— У него больше миллиона!

Она внимательно наблюдала за моим лицом. Ждала, что на нем отразится. Но, как только заметила, что ее сообщение не произвело на меня ровным счетом никакого впечатления, сразу же повеселела.

Так как я еще не попал в когти желтого дьявола, то к ее миллиону остался совершенно равнодушен, чего не могу сказать по отношению к ней самой. Дэби с ее развитой стройной фигурой спортсменки было восемнадцать лет.

— Машину ты водить умеешь, это я знаю, — сказала она как-то, — а умеешь ли ты плавать?

— Да.

— А играть в теннис?

— Могу вместо него предложить кегли.

Я сказал ей, как еще мальчишкой зарабатывал тем, что расставлял кегли во время игры, таким образом ко мне кое-что пристало от этого занимательного вида спорта.

— Но ты должен еще научиться верховой езде, тогда сможешь быть моим грумом.

— Не буду учиться! — покачал я головой.

— Почему? — оторопела она. Ее большие синие глаза стали огромными от удивления.

— Очень просто! Потому, что уже умею! Как агроному, мне это было необходимо.

Тут она обхватила мою шею и запечатлела у меня на щеке невинный звонкий поцелуй.

— Bravo! Bravo! Великолепно! — захопала она в ладоши от радости, что мы повсюду сможем теперь бывать вместе.

Она была большим ребенком, старавшимся казаться взрослым, который так далеко зашел в своем снобизме, как, скажем, жалкие остатки аристократии у нас в Венгрии.

Была зима. Снег толстым белым саваном покрывал землю. На ветвях деревьев сахарной пудрой сверкали примерзшие пушинки.

Мы были одеты легко, ее машина великолепно отапливалась! Более того! Дэби даже немного опустила боковое стекло, чтобы зимний ветер, врываясь в машину, придавал нашим лицам морозную свежесть.

Правила я. Мне доставляло несказанную радость то, что я мог развивать любую скорость, что даже по такой обледенелой, скользкой дороге я уверенно веду машину с полным ощущением своей власти над ней.

— Стой, Фрэнк! — вскрикнула она вдруг. — Остнови же!

Я подумал, что ей дурно или еще что-нибудь такое, и нажал на тормоз.

Дорогу с обеих сторон обступали деревья. Дэби выскочила из машины. Я не смотрел в ее сторону. И вдруг в машину полетели легкие туфельки. Ее туфельки. Я взглянул на ее ноги. Она стояла на дороге в нейлоновых чулках. Не успел я оглянуться, как она уже по колено погрузилась в снег под деревом.

— Ой, какая прелесть! Ой, как приятно! — визжала она, прыгая, как вырвавшийся у няни ребенок.

— Вернись немедленно! Ты простудишься! — крикнул я испуганно.

— Как бы не так! — засмеялась Дэби, показывая мне ослиные уши.

— Раз сама не хочешь возвращаться, тогда придется применить силу! — пригрозил я, выскочив на холод.

— Попробуй! — дразнилась она.

Пока я добрался до дерева, она уже была наверху, да так высоко залезла, что напрасно я тянулся — достать ее не мог.

— Дэби, слезай сейчас же! Ты заболеешь! — кричал я в отчаянии и в страхе за нее. Воспаление легких ей было обеспечено.

— И не подумаю! Мне так хорошо!

Я пришел в ярость.

— Если не слезешь... — Я схватился за ствол дерева и изо всех сил потряхнул его. Дэби, стоявшая на суку, закачалась. Мне за шиворот полетели хлопья обледенелого снега.

Зато и ее удалось испугнуть.

— Больше не буду! Фрэнк, не надо! — запищала она, видно испугавшись, что я и в самом деле сброшу ее с дерева и хорошенько вздую. А стоило бы, ей-богу!

Когда мы подъезжали к ее дому, она уже чихала. На утро у нее поднялась температура. Две недели прошло, пока врачи настолько подлечили Дэби, что я смог ее навестить. Бледная, исхудавшая, сидела она в шезлонге, на тонком лице ее оставались еще следы перенесенной лихорадки. Только большие синие глаза поблескивали прежним озорством.

— Ой, как это было чудесно! Правда ведь, Фрэнк? — встретила она меня. Когда же увидела, что мое лицо остается серьезным и непроницаемым, в ней проснулось раскаяние.

— Ну не сердись! Мне так приятно было, правда, очень приятно!

Глава третья

Доброволец армии США

Только оглянувшись на прошлое, можно понять, какие факторы предопределили формирование человека. Мой жизненный путь тогда направили по иному руслу три обстоятельства.

Я разочаровался в беспутной жизни. Если вначале меня увлекала дерзость Поула и его компании, то вско-

ре я понял, что за этим удалством кроется одна лишь пустота. Мне стало стыдно за их поведение. Стыдно не перед людьми — американцы уже привыкли к выходкам, лихачеству своей молодежи, — а перед самим собой. От Дэби же меня отдалил ее недавний глупый поступок. К тому же я должен был рано или поздно осознать, что мне с ней не тягаться в дорогостоящих развлечениях. Все время, пока я был в ее обществе, меня не покидало болезненное ощущение собственной униженности.

Это душевное состояние усугублялось еще и тем, что к моему брату Рэжé все чаще навевались его университетские товарищи, и так как он считался одним из самых способных студентов, то и компания его сообразно американскому обычаю сколачивалась тоже из незаурядных личностей. Для меня были прямо-таки мучительны эти встречи, высокопарные разговоры, которые далеко превосходили не только мои познания в науках, но, как я чувствовал, и умственные возможности. Казалось, мою душу прогоняли сквозь палочный строй, когда я безмолвно сидел среди них с тупой улыбкой на лице. Оставаться совсем в стороне было невозможно: говорили они так долго и так много, что я поневоле должен был хоть время от времени вставлять слово. Однако, повторяю, сознание того, что я ниже их, постоянно угнетало меня.

Между двумя этими крайностями не было ничего. Я не видел перед собой перспективы.

В довершение всего я поссорился с отцом, который в последнее время стал изредка навещать нас. Теперь уже он материально поддерживал семью, что облегчало свалившуюся на мои и Банди плечи тяжесть. К сожалению, это внезапно воскресшее в нем отеческое чувство имело и свою отрицательную сторону: отец стал вмешиваться в нашу жизнь.

— Послушай, сынок! — как-то, подсев ко мне, начал он. Дверь комнаты перед этим отец плотно прикрыл, как бы подчеркивая, что речь пойдет о таких вещах, которые касаются только нас двоих. — Так продолжаться не может! — И, замолчав, посмотрел на меня, будто я сам должен был понять остальное.

— Что не может продолжаться, отец?

— Твой образ жизни! — И он стал перечислять все мои прегрешения.

Он не сказал мне ничего нового. Я это знал и сам. И сам, как вы могли заметить, решил порвать с Поулом и его компанией, а также с Дэби и ее семьей. Но то, что именно отец заговорил об этом, да еще в виде ультиматума: «Сын мой, либо ты возьмешься за ум, либо тебе придется покинуть нас!» — взорвало меня.

— Отец! — начал я приглушенно, хотя в это время изо всей силы впился ногтями в большой палец руки. — Ты же ушел из дому. Оставил нас беспомощными, без всякой поддержки. С тех пор семья живет на мой и Банди заработок. Квартира, правда, твоя. Ты имеешь на нее право. И дети твои привязаны к тебе, поверь, я тоже не являюсь исключением. Но я вышел из того возраста, когда за меня должен думать отец. Раньше надо было думать!

Отец вздрогнул, будто его стегнули кнутом, побледнел, затем стал красный как рак.

Мне стало больно, что я обидел отца, но в то же время почувствовал облегчение. Отступать я не собирался, это было не в моем характере.

Очень кстати, надо сказать, вручили мне повестку, уведомляющую, что я должен стать на военный учет. Всех знакомых я расспрашивал, что это значит. Возьмут ли меня в солдаты и на какой срок. Потом решил обратиться за справкой к нотариусу. Это посещение стоило мне немало денег, зато, покнивав контору нотариуса, я имел ясное представление обо всем меня интересующем.

Нотариус, пожилой коренастый человек с распадающейся сединой в волосах, принял меня весьма учтиво.

— Итак, вы переселенец из Венгрии. Гм... — Он задумчиво поглаживал подбородок. — Вы должны отбыть воинскую повинность, это бесспорно. У нас в Штатах каждый молодой человек, как только ему исполняется шестнадцать лет, берется на учет. А достигнув девятнадцати, считается уже годным к военной службе.

— И до какого возраста? — перебил я взволнованно.

— До двадцати шести лет.

— Нет, вы меня не так поняли. Я хотел бы знать, сколько лет длится сама служба?

— Ах, вот что! Простите! Время действительной службы невелико. Всего двадцать четыре месяца. Вопрос только в том, когда она начнется.

— Как это так?

— Видите ли,— продолжал он терпеливо,— армия имеет право рассчитывать на каждого здорового молодого человека, которому исполнилось девятнадцать лет, до тех пор пока ему не стукнет двадцать шесть. То есть в течение семи лет. Но действительная служба длится всего два года. Независимо от того, на каком году вас призовут из резерва.

— Спасибо! — кивнул я.

Видимо, моя физиономия выражала разочарование, так как нотариус стал меня внимательно изучать.

— Гм,— произнес он задумчиво после небольшой паузы.— Вас, мой юный друг, как я понял, больше устраивало бы сразу поступить на военную службу. Не так ли? Любовь? Семейные неурядицы? Безработица? Нет-нет, ничего не объясняйте! — Он поднял руку, когда заметил, что я собираюсь ответить.— Все это несущественно. Главное, что есть возможность пойти вам на встречу.

— В самом деле?

— Да. Вы попросите призывную комиссию призвать вас внеочередно или же можете явиться туда в качестве добровольца... Но в этом случае вам придется отслужить по меньшей мере три года, в чем вы и дадите подписку.

— А какая разница?

Он пожал плечами.

— Я точно не могу вам сказать. Военные дела я лишь смутно представляю себе. Может быть, разница в том, что армия охотнее базируется на волонтерах, на наемных солдатах. На тех, кто считает своим призванием военное дело. После соответствующей подготовки из них выходят сержанты, офицеры, их же отправляют затем на заграничные базы... Пятьдесят долларов!

— Что?! — На моем лице, наверно, было написано полнейшее недоумение. Я никак не мог сообразить, к

чему отнести прилепленную им в конце фразы сумму, и в своей наивности подумал, что это месячное жалованье солдата.

— Пятьдесят долларов! — повторил нотариус, но на этот раз уже держа передо мной раскрытую ладонь.— На этом, молодой человек, будьте здоровы, у меня еще масса дел!

В смущении — я еще не привык к тому, что здесь минуты исчисляются деньгами, — отсчитал я пять десятидолларовых бумажек. Довольно дорогая игрушка, этот нотариус, но зато он дал мне пищу для размышлений на целый день.

Я бродил по улицам, ломая голову над тем, что делать, как лучше поступить.

«Конечно, Фери,— разговаривал я сам с собой,— отец твой неправ. Он пересади́л тебя в такой мир, где молодежь не признает слова «нельзя». Ей чуть ли не все на свете дозволено, а если и есть какие-то преграды, она просто-напросто перешагивает их. Тебя же хотят втиснуть в те, прежние рамки».

«Да! — возмущался я.— Отец несправедлив. Детство мое прошло без него. И подростком я был лишен отца, а как мне его недоставало в ту пору! Зато теперь — здесь! — он хочет наверстать упущенное. Нет, не пойдет!»

«У тебя еще имеются и другие причины оставить родительский кров. Сам посуди, каково тебе будет дома? Рэжé и его друзья на голову перерастут тебя, да и Иренка, того и гляди, попадет в университет и, если будет хорошо заниматься, тоже вырастет. Твое общество их не устроит. Ты будешь сидеть при них воды в рот набрав, не понимая, о чем они толкуют. Ты побойсься даже слово вставить, когда они будут спорить в твоём присутствии. Или, может, тебе нравится выкомаривать с компанией Поула перед девчонками Даунтауна?»

«Так-то оно так. И все же... Что будет с матерью? С остальными?»

Я машинально подошел к какой-то витрине. Устался на нее. И по сей день не знаю, что там было вы-

ставлено. Я полностью ушел в свои мысли, меня тяготило, не отпускало чувство ответственности.

«Что тут раздумывать! Будучи военным, я куда больше смогу им помочь! — Я отошел от витрины. — Пока что отец дает деньги. Сколько времени он будет помогать — неизвестно, но сейчас помогает. Если я завербуюсь, смогу домой посылать свое жалованье, ведь сам-то я буду считаться «джи ай» — «казенным имуществом»*, которое принадлежит государству. И, помимо всего этого, передо мной — будущее! Я могу даже стать офицером. Офицер американской армии! Это звучит!»

Для окончательного решения этого вопроса мне было достаточно очередной домашней ссоры. В тот же день я послал заявление в адрес призывной комиссии.

Через две недели пришел ответ: «Вам надлежит явиться на базу вооруженных сил».

Вы, конечно, понятия не имеете о том, что такое база вооруженных сил. Выражаясь лаконично, я назвал бы эту организацию вербовочной конторой. Однако для более ясного представления об ее назначении нужно мыслить американскими формулами. Штаб базы вооруженных сил — это то, чего не миновать ни одному призывнику. Здесь тебя убеждают в том, что жизнь добровольца куда легче, чем жизнь солдата, призванного по мобилизации, будь то на море, в небе или на суше... Одним словом, в любом роде войск... Этой агитацией пользуются при приеме призывников.

Штаб этой базы вооруженных сил я нашел близ морского берега в Южном Бостоне. Он прятался в дебрях громадных зданий. Я с недоумением отметил, что у ворот стоял полицейский, а не военный, как у нас в Европе, где все военные объекты охраняются военными.

На моей повестке указывалось, что мне надо явиться в корпус Е, на первый этаж.

У входа в корпус Е не было ни души. Ни души и в коридоре. Я пошел по нему — что мне еще оставалось делать? — и стал искать нужную мне дверь.

Двери ничем не отличались одна от другой, только надписями. На одной стояло: «Военно-морские силы»,

* GI — Government Issue — прозвище американского солдата.

на другой: «Морская пехота», на третьей: «Военно-воздушные силы», на четвертой просто: «Армия». Сколько кабинетов, столько родов войск.

Как быть? Кого бы спросить, в какую из этих дверей войти? Не торчат же здесь, в коридоре, вечность.

Я набрался храбрости и постучал в ближайшую дверь.

Ответа не последовало.

Еще раз постучал.

Опять безрезультатно.

Я подошел к следующей двери. Туда, где значилось «Армия». Когда попытка достучаться и здесь не увенчалась успехом, я, обозлившись, забарабанил в дверь кулаком.

Это помогло.

Дверь стремительно отворилась. Теперь-то я понял, почему до сих пор никто не услышал моего робкого стука. Двери изнутри были обиты толстым слоем ваты.

Передо мной стоял одетый в парадный мундир человек. Я умел уже распознавать знаки различия. Это был штаб-сержант.

— Прошу вас! — пригласил он меня. — По какому делу? — вежливо поинтересовался он.

Я встал навытяжку.

— Ференц Мадяр явился в ваше распоряжение для прохождения военной службы!

На какую-то долю секунды в глазах человека зажегся интерес, но тотчас его сменила широкая доброжелательная улыбка.

— Добро пожаловать! — И он протянул мне руку. — Но зачем же мы разговариваем, стоя в дверях? На то и существует кабинет, чтобы удобнее было беседовать.

Он отступил в сторону, пропуская меня вперед.

Я очутился в просторном помещении, которое свободно можно было назвать залом. Тюлевые занавески на окнах щедро пропускали солнечные лучи. Паркет был прикрыт толстым мягким ковром почти во всю площадь кабинета. Перед окном, чуть повернутый к двери, красовался ореховый письменный стол. На нем лежало несколько бланков и плоский кожаный портфель. Больше ничего. В светлом углу у окна посетителя ожидали сто-

лик и глубокие кресла. Неподалеку от этого гарнитура стоял небольшой приемничек; из стереофонических репродукторов лились ободряющие звуки джаза.

— Присаживайтесь, пожалуйста! Не желаете ли сигарету? — Штаб-сержант в витиеватости обращения превзошел самого закоренелого мещанина.

«Если у них так относятся к солдатам, то незачем искать земного рая в другом месте, — подумал я и тут же вспомнил, какими усталыми казались мне солдаты у нас в Шопроне и в Чорне, где я часто проводил время у своей тетки. — Что говорить, здесь совсем иначе! Как-то человечнее! Совсем иное обращение! Я правильно сделал, что распрощался с убогой штатской жизнью, в армии я смогу стартовать со всеми наравне!»

— Может, выпьем? Что вам налить?

Он поднялся с места, и тут только я заметил спрятанный в стене бар. Когда он открыл его, то за внутренней стеклянной стенкой, осветив бутылки, зажглись желтые и розовые огоньки.

— Да вы не стесняйтесь.

— Я бы, если можно... попросил «scroudriver»...

Пока он наполнял рюмки, я внимательно разглядывал его. Благодаря военной форме, он казался довольно высоким, хотя, в сущности, это был низкорослый человек, думаю, не выше ста шестидесяти сантиметров. При этом он выглядел довольно грузным — не столько полным, сколько коренастым. Лет ему было, по моему, сорок — сорок пять. Каштановые волосы его смешались с сединой. Пожалуй, они-то и произвели на меня тогда наибольшее впечатление, они-то и придавали ему и предстательный и солидный вид. На его гладко выбритом лице теплилась дружеская улыбка, не слишком откровенная, а скромная, сдержанная, она лишь слегка подбадривала: не бойся, мол, ты попал к хорошим людям.

— Простите, — обратился он ко мне, после того как мы выпили и опустили рюмки, — у вас необычное имя. Откуда вы родом?

— Моя фамилия венгерская, «мадяр» — значит «венгр». По национальности я тоже венгр.

Парадный мундир его прямо-таки засиял от удовольствия.

— Вот оно что! Да это же великолепно! Вы, венгры, прекрасный народ. Я должен признать, — он доверительно склонился ко мне, — прежде я никогда не слышал о вашей стране. И, как мне кажется, не только я, но и большинство американцев. Вы понимаете, Венгрия так далеко и, — его взгляд стал виноватым, — как ни говорите, все же это маленькая страна. Зато теперь! Все мы узнали, кто такие венгры! Эт-та ваша схватка!.. Дружище! Да вас сам господь бог создал вояками!

Он не дал мне вставить ни слова и, еще ближе склонившись ко мне, продолжал:

— Ваше счастье, что вы попали именно сюда! Место таких людей, как вы, только в армии. Здесь перспективы! Многостороннее обучение, быстрое продвижение... одним словом, все к вашим услугам. Это мы создаем ядро вооруженных сил, отправляемых за границу... Выпьем же еще за то, что в нашем полку прибыло! Одним юным героем у нас стало больше!

Мы выпили. К спиртным напиткам я привык в компании Поула, так что несколько рюмок не опьянили меня, только подняли настроение.

— Вы были когда-нибудь на Гавайских островах? Нет? — Он с сожалением покачал головой. — Вы должны, непременно должны побывать на этих островах. Между прочим, наша армия и там имеет свои формирования. Я и сам попал туда благодаря армии. Райские места! Климат отличнейший. Пальмы, фруктовые деревья, цветы. Прямо удивительно, как там ухитряются разводить цветы в таком количестве: кругом цветы, цветы и цветы. Особенно хороши огненно-красные! Их вкалывают в волосы гавайские девчонки. Вы их хоть на картинах-то видели? Они изумительны! Что за стан! Что за изящество! Волосы черны как ночь, и в них огнем горят необыкновенные цветы! Эти девочки рождены для любви, да-да, именно для любви!

Он вскочил. Выдвинул ящик стола и принялся извлекать из него цветные фотографии.

— Смотрите. Вот вам Гавайи. Вы поглядите только на этих женщин! Для полного успеха достаточно появиться в военной форме США! И это не только на Гавайях. Взять, к примеру, острова южных морей, Япо-

нию, Вьетнам, Формозу! Оттуда можно перемахнуть в Гонконг. А это место будто специально создано для любви. Сотни кабачков, крошечные домики, в окнах которых призывно горят цветные фонарики. К вашим услугам также и джонки. Девушки на них доступны и особенно соблазнительны. Если только мне представится удобный случай, то я распрощаюсь со своей теперешней службой и вернусь туда. Вдобавок ко всему там можно заработать сколько душе угодно.

— Чем? — спросил я нерешительно.

Он не расслышал. По крайней мере сделал вид, что не слышит. С его лица сошла улыбка, он едва заметно покачивал головой, как бы прощаясь с приятными воспоминаниями, от которых должен в силу обстоятельств оторваться.

— А теперь перейдем к интересующему вас делу. Я виноват перед вами, что отнял у вас столько времени...

— Ну что вы, что вы... — поспешил я его успокоить.

— Итак, вы явились сюда, так как желаете быть призванным в ряды армии. Это очень благородно. Однако должен огорчить вас...

Я вздрогнул. Еще не хватало, чтобы в результате всего меня не приняли!

— Что такое? — хрипло, упавшим голосом спросил я.

— В призывной комиссии вам дали ошибочную справку, будто вы имеете право сами выбирать между обязательной и добровольной службой. Слыхали ли вы о законе Лоджа? Этот закон относится к эмигрантам, поступающим на военную службу. Вам, молодой человек, придется прослужить в солдатах пять лет. Дело только в том, у нас вы отбудете свой срок или пойдете, скажем, на морскую службу, то есть драить палубы. Или предпочтете воздушный флот, где будете охранять бензохранилища.

Он умолк, пристально глядя на меня.

— Но мне было бы жаль, черт возьми, если бы мы лишились такого славного малого, как вы. Да и за вас обидно, если вы потеряете возможность отвезти престели Гавайев, Формозы, наконец, Западной Германии — я забыл сказать, что вы и туда можете быть на-

правлены. Немочки тоже, надо отдать им справедливость, имеют свои преимущества! И, если учесть, что у нашего брата там денег куры не клюют...

Он дал мне лист бумаги.

— Ну, нате, подпишите, что именно у нас желаете провести эти пять лет. Я же в свою очередь скажу вам: вы никогда не пожалеете, что постучались именно в эту дверь.

Я, конечно, подписал.

Правда, пять лет мне показались сроком немалым, но в конце-то концов... К тому же человек этот совсем вскружил мне голову своими рассказами.

Только намного позже я узнал, что симпатичный, располагающий штаб-сержант — просто-напросто вербовщик, который получает по десять долларов за каждый подписанный год контракта. Значит, меня он продал армии за пятьдесят долларов.

Но в то время я этого даже не подозревал, я был счастлив оттого, что меня оценили и что судьба привела меня в такое хорошее место.

За подписанием договора последовал медицинский осмотр целым рядом специалистов. Меня признали годным.

Затем началась проверка моих умственных способностей.

Сначала со мной обошлись, как с дефективным ребенком.

Передо мной положили рисунок, изображающий клещи. Здесь же, под ними, были напечатаны названия различных инструментов: отвертка, молоток, гаечный ключ, клещи, долото, циркуль... Я должен был подчеркнуть соответствующее изображению название.

Следующим номером этой программы мне вручили деревянный диск в виде циферблата с двумя стрелками. «Двигайте скорее стрелки!» Полдесятого, четверть первого, без четверти пять... В конце концов меня и самого удивило, как это я не запутался.

Когда была неопровержимо доказана моя умственная полноценность, мне стали давать другие задания.

Экзаменатор подал четыре сигнала морзе, повторил еще и еще, и так, пока я кивком не остановил его, дав

понять, что эти сигналы я уже усвоил. Передо мной опять лист, на нем, чередуясь в густых печатных строках, стоят уже заученные мной соответствующие буквы.

Сигнал морзе.

Я птичкой отмечаю на бумаге соответствующую букву.

Снова сигнал, и снова птичка.

И все быстрее и быстрее, в беспорядке.

Теперь меня ожидали более трудные испытания. Менялись экзаменаторы, усложнялись задания. Проверили действие моих рефлексов. Спросили, разбираюсь ли я в математике, даже задали какой-то вопрос из тригонометрии. Не обошли и мои познания по части грамматики английского языка и английской литературы. Затем им захотелось узнать, насколько хорошо я соображаю. Потом, наверно, целый час гоняли меня по правилам уличного движения. После этого посадили за руль, решили проверить, каков из меня водитель.

За все ставились оценки, результаты подробно фиксировались. При этом пути учтвого обращения ни на миг не ослабевали.

После всей этой сложной процедуры передо мной вырос молодой офицер:

— Будьте так любезны, сэр, следуйте за мной!

Мне даже в голову не пришло спросить, куда и зачем я должен идти. Я чувствовал себя усталым и подавленным. Хотелось поскорее покончить со всем этим.

Кабинет, куда меня ввели, принадлежал полковнику. Он поднялся из-за письменного стола и протянул мне руку.

— Мистер Мадяр, вы сдали все экзамены с весьма хорошими оценками... Здесь вы для того, чтобы присягнуть флагу Штатов.

Так я и предполагал, я ждал этого акта, тем не менее грудь мою распирала гордость. Вот вам: сын маленького народа вступает в ряды армии одной из крупнейших держав земного шара. Да еще отлично выдержав экзамены.

Я повторял слова присяги.

— Поздравляю вас, молодой человек! И приветствую как добровольца армии США!

Опять рукопожатие, и наконец дверь за мной затворилась.

Для меня началась жизнь, резко отличавшаяся от прежней.

В штабе базы вооруженных сил меня снабдили билетом первого класса на самолет, а также талонами на питание на сумму в двадцать пять долларов. Я мог их предъявить в любом ресторане. Вдобавок мне выдали еще десятидолларовую бумажку, чтобы я не утруждал себя ходьбой и в случае необходимости пользовался транспортом. Согласно приказу, я должен был незамедлительно вылететь в находящийся в Южной Каролине Форт-Джэксон.

Первый мой в жизни полет казался мне волнующим и приятным приключением. Кругом меня сидели незнакомые люди. Хотя все они были в штатском, по самым различным признакам я заключил, что с подобным моему назначением в самолете больше никого не оказалось.

Рядом со мной сидел элегантно одетый пассажир средних лет. Судя по его внешности, он мог быть богатым коммерсантом. Почти сразу же после того, как мы сели в самолет, он обратился ко мне:

— Вы что, впервые в воздухе?

— Да, сэр, — ответил я, стараясь понять, как он догадался.

Он, видимо, понял, о чем я размышляю, так как, засмеявшись, сказал:

— У вас это на лице написано! Вы бледны, постоянно оглядываетесь и вдобавок еще мнете в руках кулек.

Я взглянул на свои руки и сконфузился. В самом деле, я взволнованно теребил нейлоновый мешочек, врученный мне на случай недомогания.

— Тут стыдиться нечего, молодой человек. Все мы так начинали пользоваться крыльями. Ничего, это пройдет. Закурите? — с этими словами он вместо сигарет протянул мне жевательную резинку.

— Благодарю, сэр!

— Да, лишь бы добраться благополучно. Черт его знает, почему в последнее время так много аварий!

«Ага,— вздохнул я облегченно.— Тебе тоже страшновато, дружок. Только ты умеешь это скрывать».

Я сразу же почувствовал себя равным ему.

— В таком случае почему вы решили лететь самолетом?

— Из-за времени. Самый быстрый способ.

Рядом с нами остановилась стюардесса. Она предложила прохладительный напиток.

— Берите,— посоветовал мой сосед.— Прекрасное средство для успокоения нервов!

«Чтоб тебе пусто было,— обозлился я на себя.— Неужели же и вправду по твоей роже видно, что ты желторотый?»

С этого момента я перестал интересоваться жизнью самолета, скорчив флегматичную мину человека, которому ровным счетом наплевать на то, что с ним происходит. В конце-то концов, чем я могу в случае чего изменить свою участь, нашу участь?

Мы вышли из самолета поздно вечером на аэродроме Колумбии. Я распрощался с попутчиками. Взглянул в сторону милостивой стюардессы и встретился с ней взглядом: она в эту минуту разглядывала меня. Девушка покраснела.

«Эх, Фери, неплохо бы тебе начать солдатчину с незабвенной ночи!» — вздохнул я, будучи на пути к тому, чтобы только утром явиться на место назначения. Но мысль о возможных неприятностях взяла верх.

Я разыскал телефон-автомат и позвонил в Форт-Джэксон.

— О'кэй, бой, выезжаем за вами! — ответил голос, и трубку повесили.

Прошло не больше двадцати минут, как явился человек в военной форме, но без знаков различия. Он внимательно осмотрел меня, затем прямо подошел ко мне.

— Вы звонили?

— А откуда вы знаете? — ответил я вопросом.

Он осклабился.

— У меня глаз наметанный! — И с этими словами он взялся за мой чемодан.

— Да что вы в самом деле! — схватил я его за рукав.
— Оставьте! — отмахнулся он.— Пока вы не переступили ворота лагеря, считаетесь господином.

Слово «пока» резануло мне ухо. Оно еще долго вертелось у меня в голове, вытесняя прочие слова, мысли, потом я беспечно позволил ему улетучиться, и оно лопнуло как мыльный пузырь.

В темноте из окна машины я ничего не мог разглядеть. Внезапно мы въехали в какие-то ворота, за которыми в неровном свете фонарей и прожекторов показались великолепный, содержащийся в образцовом порядке парк. В луче прожектора передо мной блеснула надпись: «Добро пожаловать!» Такой прием показался мне весьма любезным.

— Вы голодны? Желаете поужинать? — спросил в канцелярии писарь, регистрировавший мое прибытие.

— Спасибо, я уже поел на аэродроме.

— В таком случае отдохните. А то с утра у вас начнутся хлопоты... Я покажу вам вашу комнату.

Меня проводили в отведенную для гостей комнату, обставленную просто, но удобно. Я умылся теплой водой, которой, к немалому моему удивлению, снабжался один из кранов (я его открыл из простого любопытства, захотелось узнать, для чего их два).

Словом, военная жизнь, по крайней мере поначалу, прилась мне по душе.

Разбудили меня в четверть шестого утра. Я быстро умылся. Завтрак мне принесли в комнату. Позавтракав, я вышел во двор. Там я впервые встретился с такими же, как и я, солдатами.

Подали несколько небольших автобусов. Мы сели в них.

Моим глазам открылось необычное зрелище. Всюду, где мы проезжали, стояло множество выкрашенных в песочный цвет двухэтажных деревянных строений на бетонных сваях. Большой военный город был вдоль и поперек разделен, будто под линейку, ровными улицами на правильные квадраты.

Я умышленно сказал «город». Ибо по своим размерам этот лагерь может соперничать с самым большим пештским районом и в нем проживает больше двадцати

тысяч «джи ай». На этих улицах армеец найдет любой нужный магазин, любое заведение, начиная от парикмахерских и кончая закусочными. Все эти магазины и заведения на местном жаргоне сокращенно называются «пи экс»*, так же как солдаты — «джи ай».

Проделав множество поворотов, мы остановились возле постройке, которая была больше остальных. При нашем появлении оттуда вышло несколько сержантов.

— В шеренгу стройся!

— Переключка! Услыхав свою фамилию, каждый из вас должен стать по стойке «смирно» и ответить «я». Понятно?

Этот тон уже в корне отличался от прежнего. Здесь разговаривали по-военному, сурово.

В сущности, меня никто не обидел, и все же мое благодушное настроение мигом исчезло.

— Поттер!

— Я!

— Гибонс!

— Я!

— Конэто!

— Я!

— Хайдвеги!

Я насторожился. Хайдвеги... Хайдвеги... Не есть ли это...

— Я!

Твердое, трескучее произношение. Вот тебе на! Да это же венгр!

Не успел я обрадоваться, как назвали меня.

Затем:

— Шлинковиц!

— Я!

— Мак-Дермотт!

— Я!

— Тудореску!

— Я!

— Хэлд!

— Я!

* РХ — Post Exchange — гарнизонное военно-торговое предприятие.

Все на месте.

Каких только национальностей здесь не было! Американцы. Шотландцы. Итальянцы. Венгры. Поляки. Румыны. Немцы. Прямо-таки иностранный легион в миниатюре!

Что ни говори, Америка страна большая, и население ее сколочено из различных народов.

— Внимание! — загремела вдруг команда. Да, это была уже не вежливая просьба, а приказ. Команды щелкали одна за другой:

— Напра-а-ву! Два поворота нале-ву! За мной!.. Шаго-о-ом марш!

Мы вошли в коридор.

— Стой! Раздевайсь!

Мы в недоумении уставились друг на друга.

— Вам понятно? Раз-де-вайсь! Догола! Быстро! Живо! Время дорого!

Через полминуты мы уже нагишом ожидали, что будет дальше. Снова раздалась команда: «Стройся!» Каждый глядел теперь в затылок впереди стоящего.

К нам подошел солдат. Он стал снимать с нас мерку. Каждому дал номер.

— Внимание! Сейчас пройдете гуськом по коридору. Перед каждым окном покажете свою физиономию, назовете свой номер и возьмете то, что положено!

Из первого окна высунули рюкзак. Цвета хаки. Крепкий, брезентовый. На замке. Из второго — брюки. Из третьего — гимнастерку. У остальных окон мы получили белье, столовый прибор, судки — все, кроме оружия.

Из предпоследнего окна чьи-то руки повесили каждому на шею по медальону: найдут тебя где-нибудь в поле, хоть знать будут, как звали...

В конце с помощью какого-то хитроумного приспособления увековечили на рюкзачке несмываемой краской наши фамилии и номера. А там пошла мелочь: сперва на груди гимнастерки надо было нашить самому лоскут с фамилией, затем был проведен ряд предохранительных мероприятий (уколы, царапины, пластыри).

И вот мы заделались заправскими вояками.

Когда со всем этим было покончено, на дворе уже стемнело. Теперь-то не комнаты для гостей ожидали

нас, а участок лагеря, где помещали и муштровали новобранцев.

Мы думали, что наконец-то можно будет выспаться, но не тут-то было. Следовало еще получить нужное для занятий воинское снаряжение и полуавтоматическую винтовку образца М-1. Как ни был я измотан, но иронически улыбнулся, когда мне вручили и штык-тесак. В современной Америке наряду с совершеннейшими видами оружия этот тесак показался мне анахронизмом, безделушкой, оставшейся нам в наследство от средних веков. Мог ли я предположить в ту пору, что именно он станет важнейшим предметом моего военного снаряжения, оружием, при помощи которого можно убивать бесшумно, незаметно.

Глава четвертая

Форт-Джэксон — Форт-Беннинг

Вы, вероятно, незнакомы с типичным американским Югом?

Представьте себе пустыню величиной с целую страну. Куда ни глянь — всюду желтый песок. Осадков почти не бывает, а если и пойдет дождь, то не знаешь, благословлять его или проклинать. Устремится вода на землю сплошным потоком, все круша на своем пути, при непрерывном огне молний, ниспосылаемых небесной чернотой. Ох, и безотраднее же места... Насколько я знаю, рек там нет ни одной.

Жидкие, похожие на скверы оазисы лишь изредка ласкают взор. В них только пальмы да карликовые сосны. А чуть подалее — хлопок и хлопок, повсюду хлопковые плантации. Животный мир здесь так же скуден, как и растительный. Только гадюки водятся в избытке. Особенно гремучие змеи: мерзкие, плоские головы их то и дело вырастают перед тобой. Вот почему дома строятся тут на сваях.

Город расположен неподалеку от лагеря. И не какой-нибудь город, а сама Колумбия — столица Южной Ка-

ролины. Размерами он будет с наш Сегед, и, если на миг забыть, можно бы принять его за Сегед, по крайней мере так мне казалось. Может быть, именно то, что я был здесь одинок, что жизнь эта очень скоро стала мне ненавистной, заставляло меня, как бы в утешение, искать в этих краях общие черты с родными местами.

Но первое же посещение города убедило меня в том, что Колумбия ничем не похожа на Сегед. Здесь резко отделены друг от друга кварталы белых и черных, так же, как и сами белые и черные.

В армии мы служили вместе с неграми, более того, негры встречались и среди наших офицеров и сержантов. Но это равноправие или это служебное превосходство с их выходом из стен Форт-Джэксона оставалось в лагере, как сброшенная при выходе с работы спецодежда.

Своих инструкторов мы, как правило, ненавидели. Но был среди них один, которого мы ценили за то, что он обращался с нами по-человечески. Родился он с черной кожей. Вырос в Джорджии и успел получить от жизни немало уроков.

Однажды — спустя некоторое время после нашего прибытия в лагерь — мы встретились с ним в Колумбии.

— Здравствуй, господин сержант! — крикнули мы ему хором. Нас было человек восемь, все из Восточной Европы.

— Привет, ребята! — Он хотел было быстро пройти мимо, но мы загородили ему дорогу.

— Эту встречу мы должны непременно отметить!

— Вон бар! Пошли выпьем!

— Ур-ра! Вот здорово будет!

Мы окружили его тесным кольцом, чтобы потащить с собой. Это был единственный человек, согревавший нас лаской на чужбине.

Но он уперся. Стоял неподвижно, словно врос в асфальт. Когда он заговорил, голос его был тихий и просящий.

— Прошу вас, ребята, оставьте меня, не подвергайте опасности!

Нам показалось, что мы чего-то недослышали.

— Но почему же?

— А потому, что вы белые, а я...— Его глаза застлали слезы. Он едва удержался, чтобы не заплакать.

— Но вы сержант!

— Все равно. Мы находимся на Юге. В ту минуту как я покидаю лагерь, я просто негр. Паршивый, презренный негр, которого безо всякого можно линчевать только за то, что он осмелился показаться в вашем обществе.

Мы простились с ним. Он пошел своей дорогой, а мы своей. Но нашего хорошего настроения как не бывало, его не вернуло и вино.

Однако подобные, обогащающие наш жизненный опыт случаи представлялись не часто. Все наше время, все силы отнимали тяжелые, более того, мучительные недели муштры: «Напра-ву! Нале-ву! Бе-гом! Полз-ком! Парадным шагом марш!» И все это при тридцати пяти градусах жары по Цельсию, на таких песках, которые не уступали пескам Сахары. Даже без малейшего ветерка песчинки поднимались и летали в раскаленном воздухе, чтобы облеплять нашу залитую потом, соленую кожу. Горячие и колющие, они въедались в поры, а это пытки, пожалуй, изощреннее тех, к которым прибегали в свое время инквизиторы. Защищаться от этих крохотных, но ярых врагов было невозможно. Приходилось привыкать к тому, к чему привыкнуть казалось невозможным!

Единственно, с чем было благополучно, это с продовольствием. Нас кормили вкусно и обильно. Можно сказать, отлично.

В сущности, отличным можно бы назвать и метод обучения, он полностью отвечал поставленной цели: физической и духовной ломке человека.

Продолжительность ежедневных занятий часто составляла все двадцать четыре часа. У нас не было ни дня, ни ночи; мы в страхе закрывали глаза для короткого сна, не зная, в какую минуту нас вспугнут грубыми окриками.

Американской молодежи никто не мешает вести разнузданный образ жизни. Для нее не существует запретов, она может делать все, что ей вздумается, даже совершать преступления! В худшем случае ей приходится

нести наказание. Родители воспитывают своих детей так, чтобы с ними было поменьше мороки, и, как ни странно, это именуется у них предоставлением самостоятельности. Ребенок-де должен поскорее усвоить, что жизнь беспощадна, и чем раньше он встанет на собственные ноги, тем лучше для него.

Все упущенное родителями сплошь и рядом приходится наверстывать полиции или, что неминуемо, армии.

В первом случае это будет наказание, во втором — объездка. Да, строптивых молодых людей объезжают, как диких жеребцов!

Впрочем, тут есть одно «но». Американским парням побои были не в диковинку. Нам же, выходцам из гуманной Европы, здешние приемы казались варварскими.

Наши инструкторы-сержанты подбирались соответственно с вышесказанным: от них в основном требовались сила, неумолимость, грубость и жестокость.

Обратили ли вы внимание на описанного мною выше вербовщика? Обратили ли вы внимание, как восторгался он Венгрией? Как захлебывался похвалой в наш адрес? Какие, мол, бесподобные мы ребята? Здесь пели совсем иное!

То была песня, заткнувшая за пояс песню пресловутого Французского иностранного легиона.

Как-то мы стояли в строю.

— Вы чего вылезли из шеренги, бегемот несчастный? — накинулся сержант на одного из нас.

Солдат молчал.

— Вы что, оглохли? Я спрашиваю, чего прячете харю?

Тот, к кому это относилось, стиснул зубы и молчал. И я на его месте сделал бы то же: ведь все мы уже научились распознавать провокацию. Во сто раз хуже придется тому, кто ответит!

— Молчите? Скотина! Выйти из строя! — рявкнул сержант.

Приглушенно застучали по бетону резиновые подошвы тяжелых башмаков.

— Опять венгр? Самая недисциплинированная, ничтожная тварь!

Солдат — помню только, что его звали Имре и что он был в числе мятежников, собиравшихся возле универмага «Корвин», — побелел.

— Господин сержант!.. — начал он.

— Цыц! Заткни глотку! — Теперь сержант уже перешел на «ты». — Отец твой и мать твоя были скотами, раз породили такого подонка!

— Господин сержант!.. — Имре сделал шаг вперед.

Сержант окончательно вышел из себя.

— По направлению к пескам шагом марш! — командовал он Имре. — Стой! Вырыть окоп для наблюдения за танками!

Мы были в полной походной форме. Приказ этот означал, что Имре должен своей маленькой саперной лопатой вырыть индивидуальный окоп и из этого окопа до заката наблюдать за «противником». Представьте себе, в эту убийственную жару находиться часами в каске под прямыми лучами палящего солнца...

Просто чудом он не сошел с ума!

Когда его вечером вытащили из окопа, он был без сознания. А на другое утро он, встретив своего мучителя, подошел к нему и ударил его по физиономии.

Щека у сержанта оказалась рассеченной до самых губ. Он взвыл, как раненый зверь. В мгновение ока к Имре подскочили дежурные и потащили его в сержантскую комнату. А оттуда он попал в лазарет. Вернулся Имре из лазарета лишь через две недели, тихий, призмивший. Но в его глазах с тех пор то и дело вспыхивал где-то в глубине злой огонек.

Я не принадлежал к числу друзей Имре. Но те, с кем он был дружен, не остались равнодушными к этому издевательству. В день его отправки в лазарет, сразу же после занятий, из их барака вдруг показались языки пламени. Мигом занялась крыша, оконные рамы, горели уже и стены... Через несколько минут все вокруг превратилось в море огня. Завыли сирены, появились пожарники. Спасали соседние строения — то, что горело, спасать уже не имело смысла.

Следствием было установлено, что одиннадцать венгров, затащив в барак бензин, расплескали его и подожгли. В отместку. За Имре.

Наказание виновникам вынесено было сравнительно легкое. Их приговорили всего-навсего к двум неделям ДПК. Что значит ДПК? Дежурство по кухне, только и всего. Но что это было за дежурство!

Ежедневно после занятий — если даже они вклинивались в ночь! — следовало идти на кухню чистить овощи, резать мясо, мыть посуду... Самое меньшее на два-три часа. В субботу и воскресенье дежурили утром, днем и вечером.

Повара вдобавок получили указание как можно полнее использовать одиннадцать штрафников, и они, не будь промах, нагружали их, чем только могли.

Парни выдержали одну неделю.

И тогда...

Был вечер. Усталые и голодные после трудного дня, мы с нетерпением ждали ужина. Однако с кухни на этот раз почему-то не доносилось ни щекочущих поздри запахов, ни стука крышек — словом, не было никаких признаков еды. Первая явившаяся в столовую смена нашла кухню пустой и холодной.

Ни ужина, ни поваров.

Кругом все словно вымерло.

Начался методичный обыск.

Кому-то пришло в голову даже открыть огромные холодильные шкафы. И что же? В них обнаружили трех полузамерзших людей с заиндевевшими волосами. Это оказались повара.

А одиннадцать моих соотечественников были найдены военной полицией в клубе за безмятежной игрой в бинго. Играли как ни в чем не бывало. А ведь ручку переключателя повернули, черти, на наибольшее охлаждение.

Позднее повара рассказали, что бунт начался из-за чистки посуды. Не успели они оглянуться, как их уже раскаленными кочергами загнали в холодильники, где висели замороженные туши.

Молодчикам из военной полиции тоже немало хлопот причинила эта без одного дюжина. Завидев форму военной полиции, венгры выхватили штыки, и пошло! Да не как-нибудь, а во всю богом данную мочь!

Угломонить их удалось лишь бомбами со слезоточивым газом.

Что было с ними в тюрьме военной полиции, не знаю, — хотя позднее и я на себе испытал кое-что из тех секретов, — только вернули их оттуда смиренными ягнятами. Но штыки были тотчас же отобраны у венгров. У всех без исключения...

Началось изучение винтовки, стрельба боевыми патронами, знакомство с основами топографии. Нас учили разбивать лагерь, устанавливать палатки. Потом последовали бесконечные походы. Нас приучали к газам. В противогазах и без них. Страшновато было заходить в газовую камеру, делать легкий вдох, ощущая при этом горьковато-терпкий вкус газа, вызывающий позывы к рвоте. Но мы и тут должны были подчиняться команде, так же как подчинялись ей на итоговых занятиях: ползком, прижимаясь к матери-земле, продвигались мы на заданном участке к цели, в то время как над нашими головами свистели боевые трассирующие пули автоматических орудий. Если ты по целовкости чуть подынешь зад — будешь ранен, подынешь голову — будешь убит.

Здесь даже на учениях не шутили.

Этот ад длился восемь недель.

Экзамены мы держали поодиночке перед комиссией, состоящей из офицерского состава.

Я был удостоен «значка снайпера» и отличной аттестации. К этому мне дали еще двухнедельный отпуск, и полковник написал благодарность моей матери за то, что она воспитала такого молодца для армии США.

В полку меня ждал письменный приказ, согласно которому я должен был немедленно явиться в роту С 11-й боевой группы 3-й дивизии.

Здесь я так же, как и в прежней части, получил все необходимое, только вместо винтовки мне вручили карабин.

А на другой день последовало повышение в чине, вернее, это не было еще чином, просто в результате хорошо выдержанных экзаменов я стал Е-2*. Зато месячное жалованье мое увеличилось на десять долларов.

* Согласно таблице о рангах армии США, Е-2 — солдат, второе звание рядового состава, в отличие от Е-1 — новобранец.

Я был освобожден теперь от всевозможных нагрузок, не относящихся непосредственно к военной учебе (в том числе и от ДПК). Мне выдали постоянную увольнительную. В подготовительной части меня произвели в должность командира отделения.

На данном отрезке учебной программы нас ознакомили со всеми видами оружия пехотинцев. Я теперь вполне освоил пистолет, автомат, карабин, винтовку, пулемет, изучил новейшие виды разрывных пуль, фаустпатроны, минометы, 106-миллиметровые противотанковые пушки. Если к этому еще добавить, что мы получили некоторые познания в области военно-инженерного дела — овладели, например, минированием, — то мой перечень будет полным.

Мне особенно нравилась стрельба по движущейся мишени. То были настоящие сражения с настоящей боевой техникой.

Под покровом ночи в бой пускались на самых различных участках полигона забракованные старые танки.

Наше дело было обнаружить их... Подобраться к ним ползком, взять на прицел, нажать курок... Последует ослепительная вспышка, дрогнет цель... броня пробита... Раздастся взрыв...

Война, наверное, дело мерзкое, но нас учили находить в ней удовольствие. Осознать свои силы! Ощутить радость победы над врагом! Торжествовать!

За хорошими результатами всегда следовало поощрение. Тут уж все зависело от расположения начальства, которое, разумеется, надо было завоевать.

«Сын мой!

Трудно привыкнуть к твоему отсутствию, к мысли, что наша семья опять не в полном составе. Тебе, наверное, странным покажется, что пишу именно я, тот, кто больше всего жил в стороне от семьи и недавно, уже добровольно, опять покинул семью.

Ты должен знать, что тебя нам очень недостает, что гнездо наше стало без тебя как-то холоднее: ведь ты был в нем источником добра.

Ты удивлен? Недоумеваешь? Объясню. Твой поступок — вступление в армию — открыл мне, твоему отцу,

глаза. Мне стало ясно: ты оставил дом из-за меня. Таким образом, я лишил твою мать сразу двух кормильцев и двух любящих сердец... И мне надлежало искупить свою вину. Я вновь дома. Я стал справедливее и терпеливее, чем прежде, я стал счастливее, чем когда бы то ни было.

Мы вместе читаем твои письма, где ты отчитываешься в своих делах и достижениях. Я и помимо этого получаю о тебе сведения, надеюсь, догадываешься, каким образом? Я горжусь тем, что ты солдат такой удивительной армии и что ты преуспеваешь в учебе.

Не забывай о том, что тебя учат с оружием в руках охранять свободный мир, защищать западную культуру, искусство, религию, гуманизм от посягательства азиатских варваров.

Благодаря моим связям я имею возможность неотрывно следить за твоей дальнейшей судьбой. Я окажу тебе всяческое содействие, чтобы ты мог продвигаться на избранной тобой стезе, ты же в свою очередь знай: настанет время, и на твою долю выпадет немаловажная роль в освободительном движении.

Да хранит тебя Бог.

Целую.

Отец»

Письмо от отца пришло тогда, когда я уже благополучно сдал экзамены после второго тренинга. Мне стало легче оттого, что отец опять дома и что это произошло благодаря мне. Было очень приятно читать похвалу отца. Что до его обещания в отношении помощи мне, то я совсем не придавал этому значения. Достигнутые успехи делали меня уверенным в себе, и мне казалось, что в протекции я вовсе не нуждаюсь. Однако последняя фраза письма засела у меня в голове. Что он подразумевает? Какая роль и в каком освободительном движении? Я ничего не мог понять. Несколько дней ломал над этим голову, но потом происшедшие события отвлекли меня.

Через неделю командование сообщило, что мне оказана большая честь.

— Вы поедете в Форт-Беннинг. Мы командуем вас на учебу в школу военной полиции. Ведите себя и в дальнейшем так же хорошо — ведь вы должны будете стать примером для десятков тысяч уроженцев Америки! — таковы были напутственные слова майора.

Самое быстрое средство передвижения и самый распространенный вид связи на этих необъятных просторах — авиация. И я снова в самолете.

Приземлились мы в штате Джорджия. Однако ощущение у меня было такое, будто я снова очутился в Баконе*. От аэродрома к городу вела довольно длинная шоссе-ная дорога. У меня сердце замирало от волнения, когда мы мчались по шоссе к холмам, поросшим пышными лиственными деревьями.

Невысокие горы сменялись здесь долинами, которые поражали своей нетронутой красотой. Зеленые лужайки, живописно извивающиеся речушки, в которых, стоя по колени в воде, невозмутимые рыбаки следили за тем, как клюет форель.

Позднее, когда у меня изредка выдавались свободные от занятий часы и я мог уходить в лес, я все больше убеждался, что и животный мир здесь во многом напоминает мне родную природу. Во время своих одиноких прогулок особенно часто встречал я косуль, олений, кабанов.

В Атланте, куда нас привезли с аэродрома, у меня было памятное приключение.

Честно сказать, я не питаю особых симпатий к неграм. Но и против них ничего не имею. В общем негритянский вопрос меня не волнует. В бытность мою в Америке меня часто вовлекали в разговоры об ограничениях или о равноправии негров, но я так и не вник в суть негритянской проблемы. Я неоднократно наблюдал, как разгорались страсти и за негров и против них, но, повторяю, меня все это не трогало. Кроме, разве, единственного случая, о котором я и хочу рассказать. Может, именно он и послужил причиной моего молчания при обсуждении участи негров. Этот вопрос я так и не смог разрешить для себя.

* Лесистая местность в Венгрии.

Времени у меня оставалось более чем достаточно. Мы уже в полдень опустились на бетон аэродрома, явиться же к месту назначения я должен был, согласно предписанию, только утром следующего дня... И я решил осмотреть город. Атланта — город с более чем полумиллионным населением — сулила мне немало интересного.

В течение целого часа наслаждался я новизной, занимающей всякого приезжего в незнакомом городе.

И тут я наткнулся на такую диковину, которая чуть было не стоила мне жизни.

Где я находился, на какой улице, уже не помню. По правде говоря, меня не столько интересовали названия улиц, площадей, сколько зрелища, которые передо мной открывались, вся кипучая жизнь города.

Мое внимание привлекла группа возбужденных подростков. Они сомкнулись кольцом вокруг долгового белоного паренька лет тринадцати, яростно потрясавшего кулаком перед носом негра примерно такого же возраста.

— Толкнул ведь меня, гад! Чуть было из-за него под колеса не попал!

Было похоже, что обвинение это вызвано давней ненавистью, а не этим незначительным фактом.

Я подошел поближе.

На черном детском лице отражался невыразимый испуг. Его глаза метались, тревожно сверкая белками. Углы губ были опущены, казалось, он вот-вот расплачется. Кожа на его лице выглядела серой, наверное от страха.

— Неправда! Я даже не коснулся его!

— У-у, черномазая образина! Может, скажешь, что белые врут?

Кто-то из детей плюнул в него.

Негритянский мальчик рукавом рубашки стер слезы и втянул голову в плечи, так как в этот момент кулак долгового блондина описал дугу и опустился на его лицо.

— Бей! Бей!

— Да ты по голове его!

Срывающиеся тонкие и грубые голоса подростков слились в один общий гул. Вдалеке у перекрестка по-

явились фигуры нескольких взрослых людей. Они хладнокровно, не спеша приближались к группе подростков. То были белые.

«Здесь пахнет линчем», — спохватился я.

Мне и в голову не пришло бы вмешаться, не встретясь я взглядом с негритенком. Лицо его уже в нескольких местах кровоточило, а в глазах застыл смертельный страх затравленного зверька.

Но это были глаза человека.

Более того, глаза ребенка.

Мне свойственно быстро принимать решения. Да и времени не было для раздумий. Я бросился к мальчишкам, растолкал их и схватил негритенка за руку.

— Бежим!

Вот когда пригодилась мне полученная в Джэксоне тренировка! Мальчика я буквально волочил за собой, с перепугу у него не было сил даже спастись.

Вслед нам несся дикий вой — юнцы уже очнулись от удивления. К ним теперь присоединилось несколько взрослых. За нами началась погоня.

Я чувствовал, что от быстроты наших ног зависит жизнь нас обоих. Если настигнут — не миновать линчевания.

Вдобавок нам угрожала опасность окружения. Преследователи знали город, а я нет. На чернокожего мальчугана рассчитывать не приходилось: он был скорее мертвым, чем живым, и перебирал рядом со мной погами по инерции.

Вдруг из переулка вырвался автомобиль и перерезал нам дорогу. Я решил, что это конец.

— Сюда! Сюда! А ну живее! Не то вам придется худо!

Из распахнувшейся дверцы к нам протянулась чья-то рука. Я затолкал мальчика на заднее сиденье. Сам же плюхнулся рядом с шофером. Не успели мы сесть, как машина рванула и понеслась на полной скорости.

Вдогонку нам летели вопли неутоленной злобы.

— Ну, парень, не окажись я случайно в тех местах, армия уже лишилась бы одного солдата! — В голосе, озорном, но глуховатом от пережитого волнения, слышались нотки превосходства.

Я только теперь разглядел нашего избавителя. За баранкой сидел плечистый парень с открытым лицом. Он был в летной форме с нашивками младшего лейтенанта.

Негритянского мальчугана мы высадили на окраине города.

— Тут уж его свои спрячут, — сказал мой новоиспеченный покровитель. — А ты в Атланте лучше не оставайся! Не советую! Если узнают — крышка тебе! — добавил он. — Куда путь-то держишь?

— В Форт-Беннинг.

Он испытующе посмотрел на меня.

— Уж не в военные ли полицейские ты собрался? Я бы не сказал, что это заманчивое дело! — И он сморщил нос. — Ну, да все равно, ты парень — что надо, только гляди, душу б тебе там не покалечили! Знаешь, что? Правда, для этого мне придется сделать небольшой крюк. Я тебя подвезу!

Примерно в полкилометре от лагеря он остановил джип и высадил меня.

— Отсюда и пешком дойдешь. Не переносу я этих «эм пи»*.

Не успел я поблагодарить его, как он уже умчался. Мне тогда почудилось, что он не катит на четырех колесах по земле, а летит на десятиметровой высоте в сверхскоростном истребителе.

Форт-Беннинг напоминал Форт-Джэксон. Разница была, пожалуй, только в размерах домов и их окраске; здесь было больше трехэтажных бетонных зданий, выкрашенных в кирпично-красный цвет; они резко выделялись среди желтых барачков.

В те времена в Форт-Беннинге находился штаб 3-й американской армии, тут же размещались ее склады. На территории лагеря был отделен небольшой участок для курсов военной полиции.

Хорошо помню, как я подошел к воротам, у которых с неподвижностью статуи стоял солдат военной полиции. Возможно, я по-своему разумею понятие элегантности, но должен признаться, что изысканность в одежде этого человека просто поразила меня.

MP — Military Police (военная полиция) — сокращенное название военных полицейских.

Все на нем сияло чистотой и было, казалось, только что отутюжено. Нигде ни одной морщинки. Белые ремни сверкали в лучах заходящего солнца. Ботинки, хранившие на себе следы усердной обработки щетками и суконками, блестели, как лакированные.

Когда я предъявил ему свое направление, он даже не взглянул на него и продолжал, не мигая, стоять, как будто меня вообще не существовало.

Мне не оставалось ничего другого, как отважиться войти в ворота и самому разыскать канцелярию.

Писарь, который держался здесь хозяином, указал комнату, где мне предстояло жить одному в течение долгих недель.

Утром меня отвели к командиру. Я стоял навтыжку перед полковником со строгими глазами и суровыми чертами лица. Его подстриженные ежиком волосы были с сильной проседью. По тому, как он взглянул на меня, я понял, какая тяжелая жизнь мне здесь уготована.

— Я ознакомился с вашей характеристикой. Если вы и у нас будете так же прилежны, то мы с вами проживем без конфликтов. Одно вы должны четко усвоить: в наших рядах — это относится и к курсантам — требуется четкое соблюдение всех правил установленного распорядка. В этом мы не признаем попустительств, не знаем пощады. Если мы для вас чересчур строги, можете идти. Переведем вас на другие курсы, где легче, но меньше жалованье и, разумеется, меньше славы. Солдат же военной полиции — это как бы совесть американской армии!

— Господин полковник... — начал я.

— Постойте! — Он повелительно поднял руку. И тут же нажал одну из кнопок на письменном столе.

Настала напряженная тишина. Он молчал, а я говорить не имел права.

Минуты через две вошел солдат военной полиции. Не тот, которого я видел у ворот, но такой же подтянутый, отглаженный, безупречный, элегантный.

— Вот, посмотрите! — указал на него полковник. — Вам придется стать точно таким! Учтите, никаких скидок! Ну как, согласны?

— Так точно, господин полковник!

Он впервые улыбнулся, с тех пор как мы познакомились.

— Молодец! Между прочим, следом за вами выслали сюда документ о вашем повышении.— И он протянул мне руку.

Больше такой учтивости с его стороны я не замечал, разве что после экзаменов.

В общем я теперь Е-3, рядовой первого класса.

Прежде всего на курсах меня снабдили деньгами и послали за покупками.

Мне показалось странным, что я должен закупать линейки и тому подобную чепуху, требующуюся для наведения всяческого блеска.

Занятия проходили ежедневно, двенадцать часов подряд, по следующей программе:

Когда применять резиновую дубинку?

Куда следует ударить, чтобы оглушить?

Куда бить, чтобы у противника получился перелом предплечья, ребра?

Как пользоваться оружием в толпе?

Когда надо стрелять в воздух?

Когда стрелять в подозрительного человека или беглеца?

Когда стрелять по демонстрантам?

В чем отличие действий при исполнении служебных обязанностей на территории США от действий на территории иной державы? Каковы меры, применяемые в европейской, азиатской и африканской зонах?

Как должно держаться с белыми и как с цветными?

Как обезвредить пойманного человека?

Как одеваются наручники?..

Только вы не думайте, что это все, чему нас учили. Отдельную дисциплину составляли правила и регулирование уличного движения. Особое внимание уделялось изучению полицейского кода, тайн применения условных обозначений. По целым дням мы возились с техникой обыска. Заниматься приходилось много. Даже для того, чтобы научиться подставлять ножку, требовалась длительная тренировка.

Если жизнь в Форт-Джэксоне мне порядком надоела, то здесь она мне попросту опротивела. Только упрямство несло меня дальше по этому пути, да еще самолюбие не давало отступать.

У нас даже для сна не оставалось времени, не говоря уже о чем-нибудь ином. В лучшем случае нам отводилось для отдыха два с половиной — три часа.

Вы помните, как полковник, начальник школы, представил мне в первое же утро одного «эм пи», являвшего собой ходячий образец аккуратности?

Так вот, мы должны были стать похожими на него. Малейшая морщинка на френче или куртке, на вороте рубашки — и тотчас же снижалась оценка. От нас требовалось, чтобы складки на брюках соперничали с лезвием бритвы. Ботинкам полагалось сиять, как окнам после тщательной протирки. Головной убор следовало носить так, чтобы он ни на полсантиметра не был выше или ниже середины лба.

В таком же порядке требовалось содержать комнату и запасное обмундирование.

Был полдень. Мы, курсанты, ждали обеда, не столько ради еды, сколько ради короткой передышки для наших измученных тел и душ. Я вымыл руки. Достал чистый носовой платок — я был простужен: меня накануне утром прохватил сильный ветер — и направился было в столовую.

Но не успел я дойти до двери своей комнаты, как ее осторожно отворили снаружи. Вошли старший лейтенант и сержант.

— Курсант, к окну шагом марш! — скомандовал старший лейтенант.— Кру-гом! Расстегните френч! Откройте шкаф! Поднимите руки!

Все, что было на мне и в моей комнате, подверглось тщательному осмотру.

Одежда моя была безупречна, ведь я ежедневно, встав на рассвете, гладил и чистил ее.

Сержант сосчитал сложенные на полке рубашки — не окажется ли их больше положенного количества.

После этого он встал перед шкафом на стул и измерил, точно ли по уставу, на должном ли расстоянии от края шкафа лежит лаковый парадный поясной ремень.

Взял его и, будто под лупой, стал разглядывать от одного конца до другого, до пряжки. Только напрасно! Я и с ремнем возился каждый день: раскручивал его, натирал до блеска, снова сворачивал по мерке в десять дюймов и натягивал на прямоугольный кусочек картона. После этого водворял его на шкаф с левой стороны, на точно установленное место. Намотанный на картон ремень стоял там, словно дорогая миниатюра или всеми почитаемая реликвия.

Не скрывая досады, сержант молча спрыгнул со стула. Старший лейтенант, не произнося ни слова, устался на меня...

И вдруг, словно осененный блестящей идеей, быстро подошел к моему столу. Взял у сержанта измеритель, приставил его к пепельнице. Нагнулся. Прищурил один глаз, стараясь обнаружить щель между измерителем и пепельницей.

— Бумагу! — распорядился он коротко.

Сержант протянул ему лист бумаги.

— Что это значит? — спросил старший лейтенант дикующе, когда лист прошел сквозь невидимую глазом крошечную щель.

Я стоял молча. С горечью во рту. Горло мне сдавило негодование.

— За это — минус.

Того, кто получал двадцать минусов, вышвыривали вон.

Когда они вышли, я охотней всего расплакался бы от бессильной ярости. На миг мне захотелось изодрать тут все в клочья, загубить весь инвентарь — пропади она пропадом эта учеба, эта каторга! Но все осталось без изменений, продолжало идти своим чередом.

Мы ни о чем другом не в состоянии были думать, как о порядке. Мы и курить-то успевали только в отхожем месте — жалко было тратить время на это при других обстоятельствах. От такого педантизма можно было сойти с ума!

В иных случаях мне снижали баллы только из-за того, что я осмеливался рассуждать.

Дело в том, что в расписание наших занятий в один прекрасный день был введен урок, на котором мы имели

право задавать вопросы, касающиеся недопонятого материала.

Вот я и спросил:

— Какое значение при исполнении обязанностей солдата военной полиции имеют те пятнадцать сантиметров, которые отделяют пепельницу от правого угла стола?

В классе воцарилась гробовая тишина.

Преподаватель, опешив, смотрел на меня с таким выражением на лице, как будто перед ним неожиданно появилось считавшееся давно вымершим допотопное чудовище.

— Вам следовало бы знать, что «эм пи» не раздумывает над полученным приказанием, а слепо выполняет его! — Он смерил меня ледяным взглядом и занес в журнал очередной минус.

Нас превращали в машины, в роботы, то есть в современные автоматы, в которые стоит только опустить, нажав кнопку, пробитый жетон, чтобы механизм пришел в действие по установленной наперед программе. Случайностей нет, машины подчинены воле диспетчера, ему они повинуются.

Нынче для нас этот диспетчер — полковник, завтра — генерал, начальник военной полиции.

«Будь что будет, только бы не заработать минус! Только бы обойтись без минусов!»

Глава пятая

Покровители

Экзамен в Форт-Беннинге был для меня теперь третьим экзаменом в армии США. О требовательности ничто не может свидетельствовать лучше, чем тот факт, что заниматься на курсах начинало сто восемьдесят человек, а до конца учебы добрались лишь сорок два.

Благодаря похвальной грамоте, самолично выданной мне по окончании курсов строгим полковником, я получил первоклассную должность. То есть был зачислен в военно-полицейский полк, несший службу в Форт-

Брагге, штат Северная Каролина. Мне и не снилось, что это место сыграет роковую роль в моей дальнейшей судьбе.

Форт-Брагг — второй по величине, но первый по своему значению военный лагерь Соединенных Штатов. По моим расчетам, территориально он намного превосходит размеры Будапешта: наряду с аэродромами, складами, полигонами здесь имеются казармы, которые вмещают чуть ли не сорок тысяч солдат.

Казармы напоминают постройки Форт-Беннинга, за исключением зданий, находящихся в расположении новой дивизии, где все, как по внешнему виду, так и по внутреннему устройству, сверх всякого ожидания, представляет собой образец новейшего, современного стиля.

О том, какое значение имеет для вооруженных сил США Форт-Брагг, говорит уже перечень важнейших частей, входящих в состав его гарнизона. Здесь стоит 503-я воздушно-десантная дивизия, а также 82-я дивизия, именуемая «Оламерикан». Это самая прославленная воздушно-десантная дивизия Штатов. Находится тут 18-й армейский корпус, в состав которого входит ряд артиллерийских и ракетных подразделений. Кроме того, здесь сосредоточены еще три подразделения воздушно-десантных войск, одно из которых обозначается 1st.SF7thSFG* и принадлежит к войскам специального назначения; 2-й военно-полицейский батальон и «Милитери интеллидженс», то есть подразделение военной разведки.

И, самое главное, в Форт-Брагге находится учебный центр особых методов ведения войны — штаб-квартира войск специального назначения.

Я был доволен своей жизнью. Представьте себе, иметь всего двадцать лет отроду и пользоваться полной властью. Я бы сказал даже — неограниченной властью. Ведь достоверность донесения «эм пи» военному трибуналу не могут опровергнуть показания даже шестерых свидетелей. И, как я сказал, мне горячили голову мои двадцать лет.

* 1-е подразделение 7-й группы войск специального назначения.

У меня увеличилось жалование. Помимо основного оклада, мне причиталось еще пятнадцать процентов за опасность, которая сопровождала мою службу. Профессия моя и в самом деле не была лишена известного риска: как раз в дни моего сюда прибытия кто-то пристрелил одного солдата военной полиции. Несчастный только в том и «провинился», что преградил путь машине, в которой ехали грабители банка.

За долгие месяцы я впервые получил возможность встретиться с женщиной. Правда, Кэрол тоже носила военную форму, да и дружба наша началась здесь же, в самом лагере.

Произошло это в один из дней, когда жара была как в пекле. Парашютисты — народ необузданный, да это и понятно, если учесть, что они постоянно заигрывают со смертью. Тот, кому часто приходится встречаться с ней с глазу на глаз, старается побольше урвать от жизни. Я тоже усвоил позднее это неписаное правило, когда и сам стал поддразнивать старуху с косой.

Короче говоря, я занимался делом одного буяна парашютиста, не признающего никаких авторитетов. В штабе воздушно-десантной дивизии, куда мне пришлось явиться по делу буяна, я подряд нажимал на ручки дверей, но все двери были закрыты. Наконец одна поддалась.

Должен признаться, что от жары я туго соображал. Быть в такой зной застегнутым до подбородка на все пуговицы, перетянутым вдоль и поперек форменными ремнями и вдобавок изображать образцового армейца, поверьте, отнюдь не легкое дело.

Не постучавшись, я решительно распахнул дверь. Послышался возглас, правда тихий, какой может быть вызван испугом или удивлением из уст только очень выдержанного человека.

За письменным столом сидела привлекательная молодая особа в военной форме. Гимнастерка ее была до предела расстегнута — еще бы, несмотря на вентиляторы, жара даже тут, в помещении, была выше ста градусов по Фаренгейту! — шея лоснилась загаром, в то время как чуть пониже, где за кружевом нейлоновой

комбинации прятались девственные холмики, кожа ма-
нила снежной белизной.

— Виноват! — И я как замороженный уставился на
нейлон, не в состоянии произнести больше ни звука.
Как я уже говорил, мне за долгие месяцы впервые до-
велось так близко увидеть женщину, к тому же прехо-
рошенькую.

Она зарумянилась, как булки, которые моя мать под
нашими перекрестными взглядами вытаскивала из недр
духовки.

— Отвернитесь! Чего уставились? — крикнула жен-
щина, с трудом поборов оторопь.

Но, несмотря на жесткий тон, в голосе ее и теперь
было больше испуга, чем возмущения.

Я повиновался.

Но, к моему немалому удовольствию, повернувшись,
я очутился перед умывальником, таким образом, зер-
кало над ним добросовестно передавало мне каждое ее
движение. Она быстрым взглядом оглядела себя, оче-
видно, проверяла, что я успел увидеть. И от этого еще
больше смутилась. Затем торопливо застегнула гимна-
стерку. Пальцами быстро поправила волосы, и вдруг —
о вечная женщина! — откуда ни возьмись перед ней
появилось зеркальце, из какого-то тайника она извлекла
губную помаду и подкрасила губы.

— Теперь можно!

Я заметил, что поверх зеркальца она поглядывает
на меня.

— Ну, какого вы теперь обо мне мнения? Вы до-
вольны мной? — сказал я, повернувшись к ней.

Она снова покраснела.

— Вы слишком много позволяете себе! — Но голос
ее опять-таки выдавал скорее интерес, чем негодование.

— Я вас слушаю. Что вам угодно? — Тон ее стал
официальным и ледяным.

— Вы имеете отношение к штабу дивизии? — спро-
сил я.

— Да, но всего лишь как машинистка!

— Очень жаль! — вздохнул я.

Сожаление, видимо, отразилось и на моем лице, так
как она внимательно посмотрела на меня. Пожалуй, я

произвел на нее хорошее впечатление, и нетрудно было
догадаться, что она ищет повода для сохранения нашего
случайного знакомства.

Я оказался более находчивым, чем она.

— Что до официального дела, то обсудить его с
вами я не могу, но что касается личного вопроса... Вы
согласились бы поближе познакомиться с «эм пи»?

Она рассмеялась. Ей, видимо, импонировала моя гу-
сарская прыть.

— Это можно обсудить. Но я даже имени вашего
не знаю...

Некоторая доля мужской наглости — проверенное
средство покорения.

— И я вашего тоже.

— Ну ладно, — сдалась она. — Меня зовут Кэрол.
Вам этого достаточно?

— Вполне! Остальное — то, что на вас форма жен-
ского вспомогательного корпуса, — я и сам вижу. Ну, а
лет вам едва ли больше двадцати — я установил это с
первого взгляда. Как видите — все ваши данные на-
лицо, так что...

— Вот и ошиблись! Мне все двадцать два. Больше
вам ничто не интересует?

— По части анкетных данных — нет! А вообще-то
намерения у меня весьма кровожадные.

Теперь отвернулась она и стала смотреть в окно.
Прошло несколько минут. Наконец она круто поверну-
лась ко мне лицом. В глазах ее плясали веселые искорки.

По ним я все понял.

— Итак, когда мы встретимся? — спросил я, не
дожидаясь, пока она заговорит.

— Где? Или вы об этом не подумали? — подтруни-
вая надо мной, спросила она.

С этого дня мы в течение долгих месяцев вместе
проводили все свободное время. Ездили в Фейетвилл —
город, созданный охотниками пожить на счет воен-
ных, — где каждый форт-браггский гость мог найти раз-
влечение по своему вкусу. Если вам хочется посмотреть
стриптиз — вы его увидите. Если вам нравится игра
в карты или бинго или вы имеете желание расшвырять
свои деньги по различным автоматам — пожалуйста,

перед вами тысячи возможностей. Здесь в ряд выстроились публичные дома к услугам всеми почитаемой армии США.

Мы с Кэрол посещали кинотеатры и наиболее приличные увеселительные заведения. Ну, а после первой недели — и маленькую меблированную комнату, которую мы сняли в угоду своей любви. Кэрол была любимицей сознательной и стыдливой — она предпочитала темноту, но при этом умела наслаждаться до полного самозабвения.

Почти полгода прошли в этих неземных восторгах. И тогда в лагерь к нам был переведен один из ее прежних парней. Она мне об этом не говорила, но, по-видимому, именно этот человек познакомил ее впервые с радостями любви. Как только он появился на горизонте, Кэрол тотчас же заметно охладела ко мне.

Особенно, должен сказать, обстоятельство это меня не огорчало, но самолюбие мое было задето. До сих пор я оставлял девушек, а теперь брошенным оказался я сам... Такое положение показалось мне нетерпимым. Я чувствовал, что унижен. Замечал плохо скрываемые ехидные усмешки проходящих мимо меня знакомых парней.

Мной все больше овладевало раздражение.

И тут судьба отдала соперника в мои руки.

Я нес службу на шоссе. В это время, за полдень, движение на шоссе было небольшое. Мои мысли то витали где-то в Шопроне или Фертёде, где я оставил свою невесту Магди, то возвращались к матери и братьям в Уолсли-Хилс. Я вспомнил даже Форт-Джэксон, затем стал копаться в своей необычайной только теперь устраивавшейся судьбе с немалой долей горечи в прошлом и заманчивыми перспективами на будущее. Думал и о Кэрол, в объятиях которой, что греха таить, хорошо отдыхалось.

Машины шли редко, с большими перерывами. Вдруг за одним из ветровых стекол я заметил знакомое лицо. «Вот он, хахаль Кэрол!» — со злобой подумал я, когда машина прошуршала мимо.

Дальше я уже не сознавал, что делаю.

Раздался свисток. Машина затормозила, но колеса ее еще проползли несколько метров по асфальту.

— Что случилось? — высунувшись в окно, спросил мой соперник. И узнал меня. Лицо его исказилось. Он имел основание предположить, что эта встреча плохо кончится.

«Что ты делаешь? — предостерегал меня внутренний голос. — Ты хочешь воспользоваться служебным положением, чтобы...»

«Ну и что! — огрызнулось мое второе «я», то самое, злобное, тщеславное. — Он мне бросил вызов, а я ему сделаю нокаут. Вот и все!»

— Выйдите! Предъявите права! — распорядился я громче принятого.

— Но почему?

Его сопротивление еще больше взвинтило меня: «Скажите, этот тип продолжает и здесь перечить мне!»

— Вы нарушили правила уличного движения — скорость машины была опасна для жизни!

— Это неправда! Спидометр показывал семьдесят миль в час... Вы просто затеваете ссору!

В это время мимо проезжал один из наших джипов. Оттуда заметили, что из задержанной мной машины кто-то сильно жестикулирует через окно. Джип остановился.

— Что у вас стряслось?

Вопрос этот осенил меня.

— Он гнал машину с опасной для жизни скоростью. А теперь еще и грубит мне, отказывается предъявить права.

— Он лжет! Он просто имеет зуб на меня! — взорвался парень, ее, Кэрол, парень.

Больше сказать он ничего не успел, так как главный сержант, начальник патруля, ударом закрыл ему рот.

Парня тут же выволокли из машины, затолкали в джип и увезли.

К тому времени как меня сменили и я уселся писать рапорт о случившемся, он уже прошел «по круговой».

Я, конечно, должен объяснить вам, что это значит.

Согласно правилу, военная полиция должна обращаться с задержанным в рамках вежливости и человечности до той минуты, пока он не начинает сопротивлять-

ся, огрызаться, упорствовать, становясь недостойным вежливого обхождения. Я говорю «пока»...

Судить же об этом полностью предоставлено «эм-пи»!

Ритм допроса постепенно переходит в более стремительный. На допрашиваемого градом сыплются вопросы, он не успевает даже думать над ответами, не то что глядеть по сторонам. По резиновому ковру к нему незаметно, сзади, подбираются солдаты военной полиции и окружают его.

Допрашивающий внезапно вскакивает с места и с размаху бьет задержанного по лицу. Удар рассчитан, заучен, задержанный не может не пошатнуться. Солдат, что стоит у него за спиной, пинком подталкивает его дальше. Покачиваясь, тот идет «по рукам», от одного солдата к другому, и на него сыплются самые безжалостные, самые тяжелые удары. Наконец задержанный... Надо заметить, что дежурный еще в начале расправы вызывает военную скорую помощь. Вот что значит «по круговой»!..

Кэрол не удостоила меня больше ни единым словом.

Да она меня больше и не интересовала. Мне все это уже порядком надоело, пора было поставить точку над «и».

Тем не менее этот случай, в течение многих недель, правда, все бледнея, не выходил у меня из головы. Я еще и еще раз вспоминал подробности, снова и снова решал, сладок или горек вкус мести, вел нескончаемые споры с самим собой.

Не есть ли это продолжение серии мстительных мальчишеских проделок, берущих начало в Шопроне, в доме по улице Колоштор, только более беспощадными, более дикими способами? Выходит, я таков? Тщеславный, мстительный и злобный субъект? Передо мной маячило изуродованное лицо недавнего соперника. Я видел, как его после «круговой» увозили в лазарет. Он был сломлен и страдал.

Нет, прежде я не был таким! Тот случай мог сойти за выходку: ну, просто захотелось душу отвести... С тех пор я вырос, на моих костях затвердели мускулы, меня закалили! Мог бы избрать иной путь...

Воспоминание об искаженном страданием лице продолжало меня мучить.

«Почему ты это сделал? — задавал я себе не раз вопрос. — Из-за Кэрол? Она, конечно, хорошая, милая девушка, но ты ведь, ты-то ее уже не любишь!»

Любить? Слово это заставило меня задуматься. Более того, оно меня испугало. Ведь и в самом деле я никогда не любил Кэрол по-настоящему.

Голова у меня вдруг просветлела, и я увидел образ другой. Другой девушки, тоску по которой — как это ни ужасно — я никогда еще не ощущал настолько явственно.

Магди! Я отчетливо представил себе ее, ту, которую считал предназначенной мне судьбой.

Вспомнился Фертёд. Сельскохозяйственный техникум, где мы с ней учились.

Что это была за весна!

Магнолии и сирень уже отцвели, каштаны покрылись пышными гроздьями цветов, когда я нашел Магди. Да, нашел в полном смысле слова — ведь знать-то я ее знал уже давно, мы и в школе вместе учились, но прежде она казалась мне всего-навсего белообрисым подростком, состоящим из одних конечностей. Той весной и она расцвела, как белый пион с розовым отливом. Возможно, я и тогда не заметил бы ее, если бы однажды пополудни нас с ней не послали уничтожать долгоносиков на участок сахарной свеклы. Магди наклонялась, изгибалась, кружилась рядом со мной, потом обогнала меня. Теперь она шла впереди. Но я не был этим удручен; правда, теперь мне было не до насекомых — я не отрываясь смотрел на мелькавшие загорелые щиколотки, на стройные ноги, насколько, конечно, позволяла развевающаяся юбка девушки.

С этого дня мы сдружились.

Я дожидаясь Магди после занятий и чуть ли не все свободное время проводил с ней. Интерес, вызванный во мне первым желанием, постепенно переходил в более глубокое и ценное чувство, наполняясь содержанием.

Магди для меня значила гораздо больше, чем остальные знакомые девушки, она научила меня любить. Я гре-

вил ею. Меня влекло ее общество, хотя чувственность в этом влечении едва намечалась. Магди я не мог представить себе своей любовницей, я мечтал о том времени, когда она станет моей женой. И это я высказал ей однажды.

— Магди,— заговорил я во время одной из наших проникнутых задушевностью прогулок.— В этом году я кончаю техникум. Стану, можно сказать, специалистом. И женюсь на тебе!

Она взглянула на меня. Лицо у нее было серьезное. Но глаза смеялись.

— Ты пойдешь за меня?

— Нет,— ответила она, покачав головой.

— Почему? — опешил я.

— Я ведь только в будущем году получу диплом и, кроме того...

— Что кроме того?..— Сердце у меня сжалось. Я вспомнил, что ее отец — секретарь совета, наверняка член партии, мой же...

— Мои родители не знают тебя.

— И это все?

— Да!

— Больше ничего?

— А что еще может быть? — Она подняла на меня удивленные большие глаза.

Несколько секунд я молча сидел, уставившись себе под ноги.

— Я думал, ты знаешь...

— Вот странный! — сказала она, чуть насупив брови.— Говоришь загадками, что-то скрываешь. Что я должна знать?

Я исповедался перед ней. Рассказал о своей семье. Начал с отца. Отец сидел в тюрьме. Я думал, узнав об этом, Магди отшатнется от меня — в то время очень настороженно относились к анкетным данным.

Магди спокойно выслушала меня. Только лицо ее чуть порозовело.

— Глупенький! — Она отвела у меня со лба непослушный вихор.— Меня дома учили судить о человеке по его делам.

Я прижал ее к груди и осыпал поцелуями. С этой минуты мы считали себя обрученными. Да, это была единственная женщина в моей жизни, по отношению к которой мои намерения были безусловно чисты.

Даже странным кажется мне теперь, что именно Форт-Брагг, находившийся за много тысяч километров от моей родины, и история, приключившаяся со мной там, воскресили во мне самые светлые воспоминания. Нечистое дело вызвало самые что ни на есть чистые чувства.

Мне стало стыдно.

«Скажи на милость, ну стоило ли из-за такой девчонки, как эта Кэрол, губить парня? — донимал я себя.— Ну если бы тут Магди была замешана — тогда еще...»

Угрызения совести сделали свое доброе дело, заставили меня оглянуться на прежнюю жизнь. Дома я, вероятно, иначе обошелся бы с этим хлюстом. Но здесь, где все, буквально все, действуют с позиции силы, я тоже применил силу. Таким образом я находил оправдание своей подлости, считая ее естественной.

В самом деле, предпосылки для нее частично были заложены уже в моем детстве, дома, во дворе, крылатой фразой: «зуб за зуб».

Однако, для того чтобы взяться за истязание человека, нужно было поселиться в этом заманчивом и в то же время отталкивающем мире, где всё, от деловой стороны жизни и до разнузданных развлечений молодежи, подстрекает к слепой жестокости.

Удивительно, как только я пришел к этому заключению, тотчас перестал возмущаться самим собой. Я понял, что просто-напросто перенял взгляды и нравы окружающих меня людей...

Что греха таить, за время моей военно-полицейской службы мне не раз доводилось участвовать в «круговой». Это входило в программу. Приказ есть приказ. Мягкотельный «эм пи» — не «эм пи». Точно так же, как не солдат тот, кто рассуждает, пререкается, упорствует. Ну так вот, нашей задачей было укрощать строптивых, превращая их в послушные детали механизма.

Все мое дальнейшее повествование покажется вам бессмыслицей, если вы с самого начала не уясните, до

какой степени пронизаны вооруженные силы США всевозможными органами разведки и контрразведки.

Вооруженные силы США сжимают два гигантских щупальца: Си-Ай-Си — «Каунтер интеллидженс корпс», военная контрразведка, и Си-Ай-Эй — «Сентрал интеллидженс эйдженси», Центральное разведывательное управление.

В непосредственном контакте с Си-Ай-Эй находятся учебный центр особых методов ведения войны и группы войск специального назначения, являющиеся орудиями открытых вмешательств, «партизанских» войн и диверсий. Тесно связано с Си-Ай-Эй и некое хитроумное орудие, именуемое военной разведкой, назначение которой — военный шпионаж.

Но деятельность всей армии неофициально контролируется Си-Ай-Си, в основе действий которой лежат подозрительность и недоверие. Таким образом, Си-Ай-Си как бы управляет машиной при помощи огромной армии доносчиков, имеющих во всех подразделениях войск.

В Форт-Брагге служило больше, чем где бы то ни было, венгров. Надо сказать, своей вспыльчивостью и бунтарством они причиняли немало хлопот командованию... Но дело в том, что перебежчики из социалистических стран здесь рассматривались как наиболее удобные кадры войск специального назначения... А Си-Ай-Си ворко следила за малейшим отклонением от установленной мерки благонадежности. По всякому поводу начиналось тщательное расследование и, так как большинство моих соотечественников плохо говорили по-английски, на допросах часто прибегали к помощи переводчиков. В этой-то роли я и столкнулся с офицерами 701-го подразделения Си-Ай-Си мистером Раттером и мистером Робинсоном. И тот и другой на вид казались людьми ничем не примечательными, сам черт не догадался бы, в какой они были неслыханно высокой должности.

Оба офицера несколько чуждались меня. По крайней мере так мне казалось. Тем большим было мое удивление, когда после одного из затянувшихся допросов мистер Раттер, вместо того, чтобы, как обычно, без лишних слов отпустить меня, дружески обратился ко мне:

— Что это вы всегда так спешите?

— В самом деле, может, составите нам компанию? — Мистер Робинсон тут же распахнул дверцы скрытого в стене маленького бара и одну за другой стал разглядывать на свету бутылки.

— Надеюсь, вы пьете виски? Все остальные напитки — просто разновидности лимонада! — И он ободряюще, с хитредой подмигнул мне.

Я терпеть не мог виски, но не осмелился попросить чего-нибудь другого. Я настолько был польщен их приглашением, что мне казалось величайшей неблагодарностью проявить какое-либо расхождение с ними во вкусах.

— О, виски — это здорово! — произнес я, состроив довольную мину. Впрочем, это у меня легко получилось: ведь я на самом деле был доволен. Я давно уже раздумывал над тем, как бы обмолвиться о своем заветном плане, и вот они сами предоставили мне возможность высказаться.

Мы выпили.

— Садитесь! Чувствуйте себя как дома! — подбадривал меня мистер Раттер, который стал теперь олицетворением сердечности. Он как будто сбросил, сменил свое прежнее лицо, в котором я не замечал до сих пор ничего приятного.

Уловив мое невольное движение к тому, чтобы встать, мистер Раттер мягко опустил мне руку на плечо.

— Мы не знали точно, когда закончим сегодня дела, поэтому выпросили вас на целый день. Так что вы теперь совсем наш. Можете снять ремень, да и мундир тоже. Давайте, что ли, познакомимся поближе, коль судьба свела нас, — сказал он ласково.

— Если, конечно, вы не возражаете, — поддержал его мистер Робинсон.

Возражаете? Что за вопрос! Ведь доверие этих людей могло повлиять на всю мою дальнейшую судьбу.

Мы говорили о всякой всячине. О моей службе в военной полиции, о тяжелом времени учебы, о Венгрии. Поражала их полная осведомленность во всех делах моей страны. Я даже вслух заметил это, надеясь таким образом еще больше расположить их к себе.

— Да, мы действительно знакомы с вашей родиной. Быть может, даже лучше, чем вы сами!

— Неужели?

А кому, как не мне, было известно, что, живя на родине, я ездил поездом только в двух направлениях: Шопрон — Фертёд и Шопрон — Сомбатхэй. Все остальное о Венгрии я вычитал из школьных учебников, знал понаслышке да по картинкам. Однако признаться в этом мне мешало тщеславие. Не мог же я выставить себя в смешном свете перед двумя посторонними людьми!

— Ну-ка, проэкзаменируйте нас, — вполне серьезно предложил мистер Робинсон.

— В самом деле! Проверьте нас! — присоединился к нему и мистер Раттер.

Здравый смысл все же взял во мне верх: «Смотри не лезь из кожи вон, не задевай их самолюбия!» Но тем не менее мои вопросы оказались не на высоте.

— Назовите самый большой венгерский город после Будапешта. Знаете ли вы еще одну большую реку в Венгрии, кроме Дуная?

Господа переглянулись. Рты их расплзлись в презрительную усмешку.

— Вы весьма снисходительны к нам! — заметил мистер Робинсон.

— Или считаете нас за идиотов, — добавил мистер Раттер, который в силу своего характера выражался более определенно. — Ну, теперь наша очередь задавать вопросы!

Боже! Что это были за вопросы!

Сколько энергии вырабатывает ежегодно тисалёкская электростанция? Почему, по моему мнению, именно в районе Ваца закладывают Дунайский цементный завод? (Я в то время еще ничего не слышал об этом строительстве.) Можно ли на станках Секешфехерварского автомобильного завода изготавливать детали самолетов?

— И откуда вы все это знаете? — непроизвольно сорвалось у меня с языка.

Они уже не скалились, ни весело, ни насмешливо, а смотрели на меня весьма серьезно.

— Это необходимо при нашей профессии. Хотя, можете поверить, нам это все дается гораздо труднее, чем,

скажем прямо, далось бы вам!

Я не смог удержаться и вздохнул. Ведь мы наконец приблизились к той теме, которая с самого начала занимала меня, только я не знал, как к ней подступиться.

— Верю, только сие от меня не зависит.

Затаив дыхание, я следил за ними: что они сейчас думают. Прочсть бы хоть что-нибудь на их лицах.

Они оба испытующе смотрели на меня. Мне казалось, прошла целая вечность. Я сидел как на иголках.

— Что вы подразумеваете под словами «сие от меня не зависит»? — прервал наконец молчание мистер Раттер.

Я постарался взять себя в руки.

— Простите, мистер Раттер и мистер Робинсон, но я давно хотел побеспокоить вас одним вопросом... Только не смел...

Они опять переглянулись.

— Давайте, давайте, не смущайтесь!

— Я бы хотел перейти в Си-Ай-Си. Я отдаю себе полный отчет в том, что это значит, но, мне кажется, я бы там пригодился. Я охотно бы стал учиться. В армии Соединенных Штатов служит немало венгров и...

Я запнулся. Предлагать свои услуги было не в моем характере.

Физиономии господ были неподвижны как маски. Оба они, не мигая, смотрели на меня, не собираясь, по видимому, помочь мне выйти из затруднительного положения. Сгустилась тревожная тишина.

Можете ли вы представить себе смущенного солдата военной полиции? А я именно таковым и был.

Я уже собрался было встать и, извинившись, откланяться, когда заговорил мистер Раттер:

— За непосильное дело вы задумали взяться. Правда, это, с одной стороны, и похвально. — Он медленно провел рукой по своим волосам, будто выигрывая время, прежде чем сообщить неприятную весть.

— Беда в том, видите ли... да что вертеться вокруг да около, ничего не выйдет!

На лбу у него собрались глубокие складки. Тут мистер Робинсон едва заметно, но ободряюще улыбнул-

ся мне и, высоко подняв брови, слегка кивнул: не бойся, мистер Раттер все уладит.

И в самом деле. Через несколько минут складки на лице мистера Раттера расправились, оно стало гладким, как море с наступлением затишья.

— Впрочем, может быть, и нашлась бы одна возможность! — сказал он, повернувшись ко мне. — Но это при условии, что мы должны вас прощупать. Да не как-нибудь, а основательно.

Во мне все смешалось. Его тон говорил, что каким-то образом мое дело может принять благоприятный оборот. Но я не мог понять, каким именно образом. Что я должен подразумевать под словом «прощупать»? Будут испытывать? Проверять мою выносливость? Или еще что-нибудь?

На моем лице, видно, отразилось смятение, потому что мистер Раттер тут же добавил:

— Ну, расскажите-ка нам свою жизнь. Поподробнее...

«Вот оно что! — оживился я. — Вот что они имеют в виду! Выходит, не придется долго ждать!»

— С чего начать?

От них не ускользнула послышавшаяся в моем голосе радостная нотка. Потому что их глаза снова встретились. И это показалось мне хорошим знаком.

— Давайте с самого начала! От рождения!

Я не раз уже писал автобиографию, но чтобы в устной форме... Я неуклюже, запинаясь, приступил к изложению:

— Родился я в начале войны в Будапеште. Первые годы моей жизни оставили в памяти лишь ужасающий вой сирен во время воздушных налетов. Вскоре мы очутились в Шопроне, сам не знаю как и почему... Но начало сознательной жизни меня застало уже там. Думаю, после сегодняшнего моего конфуза мне не стоит объяснять, где расположен Шопрон.

— Да, не стоит, — коротко подтвердил мистер Раттер. — Продолжайте.

— Проспект, на котором мы жили тогда, носил имя Республики. Наш дом стоял на самом углу площади

Деака. Напротив нас — так как проспект Республики был чем-то вроде аллеи, перерезанной вдоль длинным зеленым сквером, — находился ресторан «Свобода». Из кухни ресторана всегда очень вкусно пахло, аромат этот несся через улицу и через сквер прямо в окна расположенных напротив домов... И к нам тоже. Вам, быть может, покажется странным, что я об этом так подробно рассказываю, но для меня тогда это было очень важно — мы жили бедно. Запах пищи не только возбуждал аппетит, но и насыщал меня...

Отец с нами не жил, мы его потеряли. Ну нет, не поймите так, будто он умер... Он был в тюрьме. Я тогда еще не мог своим умом постичь, что значит тюрьма. Скорее инстинктивно чувствовал, что это должно быть очень и очень плохо и что, хоть никто мне этого не говорил, надо стыдиться, что моего отца арестовали. Первые дни после его ареста, хорошо помню, в обычное время я ожидал его возвращения домой и очень страдал, что он не приходил. Позднее привык к его отсутствию так же, как постепенно иссыхали и слезы матери. Хлеба стало в доме заметно меньше, а горя больше. Нас, детей, в семье было четверо, значит, вместе с матерью нас было пять ртов. От хорошей трехкомнатной квартиры мы не отказались, удерживали ее из последних сил... для отца, которого, таясь друг от друга, непрестанно ждали...

— А вы не знаете, за что сидел ваш старик?

— Знаю! — кивнул я. — Соседи сказали. И то, что я узнал, пугало меня и в то же время интриговало... «Измена!» — многозначительно сообщил мне один сосед. Напрасно я ломал себе голову над тем, что это значит. «Шпионаж!» — объяснил мне другой сосед. Это было понятнее. В те годы даже у нас было достаточно бульварной литературы, и я начал поглощать одну за другой пошлые — благо стоившие гроши — книжонки. Это меня больше интересовало, чем учебники. К школьным заданиям я относился спустя рукава — в моей памяти и так легко и быстро все застревало.

Мистер Раттер и мистер Робинсон кивнули, и я запнулся: мне показалось, что они собираются о чем-то спросить меня. Но они молчали, и я продолжал:

— Уроков я почти никогда не делал, все запоминал в классе. Кроме того, я всегда спешил. Потому что у меня для всех моих дел было наполовину меньше времени, чем у моих однокашников, а мне хотелось все успеть, не отставать от них...

— А что же вам мешало?

— Я же говорил, мы остались без кормильца. Пять ртов, и, заметьте, в семье я был не самый младший. Но и я должен был помогать, чтобы хоть немного облегчить долю матери. На счастье, один наш знакомый помог мне устроиться в спортивный клуб связистов расставлять кегли на кегельбане. Эта работа была нетрудная и не надоедала мне. Наоборот, она даже была для меня увлечением. Тот, кто выигрывал, не скупился и на нас, мальчишек, так как в своей победе усматривал и частицу нашего участия. В этой игре выигрыш зависит от целого ряда мелких обстоятельств. Как стоит шар? Не запылен ли или, не дай боже, не засыпан ли песком кегельбан? Правильно ли расставлены кегли? Я очень скоро усвоил, что и эта весьма увлекательная и интересная игра требует напряженной борьбы и точного расчета... Но это занятие не было моим единственным источником заработка: ежедневно на рассвете я разносил заказчикам молоко...

Во взглядах своих покровителей я прочел, что они жалеют меня за мою участь и в то же время как бы негодуют на ту школу жизни, куда так рано записала меня судьба... Я потянулся за стаканом стоявшего передо мной виски, в то же время соображая, что бы такое им рассказать, чтобы еще больше заинтересовать их своей персоной. Но тут мистер Раттер спросил:

— К тому времени, не правда ли, вы уже достигли переходного возраста? Неужели в вашей жизни не занимали места девушки?

Вопрос его задел мои самые интимные чувства, и я ответил сдержанно:

— Ну-у, девушки, они меня, конечно, интересовали, только...

Я заметил, как сердито сверкнули глаза мистера Раттера и испугался: не восстановить бы моих покровителей против себя. Поэтому сразу переменял тон.

— В общем на улице Батшани жила одна славная девушка с каштановыми косами. Мне показалось, что она моих лет, хотя и выглядела старше: у нее была уже вполне сформировавшаяся фигура. Обычно у нас одновременно заканчивались уроки и мы встречались на площади Сечени. Ютка — так звали ее одноклассницы — в первый же день, когда я последовал за ней, заметила мое рыцарское отношение. Черт его знает, как это получается: ведь совсем еще птенцы, а уже полностью усвоили все приемы кокетства, все женские уловки. Ютка сделала вид, будто не замечает меня; смеясь, она шла в окружении своих подруг, походка у нее была легкая, грациозная, будто она не шла, а танцевала. Мне она очень нравилась. В своей развевающейся юбочке, с каштановыми косами, с чуть заметными под кофточкой бугорками... она была предметом моих сновидений...

— Ну и как, вышло что-нибудь? — Мистер Робинсон, без сомнения, интересовался исходом моего романа.

— Вышло-то вышло, только что! Примерно недели через две в один прекрасный день к Ютке уверенно подошел паренек. Лет семнадцати, плечистый, со смазливой физиономией, в гимназической фуражке набекрень. «Тебе чего надо? — Он преградил мне дорогу. — Убейся, а то, гляди, будешь улицу лизать!» И толкнул меня в плечо, так, что я едва удержался на ногах. Кровь прилила у меня к лицу. Я и вообще-то имею склонность краснеть по любому поводу, а тут буквально залился краской. От унижения я готов был сквозь землю провалиться. Ютка же, это неверное существо, так весело хохотала, будто глядела кинокомедию.

Я чувствовал, что мои собеседники накапливают материал для определения моего характера, и старался исчерпывающе отвечать на все вопросы: мне очень хотелось, чтобы они отметили мое старание.

— Я отстал от Ютки и ее кавалера. Сначала заплакал в бессильной злобе, потом вспомнил, что на свете существует месть. И последовал за соперником, сначала на улицу Батшани, где, прощаясь, он поцеловал Ютку, а оттуда — к его дому. Жил он на улице Колоштор, на втором этаже особнячка — шедевра архитектуры. Чтобы легче было ориентироваться, я отметил, что балкон со-

седнего с ним дома торчал над прохожими, как подвешенная старинная шкатулка. Вечер застал меня плотно прижавшимся к стене противоположного дома. Месяц и звезды угодливо спрятались за облаками, что скользили на большой высоте. В эти минуты на узкой улочке властвовала густая тьма. Фонари в ту пору то горели, то нет. Чаще не горели. И в этот вечер тоже. Я дождался, когда в окнах второго этажа погаснет свет, и достал из-за пазухи самодельную рогатку. Зарядов у меня было достаточно — я еще днем на одной из строк набил себе карманы крупной галькой. Короче говоря, я выбил все окна второго этажа и затем пустился наутек. Домой я добирался петляя. Ютка уже перестала меня интересовать.

— Весьма характерная деталь, хорошо, что рассказали нам, — похвалил меня, хоть и довольно скупой, мистер Раттер.

И снова втиснулась тишина. Но ненадолго.

— Выпьем, что ли? — спасая положение, радушно предложил мистер Робинсон.

Выпили.

— Но вы все же окончили какое-нибудь среднее учебное заведение? — спросил мистер Раттер, когда рюмки снова очутились на подносе.

— Да, сельскохозяйственный техникум.

— В Фертёде?

Меня прямо поразила эта осведомленность, но я тут же вспомнил, что все это записано мной в автобиографии. Конечно же, этот педантичный человек давно ознакомился с ней!

— Да, в Фертёде.

— Стало быть, вы по линии сельского хозяйства...

— Да, я агроном. У нас в Венгрии это так называется.

— Хорошая профессия. И здоровая. Ну, и работу получили?

Он взялся теперь сам направлять мой рассказ, видно, у них уже не было нужды в моих подробных излияниях.

— Конечно. Я закончил техникум весной пятьдесят

шестого года. После этого меня направили в хозяйство Шарварского сахарного завода...

— На какой именно участок?

Этот человек продолжал ошеломлять меня вопросами. До чего же ясно он представлял себе мою страну... Безусловно, лучше, чем я сам.

— На вепский, — ответил я, стараясь скрыть удивление. — Меня оформили практикантом.

— И тут вас застигла революция?

— Да.

— Пожалуйста, мистер Мадяр, расскажите так же подробно, как предыдущие эпизоды вашей жизни, при каких обстоятельствах и когда вы встретились снова со своим родителем?

— Только в Вене я увидел его снова. Незадолго перед этим узнал, что он свободен...

Мне было непонятно, отчего мистер Раттер ни с того ни с сего вдруг так оживился.

— Узнали? — спросил он, и в голосе его послышалось волнение. — Откуда? От кого? При каких обстоятельствах?

— В ту осень приблудился и в Веп один из «героев-освободителей». Он пытался подбить работников хозяйства на забастовку, что-то кричал об ошеломляющих планах. О Задунайской республике, о Дьёрском национальном совете, об оккупационных действиях войск ООН и тому подобных вещах. Ну так вот, человек этот, когда услышал мою фамилию, послал за мной. «Скажи-ка, парень, не сидел ли твой отец в вацкой тюрьме?» Я не нашелся сразу с ответом. Черт его знает, что отвечать в такие смутные времена! Наконец сказал: «Сидеть — сидит где-то, но где?.. Разве нам об этом сообщают?» У человека этого сразу рот растянулся до ушей: «Вот так-так! Да ведь ты, мальчик, нашего поля ягодка! Ступай, да поскорей, домой, обними своего предка и — давай за оружие! — Он пощупал мои бицепсы. — Таким крепким, надежным рукам требуется теперь оружие, сын мой!»

Я ожидал, что после всего сказанного мои покровители начнут расспрашивать меня о моем участии в мятеже. Но я ошибся. Они с непонятным мне упорством фиксировали внимание на деле отца.

— А если подумать немного,— ласково уговаривал меня мистер Робинсон,— не ошибаетесь ли вы? Не встречались ли вы с отцом еще до этого?

— Я вас заверяю,— вежливо возразил я, хотя меня не на шутку уже раздражала эта мелочная возня с отцовскими перипетиями,— что не ошибаюсь. Отец мой, как только вышел из тюрьмы, тотчас же упаковал вещи, забрал семью и со скоростью, на какую он только был способен, очутился в Вене. Пока я добрался до Шопрона— я в то время жил отдельно от родных,— их и след простыл. сосед передал мне указание отца, а в ящике стола я нашел немного денег. На дорогу.

Снова наступила неловкая пауза. Казалось, все трое собирались с мыслями. Я инстинктивно чувствовал, что вопросы задавались мне с целью побольше выудить о моем отце.

— Я знаю вашего отца,— вдруг сообщил мне мистер Раттер.— Весьма положительный человек.— Он это сказал в таком дружеском тоне, с такой теплотой, что мои прежние дурные впечатления тут же развеялись.

— Талантливый он человек! — подтвердил и мистер Робинсон.— Мы надеемся, что вы будете достойны своего отца!

Вот тебе на! Одна неожиданность за другой!

«Что за странные люди!.. На кой черт они выспрашивали меня столько времени, если и без того все знают о моей персоне? Даже отца знают...» Мысли с неизмеримой быстротой мелькали в моей голове, приятные с неприятными попеременно, соответственно этому так же быстро менялось и мое настроение.

Наступила тишина. Я выжидающе смотрел на них.

Наконец мистер Раттер произнес то, что, видимо, уже давно надумал:

— Пожалуй, я мог бы устроить вас в военную разведку. Там как раз нуждаются в парнях вашего склада!

Мне показалось, что они заметили, как стремительно я глотнул, потому что опять мельком переглянулись. Ну и пусть. Ведь это произошло помимо моей воли. Дело в том, что военная разведка отнюдь не была для меня предметом мечтаний. Будучи солдатом военной полиции, я довольно хорошо ориентировался в разведыва-

тельных и контрразведывательных органах. В том числе мне было известно, что военная разведка является базой шпионской деятельности во всем мире, но в первую очередь на территории социалистических стран. Уж если эти двое вспомнили о моем отце, то и мне следовало бы вспомнить о нем, а заодно и о тех бедах, которые он навлек на нашу семью, о горьких, незабываемых утратах, которые мы понесли из-за него. Передо мной был пример того, как рушится семья!

Мое смятение не укрылось от них. Мистер Раттер помрачнел, будто его обидели. Зато мистер Робинсон, как ни странно, стал еще любезней:

— Будет, будет, сынок, заметьте, не так страшен черт, как его малюют! Раз совет исходит от друзей, которые искренне желают помочь вам, не стоит пренебрегать им!

В душе я был согласен с ним. Ведь, в конце-то концов, какая будет беда оттого, что я их выслушаю? К тому же я сам обратился к этим людям. Еще получится, что я их обидел. Вон мистер Раттер уже сидит насупившись.

Мистеру Робинсону пришлось немало постараться, чтобы его коллега снова заинтересовался мной. (Даже теперь, по прошествии ряда лет, я не перестаю восторгаться ловкостью, с какой они меня тогда опутали!)

— Да нет, я и в мыслях не имел засылку вас домой! Боже избави! Хотя бы из-за вашего отца! У меня просто мелькнула мысль, насколько бы пригодилась в военной разведке ваша благонадежность, незаурядные военные способности, знание языка и местности. Из вас вышел бы первоклассный офицер-инструктор!

Я повеселел. Ого! Это уже совсем другое дело! Что за славные люди! Так вдруг, ни с того ни с сего, открывают передо мной калитку карьеры.

— Простите мне, сэр, мою горячность,— взволнованно сказал я мистеру Раттеру.— Я не нахожу слов в свое оправдание. Вместо того чтобы спокойно выслушать до конца, я...

— Оставьте, друг мой, наверное, я и сам так же поступил бы при подобных обстоятельствах в двадцать лет! — смягчился он и даже наполнил всем рюмки.— Мы

должны выпить за то, чтобы между нами наконец воцарилось согласие!

— За нашего будущего коллегу! — в тон ему произнес мистер Робинсон.

У меня закружилась голова. Не от хмеля, нет. Меня дурманила перспектива, широту которой я только теперь постиг. Ведь это тот путь, что ведет к офицерскому званию, к Си-Ай-Си! А оклады там! И подумать страшно!

Через мою жизнь, начиная с кегельбана, сверкающей нитью тянулась жажда денег. Иметь много денег. Быть богачом, чтобы покупать все, что душе угодно! Стать ровней тем, кто не учитывает расходов, хранить у себя в ящике сберегательную книжку. Прогнать навсегда страх нищеты!

— Я расскажу вам сейчас, как мне это дело представляется. — Самолюбие мистера Раттера, видимо, польстило мое раскаяние, только этим мог я объяснить подъем его настроения. Он превзошел даже мистера Робинсона в любезности, когда горячо продолжал: — Тот, кто намерен обучать других, само собой разумеется, должен сначала выучиться сам. Человеку, именуемому инструктором военной разведки, нужно самому быть непогрешимым! Мы вас изыщем из компетенции военно-полицейского ведомства. Вы останетесь тут же, в Форт-Брагге, только в обособленном лагере, отведенном для учебного центра особых методов ведения войны. Вы пройдете курсы специального назначения. Не скрою, вам трудно придется, очень трудно. Но, к тому времени как вы дойдете до конца учебы, будете знать и уметь все, что должен знать и уметь американский солдат войск специального назначения, «супербой»!

Я слышал — да и как было не слышать! — о солдатах войск специального назначения, именуемых в обиходе «суперсолдатами».

Это они, огражденные глухим забором и овеванные тайной, царствовали на обширном участке Форт-Брагга. Мы их никогда не могли видеть: на полигоны, где они занимались, и на окружающую эти полигоны территорию было наложено табу. Не родился еще человек, который мог бы приблизиться к этому заповеднику! Впрочем, солдаты войск специального назначения форму

не носили, ходили в штатском. Узнавали о них только по их делам.

«Эм пи» терпеть не могли их. Мы только ждали случая, чтобы цапнуть хотя бы одного из этих озверевших молодчиков... Однажды нам это почти удалось... Наш патруль в Фейтвилле потребовал документы у подвыпившего с толстым кошельком штатского. Ребята учуяли в нем вражеского агента. Этот тип говорил на ломаном языке, стоило ему рот открыть, как ясно было: иностранец.

Он никакого внимания не обратил на требование предъявить документы. Будто это относилось не к нему. Наши ребята — что надо, закаленный народ, все как на подбор. Они не стали церемониться. Двое схватили его за руки приемом дзюдо. И что же? Они тут же были брошены оземь. Один из них даже сломал запястье. Еще двое схватились за пистолеты. Но не успели они и наполовину вынуть их из кобуры, как были также сбиты непостижимо ловким и необычайно сильным человеком. Один разделался с четырьмя «эм пи»! А ведь, как я уже сказал, наши ребята были закаленные! С тех пор мы не только с ненавистью, но и с какой-то долей почтения поглядывали на забор, к которому даже нам было запрещено приближаться...

И теперь мне предлагали вступить в ряды тех самых...

Это меня заинтриговало. Ну а как же дальше? Что из всего этого получится потом: военная разведка или Си-Ай-Си?

Я поинтересовался.

— Так, я ждал этого вопроса! — кивнул мистер Раттер. — Дело в том, что я еще не закончил схему или, если вам так больше нравится, обрисовку перспективного плана... У вас в Венгрии это так называется? Не правда ли?

Я невольно улыбнулся, настолько естественно прозвучали в его устах наши привычные термины.

— Вы должны знать, что группа войск специального назначения готовит кадры не только для собственных нужд, не только для традиционного ведения войны, но для нашей разведки, более того, для наших союзни-

ков. Вы встретитесь там, наряду с русскими, польскими, чешскими, румынскими, немецкими, болгарскими, китайскими, кубинскими парнями, с английскими, французскими, японскими, корейскими, южновьетнамскими офицерами. Человек, прошедший школу войск специального назначения, везде сумеет постоять за себя, начиная от Гималаев и кончая дебрями Африки!

Он умолк. Задумался, как бы прикидывая, не сказал ли он чего-нибудь лишнего.

— Я для того изложил вам все это настолько обстоятельно, чтобы вы уяснили себе: туда вы попадете уже как сотрудник военной разведки. Когда вы кончите учебу, станете инструктором. Это я вам гарантирую!

— Великолепное предложение! — воодушевился мистер Робинсон. — Но вы все же подумайте над ним. Нет никакой нужды принимать его так сразу, с бухты-баракты! Вас никто не заманивает...

Я даже покраснел от стыда. Боже милостивый! Эти двое замечательных людей еще могут подумать, что я... что у меня на их счет возникают такие мысли!

— Господа! Мне не о чем думать! Я не нахожу нужных слов, чтобы поблагодарить вас за доброту!

— Ну-ну, молодой человек, не надо сентиментальностей! Не ради вас я это сделал, а ради вашего отца! — Мистер Раттер окончательно расположил меня к себе тем, что свел на нет свою услугу. Я бы слепо пошел теперь за ним хоть в самое пекло.

Могло ли мне прийти тогда в голову, что я уже и пути туда!

Глава шестая

Войска специального назначения

После этого разговора я нетерпеливо ожидал дальнейшего хода событий.

И был немало удивлен, когда вместо ожидаемого ревода меня как солдата военной полиции направил в Аляску на курсы лыжников.

Я помчался к своим покровителям.

— Только без паники! Вы уже наш!

— В таком случае, для чего... Как же так? — заикался я, не в силах говорить членораздельно.

— Лыжную подготовку вы все равно должны пройти. И не имеет никакого значения, где вы ее пройдете. Вы еще убедитесь со временем, что наши люди, а также кадры военной разведки могут быть направлены в самые различные войсковые части. Это необходимо как для приобретения известных навыков, так и для некоторой маскировки. Главное — спокойствие!

Я и верил и не верил. Так или иначе, изменить что-либо было не в моих силах, и я смирился. Я лелеял мечту на почве сомнений — думаю, это наиболее верное определение моего тогдашнего душевного состояния.

И снова я в самолете. Я уже начал осваиваться с этим быстрым и удобным способом передвижения, и все же при каждом полете меня пробиравал озноб. Стоило мне ступить на трап, как по спине у меня начинали бегать мурашки.

А эта дорога была вдобавок долгая. Воздушная трасса, которой мы летели, соответствовала примерно длине пути от Гибралтара до Галифакса через Атлантический океан.

Под нами расстилались диковинные, разнообразные картины. Интересно заметить, что, несмотря на страшную скорость полета, когда глядишь с высоты в несколько тысяч метров на уносящуюся вдаль землю, голова не кружится. Я скоро уяснил себе, почему так получается. Для этого потребовалось лишь вспомнить отдельные места из школьного учебника. С высоты движение менее ощутимо, чем, скажем, из окна мчащегося автомобиля.

Все пассажиры самолета были военными. Тем не менее нас не оставили без стюардесс. С нами на борту были и две девушки из женского вспомогательного корпуса. Они неплохо заботились о нас. Быть может, мое признание покажется вам банальным, но право же, чем созерцать далекие рельефы земли, приятнее было оставить свой взор на рельефных линиях стройных фигурок стюардесс. Ведь, в конце-то концов, мы были мужчинами, к тому же здоровыми, молодыми. Правда, получалось немного комично и неудобно, когда всякий раз

при появлении девушек все взгляды упирались в обрисовывавшиеся под их гимнастерками выпуклости. Вероятно, девушки привыкли уже к подобным недвусмысленным взглядам, так как не обращали на них никакого внимания.

Но зрелище, которое открывалось отсюда, сверху, при взгляде на землю, было непередаваемое. Облаков часами не было и в помине, и Штаты лежали внизу в виде созданной искусными руками рельефной карты. Хорошо можно было видеть обработанные поля, огромные луга. Вот появилась извилистая синяя лента какой-то реки.

— Это Миссури! — пояснила мне милостивая светловолосая стюардесса, заметив, что я прилип к окну, готовый выдавить его.

— О, благодарю! — И повернувшись к ней, я уставился уже на ее гимнастерку.

— Вы лучше туда, на Миссури, глядите, это интереснее! — И она с насмешливой гримаской прошла мимо меня к следующему сиденью.

«И то правда! — вздохнул я. — Конечно, девочка ничего, подходящая, только... словом, она полетит обратно, а я останусь на Аляске. Для чего заводить?..»

И я продолжал восторгаться видами своей новой родины.

Мы только раз приземлились, как говорили, для того, чтобы пополнить запасы горючего.

Когда я уже устал смотреть на пески пустыни, появились мрачные утесы Кордильеров. Отсюда, сверху, они представлялись скорее утыканным гвоздями ложем какого-нибудь индийского факира, чем тянувшимся на много сотен километров горным массивом. Я бы никогда не подумал, что он состоит из такого множества и таких острых пиков.

Когда под нами впервые заискрилась белизна снежных полей, у меня сильнее забилося сердце. В моем воображении ожили сказочно-романтичные пейзажи вечно прекрасных творений Джека Лондона: окрестность Юкона, Клондайк, золотые поля...

Здесь мы летели уже среди облаков. Потом машина поднялась еще выше, за облака. Внизу теперь была не бесконечная снежная пустыня, а густой, как пена, клау-

бящийся пар. Когда слой этот отделил нас от земли, я вспомнил, что Аляска богата таким сокровищем, которое охраняется еще ревностней, чем золото. Это сокровище — уран. Из овеянного романтикой прошлого меня швырнуло вдруг в прозаическое настоящее. Уран, атомная война, шпионаж. И мне представилась сейчас возможность продолжить терзать себя мыслями о собственной судьбе.

Мы сделали посадку в маленьком городке Энгрих. Лагерь по подготовке лыжников был расположен в близлежащем Форт-Ричардсоне.

Первый день нашего здесь пребывания был отведен для отдыха, второй — для получения снаряжения. Любой полярный охотник мог бы позавидовать нашему образцовому снаряжению, теплой и практичной одежде. На третий день началось обучение. Нас разделили на группы. Надо сказать, что курсантов было довольно много, больше даже, чем было предусмотрено. В связи с этим ощущалась нехватка в тренерах.

Нам показали, как крепить лыжи. Как пользоваться палками. Как выполнять повороты. Все это мы изучали, правда, на лыжах, но топчась на одном месте.

Я чем-то привлек внимание моего инструктора. Он оглядывал меня со всех сторон, наблюдая за моими движениями.

— Как вас там? — крикнул он мне.

— Капрал Мадяр! — откликнулся я.

Я забыл сообщить вам, что меня снова повысили в чине.

«Вы убедитесь со временем, что отныне во всем, что бы с вами ни произошло, — вспоминал я слова мистера Робинсона, — будет наша рука. Вы уже наш, хотя и отправляетесь на Аляску в качестве солдата военной полиции. Это для вас, естественно, материальный ущерб. Но он будет компенсирован вашим повышением. Вы удовлетворены?»

Я сказал «да». Хотя сомневался в этом, как и во всем прочем.

Тем больше обрадовался я, когда его слова сбылись, как как одна реальность придвинула ко мне на расстояние правдоподобия и все остальное.

По прибытии моем в Форт-Ричардсон писарь отозвал меня в сторону:

— Послушай, приятель, я тебе скажу кое-что, только ты помалкивай, а то меня по головке не погладят за то, что проболтался...

— О чем это ты? — насторожился я.

Он тряхнул передо мной листом бумаги.

— Вместе с тобой прибыло сюда и твое повышение. С завтрашнего дня ты станешь Е-4, капралом. Ну, пошли, поставь мне по этому случаю стаканчик джина в каптерке...

— Капрал Маджар? Маджар... Мадяр... — пробовал на язык мою фамилию инструктор. — Вы венгр?

— Так точно!

— Вы уже имели дело с лыжами, не правда ли?

— Так точно! Я из горной местности.

Он указал на одиноко стоявшую сосну на противоположном холме:

— Вперед! Обогните дерево!

Шопрон окружали живописные отроги Альп, они словно обнимали его, как возлюбленную. Было бы смешно не выучиться там ходить на лыжах, не полюбить этот вид спорта. Но с тех пор, как судьба вырвала меня из дома, мне все время приходилось жить в южных местах. Представляете ли вы себе тоску по заснеженным просторам? Как может не доставать душистого первопутка в душном, изнурительном походе по горячим пескам? Когда я огибал указанное дерево, во все стороны полетели молочные брызги. Вокруг меня взметнулся снег.

Я понесся вниз, и не как-нибудь, а с поворотами, словно преодолевая невидимые препятствия, затем по инерции поднялся к своей группе.

— Bravo! — похвалил меня инструктор.

Он тут же разбил нашу группу на две части, одну из которых отдал под мое руководство. На другой день меня официально сделали инструктором.

Эти курсы не только принесли мне успех, но и много радости. Моим сокурсникам, вероятно, тоже, но я лично как бы слился воедино с природой, которая со сказочной щедростью нагромодила здесь свои сокровища.

В Энгрих мы ездили редко. Жизнь в городе была настолько дорогая, что здешние торговцы не прочь были бы и воздух продавать. В другом месте, в любой другой точке земного шара, мы могли бы считать себя состоятельными людьми — я, например, получал 140 долларов жалованья в месяц, — но здесь, в этом захолустье, любой рабочий зарабатывал больше нас; да это и не удивительно: тот, кто сюда приехал работать, заслуживал такую плату.

Так что городским развлечениям я предпочитал лесные. Мои сокурсники часто ходили на охоту. Наше начальство поощряло этот вид спорта: неплохо, если солдат упражняется в стрельбе. Меня же бессмысленные убийства не прельщали, я любил уединение и выискивал отдаленные уголки, где мог в тишине любоваться природой.

В одну из таких прогулок я набрел в долине на ручей. Мороз был сильный, на ветвях деревьев толстым слоем лежал снег, но по берегам ручья ледяное кружево то и дело рвалось. Еще будучи агрономом, я привык чутко следить за всякими проявлениями жизни природы. И вот теперь мне бросилось в глаза, что русло ручья намного шире, чем струя журчащей на самом дне его воды. Мне захотелось узнать причину такого явления.

Я пошел реденьким лесом по пути, который указывало мне извилистое русло. По мере того как я продвигался вперед, все явственней слышался гул будто стремительно падающего с высоты водяного потока. Я прошел около полумили, когда неожиданное зрелище заставило меня остановиться. Лес внезапно оборвался, и я стоял теперь на берегу пруда. Прямо передо мной, у крайнего дерева, ручей был перегороден плотиной, образуя искусственный водоем длиной примерно метров в восемьдесят.

Я внимательно разглядел плотину: ведь мне впервые в жизни приходилось видеть, на что способны бобры. Из воды торчали острые концы толстых кольев. Их концы будто топором заострил плотник. Эти колья аккуратно оплетались тонкими ветками, образуя плетень. Такие плетни я видел на родине вокруг старинных садов; ил, земля и прочие наносы утолщали плотину,

она уже раздалась метра на три. Передо мной было дело рук настоящих мастеров. Строительный материал брался тут же — вокруг пруда широкая полоса леса площадью двадцать пять — тридцать гектаров была «спилена» зубастыми «строителями», из-под снега торчали лишь пеньки.

Я не мог устоять перед искушением и в следующую же свою прогулку снова разыскал это место. На сей раз я повредил плотину. Гул воды сразу усилился, ручей стал полноводнее. Ясно было: плотина в скором времени начнет разрушаться.

Я спрятался неподалеку за деревьями. Прислонившись спиной к толстому стволу, в бинокль стал наблюдать за бобрами.

И чуть было не поплатился за это жизнью.

Починка плотины прилежными бобрами оказалась делом шумным. Но в то же время это было необычайно интересное зрелище, оно полностью захватило меня. На мое счастье, я все же услышал хруст ветвей за своей спиной.

Стыдно признаться, но от страха я не мог шевельнуться.

Ко мне медленно, вперевалку приближался огромный гризли. Медведь шел прямо на меня. Его шерсть с металлическим отливом местами серебрила еще сочные лучи весеннего солнца. По всему было заметно, что он не в духе, более того — обозлен, видно, ему раньше времени пришлось вылезти из уютной зимней берлоги.

Все свое внимание я сосредоточил теперь на опасном звере, о бешеном нраве которого мне не раз приходилось слышать.

Я осторожно сменил в автомате обычную пулю на разрывную. Волнуясь, я, наверно, слишком нервозно задвинул затвор, и он громко щелкнул.

Гризли встрепенулся и поднялся на задние лапы. Он был куда выше меня и вообще казался устрашающе сильным! Уши он прижал к затылку, из пасти его капала зеленоватая слюна.

Я не стал дожидаться, пока медведь что-нибудь предпримет. Возможно, вы сочтете меня трусом, но сре-

ди дикой природы Аляски оказаться один на один с таким чудовищем... Я не мог рисковать своей шкурой.

Через две недели я окончил курсы. Мне вручили свидетельство с отличием и приказ немедленно возвратиться в свою часть.

Я явился на место. Меня демобилизовали. Вся моя гражданская одежда, оставленная мною в Форт-Джэксоне, дожидалась меня, отглаженная и приведенная в наилучший вид.

— Теперь вы перейдете в ведение Си-Ай-Си, — сказал мой прежний командир. — Мне жаль терять вас, но вместе с тем я должен признать, что вы правильно поступаете. Избранный вами путь опасней, но интересней. Там вы будете преуспевать. Ну, желаю удачи! — И он на прощание крепко пожал мне руку.

— Ну, орел, как дела? Слыхал о вашей расправе с гризли! — с веселым радушием встретил меня мистер Робинсон. — Ну-ка расскажите поподробнее!

Я рассказал ему все как было, ничего не приукрасив и не утаив. Признался даже, что струсил. Правда, у меня мелькнула мысль, как бы излишняя откровенность не повредила мне, и все же я решил и впредь говорить с ними начистоту.

«Пусть они даже презирают меня за трусость, но моя прямота и тут будет смягчающим обстоятельством», — пронеслось у меня в голове.

Мой расчет оказался точным. Более того, вместо ожидаемого порицания за то, что я предупредил нападение медведя и не испробовал свою силу в единоборстве с ним, меня вдруг похвалили:

— Вы поступили правильно! — сказал, одобрительно кивнув, мистер Раттер, молча потягивавший до этого сигарету. — Вот вам случай, чтобы сделать для себя вполне определенный вывод!

— Вывод? — удивился я.

— Да! Никогда не ждите, пока на вас нападут! Вы при всех обстоятельствах должны опередить, ошеломить противника! Стреляйте и колите до того, как он опомнится! Тогда вы будете долго жить!

«Вот тебе на! Уж никак не думал, что меня поглядят по головке за мой поспешный, фактически малодушный выстрел!»

Свою мысль, конечно, я не высказал, но мистер Раттер, видимо, и без того догадался, что происходит у меня в душе.

— Слушайте меня внимательно! — Он встал передо мной. — От чувства страха мы вас, разумеется, избавим. Речь не об этом. Вы должны запомнить раз и навсегда, что в нашем деле вопрос жить или не жить может решить тысячная доля секунды. Значит, убивайте без опасений, без зазрения совести, не задумываясь! Чтобы не убили вас!

Разговор этот происходил днем, но мысли мои то и дело возвращались к нему и поздним вечером. Я находил странным и никак не приемлемым лозунг моего покровителя, который должен был стать и девизом моей дальнейшей жизни.

Я получил пристанище в заветной части Форт-Брага, за той оградой, где прежде могла витать лишь моя фантазия. С этого времени я по направлению военной разведки был зачислен в группу войск специального назначения. Мой оклад возрастал скачками. Если в военной полиции я получал 140 долларов, то теперь в мои руки — с надбавкой за опасную службу в особых частях, с командировочными — ежемесячно попадало 250 долларов. И это помимо полного и отличного содержания. Кроме того, поскольку в свободное от занятий время мы ходили в штатском, нам выдали единовременную сумму в размере 300 долларов на пополнение гардероба.

Календарь показывал март 1959 года. Я чувствовал себя настоящим господином.

Постепенно я привык к тому, что меня перебрасывают с курсов на курсы. Должен сказать, что начиная с момента зачисления в группу войск специального назначения в течение полутора лет я только и делал, что впитывал в себя самые диковинные познания, причем теория подкреплялась далеко не безопасными опытами. Умение противостоять всевозможным испытаниям —

вот что было главным предметом нашей учебной программы.

На очередных курсах меня обучали парашютному делу. По сути, это и было стержнем всей подготовки в группе войск специального назначения.

— Тот, кто не овладеет мастерством парашютиста, пусть не надеется стать партизаном, — заявил нам генерал на первом же смотре.

Слова его подтвердились. К концу занятий из тысячи трехсот курсантов отсеклось свыше девятисот человек.

Поначалу нас ознакомили с костюмом парашютиста и устройством парашюта. Мы до тех пор осматривали, сщупывали детали, пока не запомнили назначение каждой из них.

— Не забывайте! Жизнь того, кто прыгает с высоты нескольких тысяч метров, зависит исключительно от парашюта!

Среди нас был еще один венгр, некий Ковач, заброшенный сюда судьбой откуда-то из окрестностей Папы. Собственно, случай свел нас здесь уже как знакомых, я встречал его перед тем на судне «Генерал Хунд».

Как только у нас оказывалась свободная минутка, мы с Ковачем уединялись, чтобы снова и снова тормозить свои воспоминания о родине.

— Послушай, Фери, ты в этой заварухе участвовал? — неожиданно спросил он меня в конце одного из наших разговоров.

— В какой заварухе?

— Ну, в революции?

— И да и нет, — ответил я сначала неопределенно.

Но он показался мне раздраженным, взволнованным, и я поспешил ему рассказать все как было.

— Я должен был в Фертеде увидеть свою невесту, чтобы проститься с ней или взять ее с собой. Понимаешь, отец мой тогда только что вышел из тюрьмы и уже вместе с матерью дожидался меня в Вене. Я к ним и спешил. Как ты знаешь, в то время с поездами было трудно, я пробирался к Шопрону на «одиннадцатом номере», надеясь на случайную удачу. Такая удача подвернулась мне в виде крытого брезентом грузовика.

Догнав меня, машина затормозила. Тут я заметил, что кузов ее битком набит поющими юнцами в нарукавных повязках.

— Куда собрался, приятель? — окликнул меня один из них.

— Домой! В Шопрон!

— А откуда?

Сначала я хотел ответить вопросом: по какому такому праву вы вздумали меня расспрашивать, но вовремя осекся. Их много, да и времена не те, чтобы одинокий человек мог проявлять свой характер.

— Из Фертёда. Я агроном.

— Садись! Подвезем! — Говоривший протянул мне руку.

«Вот это здорово», — подумал я, ухватившись за протянутую руку и забираясь в кузов. Здесь были одни молодые лица.

— А вы кто такие? — заинтересовался я в свою очередь.

— Мы студенты! Национальная гвардия, не видишь! — Подсадивший меня приблизил нарукавную повязку к самому моему носу.

— Оружие везем и порох в Шопрон! Помогаем революции! — охотно сообщил он мне.

— Постой-ка! — встревожился другой студент. — Скажи, ты случайно не коммунист?

— Пошел к черту! — отрезал я. — Мой отец только что вырвался из вацкой тюрьмы.

Вокруг меня раздались приветственные возгласы.

— Давай к нам! Отомсти им! — обратился ко мне паренек с продолговатым лицом и высоким лбом. Сразу было видно — интеллигент.

Мсть? Идея эта застряла у меня в голове, вызывая что-то вроде досады на мою пассивность. В самом деле, вот и возможность представляется! За отца! За непосильные тяготы, которые легли на плечи матери! За покалеченные годы моего детства!

Наверное, у меня на физиономии появилось выражение решимости, так как кто-то сунул мне в руки автомат.

— На! Держи! Оружие теперь в наших руках!

Сборище юнцов гудело, как потревоженный улей. Но я молчал.

«Надо бы, конечно, отомстить! — подстрекало меня что-то изнутри. — Только кому? Вот вопрос! Ведь те, кто ненароком могут попасть мне под горячую руку, не виноваты же в том, что произошло в нашей жизни».

— Сначала мне надо побывать дома! — наконец проговорил я, ожидая возражений. Но никто мне ничего не сказал. Очевидно, мое желание показалось всем естественным.

— Прощай, друг по оружию! — крикнули мне вслед, когда на площади Кефараго, постучав в окошко к водителю, я соскочил с машины. — Захочешь, найдешь нас в здании совета! — И машина помчалась дальше.

Я направился к дому, но вдруг заметил, что оружие осталось у меня в руках. Как быть теперь?

— Ну и что же ты придумал? — В глазах у Ковача вспыхнул какой-то странный огонек. Наклонившись вперед, он напряженно ждал моего ответа.

«Вот тебе на, уж не болен ли мой собеседник?»

Я украдкой, чтобы он не заметил, поглядывал в его сторону.

«С каким болезненным интересом ворошит он прошлое, дела пятьдесят шестого», — подумал я. До сих пор, сам не знаю, как мне это удавалось, но я обходил разговоры о своем прошлом в роли «освободителя». Хвастать несодеянными подвигами, хоть они и были бы здесь оценены по достоинству, я не пожелал. Поэтому держался так, будто мне просто не удалось включиться в борьбу. Открываться я никому не собирался. Разве помогло бы моей карьере, если бы здесь узнали, что я был в стороне от событий?..

— Что я придумал? Отдал ружье первому попавшемуся гвардейцу. Сказал ему, что собираюсь за границу и пусть, мол, он пользуется им на здоровье.

Ковач задумался, видно было, что он чем-то очень озабочен.

— Знаешь, дружище, скажу тебе по совести, кое-что мне здесь не нравится. Не хочу я тут оставаться! — выпалил он наконец то, что, наверное, долго мучило его и искало выхода.

«Что ответить ему?» — задумался в свою очередь я. — В таком случае, — спросил я его в упор, — почему ты не обратишься к начальству? Не попросишь перевести тебя?

Ковач покачал головой.

— Я уже пытался, все напрасно! — И он безнадежно махнул рукой.

— Зря ты так думаешь! Принуждать тебя никто не станет!

Он посмотрел мне в глаза. Узкая полоска его губ насмешливо скривилась.

— Какой ты наивный! — И, придвинувшись ко мне вплотную, он продолжал совсем тихо: — Дома я работал на папском аэродроме. У русских. Потому и не отпустят!

— Но ведь здесь никого силой не держат! — настаивал я.

— Я солдат! — возразил он. — И иду, куда пошлют. Меня бросили сюда — и вот я здесь. И везет же мне, черт возьми. На занятиях у меня все идет гладко!

Этот же Ковач спросил как-то инструктора:

— Если жизнь зависит от парашюта, зачем в таком случае возиться с бесконечным числом пуговиц, пряжек, карманов?

Инструктор с неиссякаемым терпением принялся объяснять ему:

— Каждая мелочь имеет свое определенное назначение. Малейшее упущение в отношении этих деталей может повлечь за собой тяжелые последствия.

— А какие именно?

— Откажет, например, вытяжное кольцо — парашют не раскроется. Вы запутаетесь тогда в стропах и лишитесь возможности управлять спуском.

Мы целыми днями учились укладывать парашют, управлять им в воздухе, без повреждений приземляться. Но пока что это были только теоретические занятия, на которых мы украдкой позевывали.

Но положение совершенно изменилось, когда нас повели к огромным вышкам, выстроившимся в ряд на полигоне. Они напоминали гигантские лебедки, применяемые в современной технике на строительстве. Только

могли подтягиваться еще выше и были крепче и внушительней, чем их мирные сестрицы.

Мы взобрались по лестницам на головокружительную высоту. Здесь на нас надели парашюты. По команде мы должны были выдернуть вытяжное кольцо.

Вначале меня страшила «пустота» и даже шелковый зонт не казался особенно надежным лифтом.

«Ну точно как в героическую эпоху первых полетов!» — подумал я, впервые дожидаясь своей очереди на вышке.

Я все старался вспомнить имя того героя, который из холста смастерил себе крылья, чтобы отвоевать у птиц воздушный океан.

— Восемьсот шестьдесят первый!

«Лиалиенталь», — вспомнил я в то время, как меня опутывали ремнями.

Больше я ничего не успел подумать: в это время я камнем стал падать вниз.

Да, именно падать. Падая, правда, не очень быстро, я словно парил, но мне лично казалось, что земля чересчур скоро приближается.

Наконец я почувствовал сильный удар в подошвы. Приземлился.

«Так ведь это детские игрушки!» Я снова воспрянул духом. Мне стало стыдно даже перед самим собой за мои страхи.

«Да, не из храброго ты десятка!» Сделав такое заключение, я решил впредь быть смелее и не страшиться любой, даже самой большой опасности.

Случай для серьезного испытания представился мне довольно скоро. На одном из занятий, когда был получен приказ перейти от теории к практике.

В кожаном костюме, сзади и на груди по парашюту, я, как и другие, больше походил на приبلудившееся с неведомой планеты существо, чем на землянина. Ну, это еще куда ни шло. По-настоящему же мне стало не по себе, когда на изрядной высоте раскрылся люк в самолете и наш командир назвал несколько номеров. Среди них и мой. Я должен был прыгать одним из первых.

Я видел, что к самолету прикреплена предохранительная веревка, и все равно мне было не по себе.

— Пошел! — скомандовал офицер.

И вот первый курсант, уже отделившись от самолета, исчез в разверзшейся за люком глубине.

— Пошел!

За ним последовал другой.

Третий уперся. Командир не стал с ним церемониться и отправил его в путь энергичным пинком под зад.

Наступила моя очередь.

Я выглянул наружу. Подо мной расстилалась земля, словно ковер, сшитый из пестрых лоскутков.

Секунду я простоял или только долю секунды? В драматичные моменты человек теряет ощущение времени. Во всяком случае, я успел разглядеть все, что было подо мной: поля, далекие дома, речушку, вьющуюся среди зелени лугов.

Хоть бы в нее упасть! Может быть, вода смягчит удар при падении, в случае если откажет парашют!

— Пошел!

«Это тебе, — подсказало сознание, — прыгай, не жди пинка!»

Меня подталкивало не столько мужество, сколько опасение быть пристыженным, и я бросился головой в пропасть.

Как несется мне навстречу земля! Что с парашютом? Он не раскрывается! Ужас сжал, словно в кулак, мое сердце.

Но вот я ощутил страшный рывок, плечи мои дернуло. Казалось, из них вырвало руки. Бешеный полет вниз вдруг затормозился и перешел в парение. Точь-точно как при прыжке с вышки.

Я успокоился. Но чувство страха перед прыжками у меня осталось, как перед первым, так перед десятым и перед сотым.

Трагичный случай, происшедший на одном из занятий, не прибавил нам ни бодрости духа, ни доверия к прыжкам с парашютом.

Мелких неудач мы не боялись, вывихи и переломы были делом довольно частым. Мы даже завидовали «счастливчикам», которые в гипсе на больничной койке «проходили» курсы.

Но случай, который произошел с одним из наших курсантов, был необычным. Подобного у нас еще не случалось.

Я был номером восемьсот шестьдесят первым. Под восемьсот шестьдесят вторым числился тот самый курсант — американский паренек.

Произошло это на одном из последних занятий. Я прыгнул первым, он за мной.

Я свободно падал в воздухе. Приказ гласил: раскрыть парашют только близ земли. Я уже ощутил рывок в плечах, надо мной распростерся белоснежный громадный гриб, и я стал спускаться плавно, как в лифте Импайр стейтс билдинг, когда возле меня со свистом пронеслось тело.

Я не узнал, кто это, понял лишь, что падает один из моих сокурсников.

«Его парашют не сработал!» — ужаснулся я.

Я ухватился за лямки, чтобы ускорить спуск, и еще в воздухе стал освобождаться от подвесной системы.

В волнении я даже не заметил толчка от резкого соприкосновения с землей. Остатки стягивающих меня ремней я перерезал ножом. И побегал что было сил к неподвижному телу.

Парень лежал, весь как-то странно вывернувшись, подобно гуттаперчевым, «лишенным костей», циркачам, которые, стоя на руках, запросто обнимают ногами голову или, выгнувшись назад, меж собственных ляжек, улыбаясь, глядят на достопочтенную публику. Представившееся мне сейчас зрелище, увы, было очень печальным, так как тело это не могло, как тело улыбающегося акробата, возвратиться в свое естественное положение.

Я быстро оглядел лежавшего, но не обнаружил нигде ни капли крови. Лицо моего товарища среди бурных комьев вспаханной земли казалось выбеленным известью. Его раскрытые глаза глядели на меня с неизмеримой болью. Вдруг губы его шевельнулись, он, видно, хотел что-то сказать.

Я склонился совсем близко к нему, чтобы уловить, что он скажет. А вдруг удастся чем-нибудь ему помочь! Облегчить как-то его страдания.

Я скорее прочел по губам, чем услышал слабое, бес-
силно выдохнутое:

— Скажи моей матери...— Тут его веки застыли, не
успев прикрыть глаза.

«Скажи моей матери...» Кто знает, что он хотел пе-
редать напоследок той, кого больше всех любил. Чтоб
не печалилась? Или хотел попросить о чем-нибудь? Не-
известно. Ответы на эти вопросы он унес с собой.

Сдерживаемое рыдание сдавило мне горло.

Примчавшейся скорой помощи делать было нечего.

Долго еще после этого меня снедала тоска.

На занятиях по прыжкам с парашютом меня снова
свела судьба с тем самым Хайдвеги, фамилия которого,
если вы помните, привлекла мое внимание в Форт-
Джэксоне своим неестественным звучанием. Дня через
два после несчастного случая он отвел меня в сторону.

— Помогите мне! Я больше не могу... Я решил бежать!
Здесь нас все равно угрожают!

— Ты что, рехнулся? А что дальше?

— Я поеду в Нью-Йорк. Разыщу венгерское по-
сольство.

Под его глазами лежали тени, на скулах натянулась
кожа. А стоило чуть приглядеться к нему, как станови-
лось ясно, до какого он дошел состояния.

— Брось молоть чепуху! Попросись на больничный!
Отдохнешь, вернешь силы!

Я еще не успел забыть об этом эпизоде, когда был
вызван в штаб. Меня встретил сам генерал. В его каби-
нете я застал мистера Раттера и мистера Робинсона, а
также двух моих соотечественников — Хайдвеги и Ковача.

Хайдвеги стоял между вооруженными солдатами.

— Капрал! Мы в вас ошиблись! — обратился ко
мне генерал.

Ощущение было такое, будто на меня выплеснули
ушат холодной воды.

— Я не понимаю, господин генерал...

— Чего вы не понимаете? Того, что делаете у нас
себе карьеру, а мы на вас ни в какой мере не можем
рассчитывать? Этого вы не понимаете?

— Господин генерал!..— Мне показалось, что зем-
ля пошатнулась у меня под ногами.

«Что я сделал? За что они на меня взъелись? —
Я лихорадочно искал объяснение случившемуся. По ли-
цам моих шефов я понял, что и они обижены на меня. —
За что же? За что?»

— Что говорил вам этот человек? — ледяным то-
ном спросил мистер Раттер, указав на Хайдвеги.

Тут мне все стало ясно. Так вот в чем дело!..

Я слово в слово передал весь наш разговор.

— Вот видите. Тут-то вы и провинились, пошли
против нас. Этот человек собирался стать предателем —
вы же хранили его тайну. Разве так делают? А если
он расскажет большевикам все, что знает? Вам это не
приходило в голову?..

Я признал, что они правы.

— Сэр! Я поступил необдуманно. Ничего не могу
сказать в свое оправдание! — Я полагал, что после
моей самокритики все станет на свое место. Но не тут-
то было!

— Пойдите, пойдите! Еще кое-что имеется на ва-
шем счету!

«Что же еще? О господи!»

Мистер Раттер оказался обвинителем безжалостным.

— А этот, другой, ничего вам не говорил? Ни на
что не жаловался? — Палец его теперь уперся в Ковача.

— Нет, то есть да! — проговорил я, уничтоженный.
Они и это узнали! Как?

— Возьмите пример со своего сокурсника, — вставил
теперь генерал и — я едва поверил собственным гла-
зам — указал на Ковача. — Он уже усвоил, что малей-
шее проявление чувств, даже единственное пророненное
слово, может привести к печальным последствиям.

«Так вот оно что... Значит, Ковач — не кто иной,
как шпик? Ну погоди же, котик!»

— Господин генерал! Разрешите доложить, что на-
званное вами лицо также относится к числу недоволь-
ных! Это мне известно от него же самого! — В ярости
я не заметил, что повторяю то, в чем Ковач уже успел
добровольно признаться.

— В этом-то и дело. Но почему вы только теперь
соизволили доложить об этом? Видите, он оказался
порядочнее вас!

Я опустил голову. Разглядывал узоры на ковре. Что мне еще оставалось делать? Было очень неловко от выговора и досадно, что в мой послужной список будет занесено взыскание. И вдобавок — в этом стыдно было даже самому себе признаться — я завидовал предателю. Он ведь вышел в пай-мальчики! Его — да-да! — его же еще и похвалят! Повысят. Будто вовсе и не он жаловался совсем недавно на свою судьбу!..

— Сынок, да возьмите же себя в руки! — пробирал меня мистер Робинсон, даже теперь с лаской в голосе. — Этот свой проступок вы еще можете исправить. Подумайте над тем, что получилось бы, если бы вам пришлось прибыть в Венгрию с такой вот, например, личностью, как этот самый Хайдвеги! Это же готовый провал! Или, скажите, рискнули бы вы отпустить с ним впоследствии кого-нибудь из своих питомцев? Ответьте, пожалуйста, да или нет?

Я вздохнул с облегчением. Значит, у меня еще будут питомцы. Значит, меня не отчислят! Значит, не все еще потеряно!

— Нет, не рискнул бы, мистер Робинсон! — Голос у меня был ликующий, они, конечно, обратили и на это внимание.

Генерал улыбнулся.

— Вижу, вы уже сделали соответствующий вывод. Прекрасно! Из вас будет толк. Но сегодняшний урок пусть послужит вам на пользу! Итак, вы должны ставить свое начальство в известность обо всем происходящем с вами и с вашими товарищами. Обо всем! Вы и это поняли?

— Так точно, господин генерал!

Я произнес это, как клятву. Нет, отныне не Ковач будет фискалить на меня!.. Этому больше не бывать!..

Хайдвеги в смиренной рубашке увезла военная карета скорой помощи. Как впоследствии я узнал, он попал в дом умалишенных. Там он, рассудило начальство, может говорить все, что взбретет ему в голову. Кто поверит болтовне умалишенного?

Но я все же дождался во дворе своих шефов.

— Ну, что еще? Ведь мы же все уладили! Не так ли? — пошутил, подойдя ко мне, мистер Робинсон.

— Я кое-что недопонял, и это меня угнетает.

— Выкладывайте! Все начистоту!

— Это дело с Ковачем... Выходит, этот пройдоха, этот саюнтяй, который нюни распустил из-за того, что должен тут находиться, — проверенный человек, славный малый?

Мистер Раттер пристально посмотрел мне в глаза.

— Да. И вы пораскиньте умом: Хайдвеги собирался удрать, а вы были немые, как могила. Зато Ковач... С Ковачем все ясно, ясно, что он за нас. Мы знаем, он без надобности не будет рисковать своей шкурой, но уж если придется... Одно неоспоримо: коммунистов он всем сердцем ненавидит, а нам предан. И это он только что доказал. А остальное придет со временем!

Глава седьмая

Диверсия!

«Дорогой Фери!

Твое последнее письмо еще туманнее, чем все предыдущие. О себе ты пишешь совсем мало. Больше спрашиваешь, как я да что нового дома.

Может, это проявления тоски по родине?

Отец сказал мне, что тоска по родине тяжелей, чем голод. Что человек, где бы он ни был, повсюду натывается на воспоминания: все ему чем-нибудь напоминает дом. А если он не находит сходства с родными краями, то сам начинает его выдумывать.

Так это или нет — тебе лучше знать.

Из-за этого стал ты скуп на слова? Или мне только кажется? Надеюсь, что причина именно эта, а не болезнь.

Ведь ты здоров? Ты бережешься ведь, правда? Тебе не надо напоминать, что ты значишь для меня?!

Я только одного не могу взять в толк: как ты представляешь себе будущее? Ты пишешь, что не прочь вывести меня туда, к себе. Я мало верю в такую возможность, но и независимо от этого я не поехала бы. Люблю я тебя очень и очень, но не смогла бы расстаться

с матерью, отцом, братишкой и с родными краями. А если не это, то остается одно — чтобы ты вернулся!

Словом, наша любовь бесперспективна и печальна. Но я все же не теряю надежды.

Если ты стал немногословен в отношении своего жителя-бытия, то я становлюсь, как видишь, все разговорчивее. Втайне мечтаю о том, что моя болтовня в какой-то мере утешит тебя, укрепит узы нашей дружбы и, может быть, приведет тебя когда-нибудь домой.

Недавно мне выпала большая честь. Невзирая на то что я еще совсем молодой агроном, меня пригласили в один из вновь организованных производственных кооперативов. Работаю уже два месяца. Если бы ты знал, сколько эта работа — даже наряду с множеством работ — приносит мне радости! Возможности большие. Знай трудись!

Только ты, пожалуйста, не подумай, что я собираюсь тебя агитировать! Я ведь понимаю причину твоего пребывания в Америке. Просто радостью своей делюсь с другом: я теперь хозяйничаю на четырех тысячах холмиков! У нас будет вдоволь кукурузы, а на свиноферме, конечно, маточник. Я добилась — ты только представь меня воюющей с нашими консервативными мужиками — осуществления моей давней мечты: садка для разведения уток. Водоем у нас есть, клетки уже строятся. Ну скажи, правда, чудесно?

Я даже вижу, как ты смеешься надо мной за то, что я так по-детски восторгаюсь. А ведь, поверь, я довольно реально, цифрами, выражаю свои мечты. Цифры говорят мне о том, сколько я смогу осуществить из задуманного. Вот приедешь, и тогда вместе решим, что взять верх: твой пессимизм или мой оптимизм?

Дорогой Фери! Кончаю письмо. На прощание повторяю мой завет: береги себя и всегда люби нашу маленькую страну. А в ней, конечно, больше всего — меня!

Целую.

Магда».

Я, наверное, в двадцатый раз перечитывал только что полученное дорогое письмо и никак не мог оторвать то сухо горящих, то влажных глаз от этих букв, хотя каждую из них уже помнил наизусть.

Магди! Я представил себе, с каким она свирепым видом «отвоевывает» своих утят, и в самом деле не мог сдержать улыбку. Наверное, в этом случае у нее было такое же лицо, как тогда, когда я после признания решил, что она непременно отвернется от меня. Ее лицо вспыхнуло. Голос стал тихим, но твердым.

Я так и предполагал, что ко мне она не придет. Может ли она оставить своих, не зная, доведется ли ей еще раз встретиться с ними? А ведь она любит меня и, наверное, очень! И я ее люблю. Сколькими женщинами и девушками увлекался я, с тех пор как расстался с ней... Но где им до нее!

Итак, она работает в кооперативе! Значит, снова отобрали где-то землю у крестьян. Бедняги!.. Но все же большое дело то, что уничтожили межи. Четыре тысячи холмиков! Это крупное поместье! Магди, в сущности, права. На таком участке можно сделать чудеса!

У нас был один из нечастых выходных дней. Ехать в какой-нибудь из ближних городов мне не хотелось. Я лежал на койке и, как всегда, терзался сомнениями. Полученное письмо то уводило меня в мир далеких воспоминаний, то прямо к глазам подносило будущее.

Будущее? Какое у нас с ней могло быть будущее? Никакого!

От этой мысли я окончательно расстроился.

«До чего же ты малодушен!» — заговорил во мне другой, уверенный голос. Он показался мне знакомым и в то же время чужим.

«Да ведь это же голос мистера Раттера!» В самом деле, я поймал себя на том, что говорю в стиле своего покровителя.

«Ну и что ж! А ты смотри на жизнь так же легко, с высоты, как это делает он!»

«Возьми себя в руки и успокойся. Недаром ведь трагит тут на тебя такую уйму денег. Ты будешь обучать молодых, и твои питомцы поедут... домой. И чем больше

их поедет туда, тем вероятней, что там все образуется по твоему вкусу. И тогда... ты тоже поедешь».

«Тогда?»

«Тогда!»

Я уже не думал о том, что сказала бы Магди, когда я явился бы к ней как американский солдат... Встречал. Вот что было главным, все остальное казалось подчиненным, служило лишь осуществлению этой мечты.

Когда я несколько позднее спокойно и объективно взвесил сделанные после больших сомнений выводы, мне стало ясно, что они, по сути, не что иное, как победа мистера Раттера и мистера Робинсона, а также всей педагогической системы Си-Ай-Си и группы войск специального назначения над моим мировоззрением. То есть надо мной.

Во всяком случае, начиная с того времени я более сознательно и отважно готовился к выполнению взятого на себя обязательства. Я верил: это ради Магди!

— Прошу внимания!

В этот день, к нашему удивлению, занятия вел человек в штатском. Мы сидели в аудитории, когда начальник школы вошел к нам в его сопровождении. Несколько коротких замечаний, несколько напутствий, и мы остались одни с занимательным штатским.

Почему я сказал «занимательным»? На нем был отличный сизый костюм. Его белая рубашка и галстук выглядели безупречными. Широкие плечи и чудовищная по объему грудь распирали добротный пиджак. Кажалось, что этот человек состоял из одних мускулов. Шея у него была толстая и крепкая, ему мог бы позавидовать любой поп-кальвинист. Но дело в том, что на этой бычьей шее сидела сравнительно маленькая голова с блестящими, живыми глазами и длинным носом, что придавало ему сходство с дятлом.

— Прошу внимания! — еще раз произнес Дятел.

Он не кричал. Даже не повышал голоса. И все же в аудитории наступила гробовая тишина. Этот человек знал, как метнуть взгляд своих синевато-серых глаз, чтобы быстро завоевать авторитет.

— Некоторое время мы вынуждены будем находить ся в обществе друг друга! Остается желать, чтобы

конце курса мы расстались обоюдно довольными. Для этого, конечно, вам придется здорово потрудиться. У меня в отношении вас требования будут высокие.

Он сделал небольшую паузу. Оттого ли, что его утомила произнесенная речь, или из любезности, чтобы дать нам возможность поразмышлять немного над нашими покойными предками?

— В мои обязанности, — продолжал он, — входит познакомиться вас с тем, что прежде всего должен знать и уметь диверсант. Вы убедитесь сами, что это — целая наука. Диверсант должен быть сапером и электриком, механиком и химиком, оружейным мастером и акробатом!

Он говорил страстно. Видно было, что он предан своему делу. Но мне в эти минуты он напоминал того старого шопронского дядьку, которого я всегда, когда бы ни приходил в сад Эржебет, заставал в одном из укромных уголков в компании отъявленных картежников — обычно он простаивал за их спинами, «болея», кривя дрожащие безмолвные губы. Когда же представлялась и ему возможность сыграть партию-другую, то у него начинали дрожать руки. Он прямо терял рассудок от своей страсти. Дятел все время, пока был моим учителем, почему-то напоминал мне именно этого старика из сада Эржебет.

— Что же мы подразумеваем под словом «диверсант»? Может быть, среди вас найдется желающий ответить на этот вопрос?

Был у нас один шупленький капитан. Японец. Его прислали учиться в Америку. Он поднял руку:

— Диверсант — это тот, кто на территории вражеской страны разрушает объекты военного значения. Его задача — парализовать передвижение войск, препятствовать снабжению боеприпасами, сеять панику среди населения. Диверсант — наиболее действенное из всех имеющихся видов оружия!

— Bravo! — Дятел засиял от удовольствия. — Хотя определение ваше и не абсолютно точное, но оно не лишено смысла.

Он налил из стоявшего на столе кувшина воды в стакан и выпил. Затем продолжал:

— Как это ни странно на первый взгляд, но главное для диверсанта — умение перейти границу враждебного государства. Ибо без такого умения вся его остальная подготовка пойдет насмарку! Вот почему мы и начнем занятия именно с этого.

Теперь мы знакомимся со всевозможными сигнальными средствами. Преподаватель чертил мелом на доске и пояснял схемы действия различных световых и звуковых приборов, автоматических индикаторов.

Он не успокаивался до тех пор, пока каждый из нас досконально не овладевал данным устройством, безошибочно воспроизводя его в чертеже.

Потом он перевел нас в другую аудиторию, где на огромном столе была изображена местность, на которой помещался макет действующей сигнальной системы.

Преподаватель расставил нас вокруг стола.

Мне казалось, что я попал в музей. На макете изображалась узкая долина, окаймленная холмами. Эта долина была опутана проволочным заграждением. По ту сторону, где хорошо различалась контрольно-следовая полоса, меж деревьев леса из папье-маше была натянута тоньше волоса проволока. Ее едва можно было различить невооруженным глазом.

— Дотроньтесь вон до той, красной проволоки! — приказал преподаватель одному из нас.

Палец курсанта неуверенно, с опаской коснулся тоненькой проволоки. В тот же миг раздался резкий, оглушительный звук. Мы вздрогнули.

— Вы знаете, что издает такой звук?

Нашего воображения не хватало, чтобы догадаться.

— Поглядите туда!

Дятел кивнул на стену за нашими спинами, где, словно в пляске святого Витта, подергивалась консервная банка.

— В ней — камешек. Только и всего. От малейшего прикосновения к проволоке банка начинает раскачиваться, а камешек стучаться об ее стенки. В тишине ночи на сотни метров слышен этот звук.

Теперь он указал на зеленую проволоку.

— Попробуйте-ка, заденьте, — избрал он на этот раз меня.

Я охотно сделал то, что мне велели. Игра казалась мне очень увлекательной.

Зеленая проволока в наступившей вдруг темноте заставила взлететь рассыпающийся искрами сноп крошечных ракет.

— А теперь коснемся самого опасного!

На очереди была желтого цвета проволока. Один из курсантов дотронулся до нее.

Мы ожидали звука сирены, выстрела или пулеметной очереди.

Но ничего не произошло.

— Осечка! — ехидно заметил кубинец Рикардо, вечно и всюду сующий свой нос.

— Неужели?! — И преподаватель весело завертел своей птичьей головой. Затем, подойдя к боковому стенду, раздвинул драпировку.

Мы увидели стеклянный щит, а на нем ровную линию, разделенную цифрами. Примерно на середине ее мигал едва заметный желтый огонек.

— Следите!

Дятел быстро то в одной, то в другой точке задевал желтую проволоку. С той же скоростью вспыхивали на стеклянном щите мигающие огоньки.

— Остается только выйти на место и поймать нарушителя!

Должен сказать, что нас в немалой степени удручило такое техническое совершенство охраны границ. В глазах же нашего уважаемого педагога появился веселый огонек.

— Что, спасовали? А ведь для этого нет никакого основания. Есть аппаратик, который придет вам на помощь. Весьма надежный помощник! — Он с удовлетворением потер ладони. — Благодаря ему вы сможете обойти сигнальные устройства!

В самом деле! Нам оставалось только удивляться, когда он одно за другим демонстрировал чудеса техники. Раньше бы мы никому, даже самому генералу, не поверили, что так просто миновать тот или иной участок заставы.

Следующее занятие было также посвящено проблеме перехода границы.

— Предположим, вы проводите работу в одной из коммунистических стран. Вам грозит опасность разоблачения. Надо бежать. Как вы доберетесь до границы?

На этот раз также нашлось среди нас несколько компетентных лиц: югославы, венгры, пожелал высказаться и китаец. Все это были уже зрелые люди, отважившиеся в свое время преодолеть невидимые преграды.

Дятел внимательно, до конца выслушал каждого, никого не перебивая.

— В сказанном вами была доля истины, но прежде всего я должен сообщить вам, что вы меня недопоняли. Путь до границы ничуть не легче, чем победа над техническими препятствиями. Это-то все вы легкомысленно упустили, точно это вовсе и не проблема. Хотя именно здесь и требуется тщательная подготовительная работа. Тот, кто этому не уделяет должного внимания, уподобляется строителю, который взялся строить здание без фундамента. Запомните раз и навсегда: первым делом необходимо раздобыть паспорт. К тому же подлинный! Подделки, даже при нашей развитой типографской технике, несовершенны. Экспериментировать же доморощенными способами... — он передернулся, — это готовый провал! Итак, подлинный паспорт. Только фотографию надо в нем переменить.

— А каким образом? — спросил Рикардо.

— Вот об этом-то я как раз и собираюсь с вами говорить!

И он стал терпеливо объяснять, подкрепляя свои слова примерами.

— Скажите, пожалуйста, а где же раздобыть такой паспорт?

Недаром же Рикардо был выходцем с Кубы, его темперамент и способность болтать оказались непревзойденными! Конечно, и этот вопрос задал он.

— Вы спрашиваете где? Дорогой мой, ведь мы же не дегенератов посылаем совершать диверсионные акты, а полноценных, более того, смысленных людей! Украдите! Неплохо раздобыть паспорт у того лица, с которым вы были связаны. Надо лишь слегка намекнуть ему на то, что, ежели, мол, я провалюсь, ты, голубчик, тоже будешь висеть, — и он рад будет отдать вам свой пас-

порт. Ну, а если так не получится, то... то прикончите кого-нибудь! Труп спрячьте — и концы в воду. Только тут уж по-настоящему время — деньги!

Он еще раз вызвал тех, кто уже сидел за попытку удрать из своей страны, и велел им подробно рассказать обо всех их мытарствах от начала до конца.

Слушая их, он порицающе покачивал головой.

— Что за промахи! Ей-богу, вы заслужили того, что получили.

— Но почему? — спросил обиженно Ковач, который однажды был приговорен у себя дома к шестимесячному тюремному заключению за попытку удрать — его поймали на границе.

— Почему?! Вам бы следовало подумать своей головой! Она для того и предназначена, чтобы ею думать! Скажите, до того как бежать, вы побывали хоть раз на нужном вам отрезке границы?

Ковач пожал плечами.

— Нет? Вы пошли на риск, совершенно не зная местности, не имея никакого представления о технических устройствах на границе, хотя все это было у вас под носом и вы могли все это предварительно вынюхать! И вы еще спрашиваете почему? А ведь хорошо охраняемая граница — все равно что красавица: нужно первым делом получше к ней приглядеться, узнать все ее слабости, кругом ощупать... И только после этого приступать к штурму! Достигнув границы, вы должны самое меньшее два-три дня, поджав хвост, проторчать около нее, выяснить маршрут патруля, время обходов, повадки патрульных.

Он подробно остановился и на вопросах одежды.

Она должна быть просторной, чтобы не стесняла движений, и компактной, так как развевающиеся, например, полы легко могут зацепиться за что-нибудь. Надо изучить климат данной местности, всегда знать прогноз погоды...

— Даже? — удивилось несколько слушателей.

В самом деле, кому бы пришло в голову, что сообщение бюро погоды может иметь какое-то значение?

— А как же! Если вы, легко одетые, заляжете где-нибудь на двое суток, как, по-вашему, можно простыть

на мерзлой земле? И, кроме того, чаще придется из-за холода менять положение... уже не говоря о том, какую беду может навлечь насморк и кашель. Или вы думаете, пограничники глухие?

Мы слушали с таким вниманием, как никогда раньше. Только тут мы поняли по-настоящему, какую огромную, зачастую решающую роль в нашей жизни играют «мелочи», не принимаемые нами обычно во внимание. Да, подобная операция неминуемо будет стоить нам шкуры, если действовать наудачу!

К устройству мин мы уже отнеслись со всей серьезностью.

Однажды рано утром Дятел явился к нам на территорию.

— Отдыхайте, отдыхайте! До заката вы свободны. Зато после у нас будет нечто вроде экзамена! — сообщил он.

Когда спустился вечер, нам подали машины. Ехали мы больше часа, преимущественно по полю.

Когда мы достигли редкой рощицы, тихо прозвучал приказ:

— Вылезай!

Наш преподаватель куда-то исчез. С нами остались только офицеры. Один из них поддерживал с кем-то радиосвязь по ультракоротковолновому передатчику. Видимо, с Дятлом.

Нас отправляли в путь поодиночке. С разными интервалами. Мы взволнованно следили за светящимися циферблатами своих часов.

Наконец наступила моя очередь.

— Перед вами — вражеская граница. Вы должны ее перейти. Патруль приближается к заданному участку через каждые полчаса. Идет по краю контрольной полосы. Здесь прошел он четыре минуты назад. Остальное предоставляется вам!

Я знал, что все это игра, и тем не менее сердце мое беспокойно колотилось. Я вспомнил Форт-Джэксон, где над нашими головами летали трассирующие пули. Кто знает, не заряжены ли и здесь винтовки у пограничников? Не настоящие ли мины?

Ну да все равно. Приказ есть приказ!

Я отдал честь и пошел.

Уже порядком стемнело. По небу, перегоняя друг друга, бежали черные тучи, чуть светлеющие по краям.

Деревья росли беспорядочно: то скучившись, то совсем редко. Попадались многолетние стволы шире обхвата. Их окружали густые кустарники. Если бы не комбинезон, я бы весь исцарапался о сучья и шипы.

«Ну, Фери, покажи, на что ты способен!» — подбадривал я себя, но при этом понимал, что одного только ума недостаточно, приходится рассчитывать и на удачу!

«Что же мне делать? — соображал я. — Ползти на животе? Но так я никогда не доберусь до мины. Уже не говоря о том, что в нескольких сантиметрах от земли может проходить сигнальная проволока».

Пробираться я решил не ползком, а в согнутом положении. В руке у меня был такой тонкий пруттик, что он дрогнул бы даже под тяжестью бабочки. Я продвигался осторожно, медленно, шаг за шагом, шаря перед собой прутиком. Заметь меня в этот момент кто-нибудь из посторонних, он подумал бы, что я не иначе как отыскиваю с помощью волшебной палочки клад. Но от этой «забавы» мой лоб вскоре покрылся испариной.

Время шло ужасающе медленно. Когда у меня начали от напряжения дрожать ноги — ведь они несли на цыпочках мое согнутое тело с неравномерно распределенным весом, — я остановился и взглянул на часы. Не поверил глазам и поднес часы к уху: они тикали. Мне казалось, что я уже больше часа в пути. А прошло всего-навсего двенадцать минут. Даже в аду, наверное, не бывает таких бесконечно долгих минут, как эти кошмарные земные минуты.

Остановку я сделал на свое счастье. На часы я смотрел, присев на корточки, отчасти для того, чтобы передохнуть, отчасти же, чтобы меня не увидели.

Небо, пестревшее бегавшими взапуски тучами, вдруг стало синим. Звезды, как бесчисленные светлячки, усыпали надо мной небесное поле. Луна высунула голову и с любопытством поглядывала на землю. А может быть, она по доброте своей просто решила немного посветить людям. Мне это оказалось весьма кстати:

перед моими глазами блеснула тонкая, как волосок, проволока.

«Ух, черт подерил!» — вот тут-то меня по-настоящему бросило в жар.

Проволока находилась от меня не дальше чем на шаг. Протянутый мной вперед прутик мелькал по ту сторону проволоки. Не присядь я вовремя, не взгляни на часы и не покажись луна — сигнал бы уже раздался.

«Ну, на этот раз пронесло!»

Я стал пробираться еще медленнее. Считал шаги. После восьмидесятого увидел просвет. Лес кончался, за ним шла поляна метров пятнадцать-двадцать шириной, дальше — вспаханная и разровненная граблями контрольно-следовая полоса. А за ней я отлично разглядел сверкающее в свете луны заграждение, оборудованное специальной техникой: два ряда скрепленной между собой колючей проволоки, а за проволокой должны быть наводящие на меня ужас мины.

Я готов был уже выйти из лесной чащи, когда вспомнил — что греха таить, совершенно случайно! — о патруле.

В пути я уже двадцать минут. В моем распоряжении еще шесть минут. Хватит ли их, чтобы пробраться на ту сторону?

И все же я решил — пусть даже потерю на этом время — дожидаться и пропустить следующий патруль.

Я улегся на животе под кустом на краю поляны.

Звезды напомнили мне Фертёд, Магди. Сколько раз искали мы с ней Большую Медведицу, Орион, а найдя, одновременно находили руки и губы друг друга.

Едва я успел прижаться к земле, как она загудела под двумя парами размеренно шагавших ног. Было все именно так, как говорилось в инструкции: они шли вдоль контрольной полосы.

Я дождался, пока шаги затихли. После этого еще повременил минут пять... и тогда...

Я вскочил на ноги. Огромными скачками понесся к проволоке. Пружинные кусачки были обязательной принадлежностью нашего снаряжения. На ручки их я заблаговременно натянул резину. Добравшись до заграждения, я бросился на землю и лег на спину.

Острая сталь легко вгрызлась в мягкий металл. Колючая проволока не скрипнула, даже не дрогнула, когда я разъединил ее, прервав ток, и развел в стороны концы.

А теперь — за следующую!

Этот ряд они прямо-таки проткали для надежности поперечными проводами. Нити шли от земли и связывали колючую проволоку, образуя на равном расстоянии квадраты. Эти квадраты, величиной не больше пяди, я по одному должен был перерезать. Работу мне крайне осложняли колючки, густо покрывавшие заграждение.

«Скорей, скорей же ты! — злился я на себя, как будто и без того не делал все возможное. — В твоём распоряжении самое большее двадцать минут. Сколько ты из них уже израсходовал? Ты знаешь?»

О том, чтобы взглянуть на часы, не могло быть и речи. Ощущение же времени я вдруг утратил. Все, что я мог, — это спешить, безумно спешить.

И вот — наконец!

Прореха в рассеченном плетне настолько расширилась, что я мог пролезть в нее.

А теперь надо быть начеку! Из моей груди еще не успел вылететь вздох облегчения, когда страх указал мне на очередную опасность.

Передо мной лежал травянистый участок метра в два шириной и сразу же за ним — опять проволочное заграждение. Вот на этом-то двухметровом клочке и залегла смерть.

«Такой метод охраны границ распространён гораздо шире, чем вы можете себе представить», — объяснял нам преподаватель, когда мы изучали разновидности технического оборудования заграждений на границах. — Кроме стран коммунистического лагеря, он применяется французами в Алжире, игодиндёмовцами в Южном Вьетнаме, американцами в Корее да и во многих других местах, более того, даже португальцами в Анголе. Одним словом, я снабжаю вас ценными сведениями! Трудно сказать заранее, где именно, но, мне думается, они пригодятся вам в самых различных точках земного шара!»

Я лежал под перерезанной колючей проволокой и не мог набраться мужества переползти травянистую полосу.

А что если меня настигнет здесь патруль? Вот будет срам! Надо же проделать такой путь, чтобы в самом конце его завалиться!

Сколько раз в жизни испытывал я желание уйти от той или иной трудности или опасности, но мне всегда приходило на помощь мое самолюбие. Больше всего я боялся оказаться униженным.

Эх, узнать хотя бы приблизительно, где они заложили эту проклятую мину!

Я достал нож. Положил на раскрытую ладонь параллельно пальцам, так что лезвие выдавалось вперед. Легким движением воткнул его под острым углом в землю.

Жесткая земля оттолкнула лезвие.

Я повторил то же самое, повернувшись вправо, затем влево. Результат был одинаковый.

Значит, я мог продвинуться еще сантиметров на десять.

И опять вонзил нож. На этот раз лезвие до самых моих пальцев врезалось в землю.

Меня обдало холодом.

Мина!

Луна будто решила не расточать больше своего щедрого света и спряталась за тучи. Было темно, как в преисподней.

«Что же мне делать? Я знаю, передо мной лежит мина, но, кроме этого, я больше ничего не знаю. Я не вижу в темноте даже кончика своего носа. Малейшее неверное движение — и раздастся сигнал! Если я вообще не взорвусь! Ведь в Джэксоне тоже... Что делать?! Боже милостивый, надоумь!»

Мне казалось, я уже годы здесь, на этом минном поле. Что я уже больше не молодой человек, а старик. Сломленный и усталый. Смертельно усталый.

«А ну, как это говорил Дятел? Мину, если она не снабжена контровой проволокой, можно взять голыми руками и вынуть из земли. А для того, чтобы она не взрывалась впустую, например, от пробегающих зайцев, обычно при расчете взрывателя берется вес человеческого тела. Но это если...

А если есть проволока, положение резко меняется! Тогда взрыв произойдет в любом случае: потянешь — взорвется, перережешь — тоже. Значит, я должен сыграть на тех полкило, которые рассчитаны на залетных птиц и напор ветра. Итак, есть проволока или нет? А если есть, то где?»

Конец моего нолика все еще касался мины. Я поглядел на небо. Там по-прежнему гонялись взапуски тучи. Изредка мигали одинокие звездочки. А луна все не находила дороги из-за туч. Было темно. Как в мешке.

«Что делать? Время идет, а я все еще отлеживаюсь! Сколько же времени я тут торчу?»

Края туч осветлели, и сквозь них, точно через кружево нейлоновой комбинации, можно было разглядеть белое тело луны. Вот он! Мой единственный выход!

Я прижимаю голову к земле; взгляд мой скользит над миной.

Я ничего не вижу. Ровно ничего!

Надо мной ползет огромная туча. До чего же медленно она движется! А как лихо проносились тучи всего несколько минут назад. Я нервничаю.

Наконец-то! Туча миновала, надо мной опять ее кружевные края и... и... у меня захватывает дух: я вижу проволоку, да ведь она у меня под самым носом!

Скорее, скорее, пока луна показывает свое тело сквозь кружева! С лихорадочной поспешностью я достаю два специальных зажима на длинных стержнях, втыкаю их в землю на расстоянии полметра друг от друга и их пружинными головками зажимаю проволоку.

Дорога открыта!

Остальное уже выяснить намного проще. Ведь размещение мин в земле имеет свою схему. В эти минуты я с благодарностью думаю о своем учителе, Дятле, не уставшем вдавливать нам все существующие способы использования зажимов.

Ну а теперь остается разделаться еще с одним заграждением из колючей проволоки!

Я работаю в исступлении. Рубаха моя и даже комбинезон взмокли на спине от пота, я чувствую, что на висках у меня липнут волосы. Еще раз впилась в металл

кусачки. Расступилась последняя преграда. Я перешел границу!

Шаг вперед. Еще шаг. Остановился. Что же дальше? На этот счет у меня никаких инструкций не было.

Блеснул очень сильный фонарь. После кромешной темноты у меня зарябило в глазах. Выступившие слезы явились сигналом, что надо беречь зрение. Я отвернулся.

— Тысяча чертей! Да я готов был побиться об заклад, что вы у меня будете первым! Кто был прав? Я был прав! Вы — лучший из всех экзаменующихся! — услышал я голос Дятла.

Он стоял совсем рядом, но я ничего не видел, ослепленный внезапно вспыхнувшей сильной лампой. Будь это слон и появись он у меня перед самым носом — я и его сейчас не увидел бы! В общем передо мной стоял преподаватель и потирал руки от удовольствия.

— Вы останетесь со мной! Обратите-ка внимание, где именно допускает ошибку большинство перебежчиков!

Он целыми днями, пока продолжались учения, держал меня при себе. Я видел, как вспыхивали желтые огоньки на сигнальном устройстве наблюдательного пункта. В таких случаях пограничникам оставалось только схватить «нарушителя границы» и доставить куда следует.

Большинство моих сокурсников без особых происшествий преодолели бы препятствия, если бы правильно распределяли время. А в их распоряжении, когда они добирались до заграждения, оборудованного техникой, оставалось самое большее десять минут, у многих еще меньше, а этого, ясно, было недостаточно для перехода.

Я имел возможность убедиться, к чему приводит поспешность. Всех тех, кто, разрезав проволоку, тут же лез на минное поле, обязательно накрывал патруль. Их тоже забирали... да не как-нибудь, а надев на них наручники. Для острастки, конечно.

Были и такие, которые «стали жертвами» мин. Правда, мой опасения на этот раз оказались напрасными: взрыв выражался лишь грохотом и облаком дыма. Но случись он в другом месте!.. Скажем, на венгерской границе!..

Проваливших экзамен заставляли пересдавать. Гоняли до тех пор, пока они не получали по этому важнейшему предмету «отлично».

— Ну, с этим покончено! — сообщил наконец удовлетворенно наш преподаватель.

Была ночь. Теперь-то ясная, светлая, хоть книжку читай. Месяц, казалось, подсмеивался над парнями, едва волочившими ноги от усталости. Только бы в постель! — вот единственное, о чем мы мечтали: ведь почти неделю нам приходилось отдыхать лишь в спальных мешках, на голой земле.

Дятел не мог не заметить, как измотала нас наука.

— Ладно, ладно! Мы отправляемся под крышу! Выспетесь наконец. Вы сейчас словно дети, уставшие от игры в снежки! Извольте, господа, машины поданы!

Он замолчал. Видно было, что он недоволен нами: мы не так бодро и весело держались, как он, этот сухарь, того бы желал. Команды «вольно» еще не было, и мы стояли в шеренге навтыжку. От этого он смягчился.

— Завтра продолжим занятия. После самого важного предмета начнется самый полезный.

На другой день мы проснулись поздно. Солнце уже стояло высоко, словно укоряя нас за то, что мы долго спали. Мы были крайне удивлены: нас не разбудили, нам дали отоспаться!

Знать бы, что кроется за этим необычным мягкосердечием. Вероятно, не одного меня занимал этот вопрос. Наряду со многими прочими вещами мы уразумели и то, что из нас хотят выковать не ведающих усталости и боли стальных людей. Каких-то из ряда вон выходящих существ, особенных, «сверхчеловеков», которые все знают, все умеют и все выдерживают. Одним словом, «суперсолдат», как очень метко выразилась одна из газет.

Дятел явился к нам только в десять часов. Его сопровождали несколько офицеров.

— Сегодня в истории наших курсов начинается новая эра! — пошутил Дятел. Ох, не часто он это делал! — Мы будем знакомиться с работой диверсанта, с сущностью и методами его деятельности. Первым долгом посмотрим кинофильм!

В кинозале он еще раз поднялся на трибуну и произнес короткую речь:

— Вы можете попасть в такое положение, когда в вас заговорит ваша человечность, ваше сердце. Например, вы должны взорвать какой-нибудь завод, на котором работают люди. Приказ может показаться порой вам непонятным, возникнет вопрос, почему именно этот, наиболее мирный объект приговорен к гибели? Вот мы вам сейчас и продемонстрируем, как самый безобидный завод может представлять собой крупную военно-промышленную единицу. Вы будете иметь возможность увидеть, что на земле врага — будь то страны Варшавского договора или, скажем, Куба — каждый рабочий может быть поставлен на службу гонки вооружения!

Первый фильм, который нам показали, сверх всякого ожидания был о гитлеровской империи. Перед нами раскинулся неизвестный городок, располагающий несколькими промышленными предприятиями. На одном из них выпускали молочный порошок. На другом — консервные банки для его расфасовки. Третий объект стегал одеяла. Нас даже забавляла масса пушинок от ваты в чесальном цехе, производившая впечатление искусственного снегопада. Потом появился Гитлер. Войска проходили парадным маршем. Вдруг перед нами раскрылся огромный календарь: 1939. Военный парад в Берлине. Можно ли сравнить этот вермахт с прежним! Он превратился в страшную военную силу с чудовищными танками, пушками-великанами, скоростными самолетами. И вот мы снова в том же городке. На заводе молочного порошка теперь изготовляли провизию для летчиков. Там, где выпускали прежде консервные банки, теперь машины делали каски. Третий объект — одеяльная фабрика — перешел на производство пироксилина. И нас несколько после всего этого не удивило, что на головах отправляющихся на французский фронт эсэсовцев мы увидели те же самые каски, на ящиках с боеприпасами — клеймо одеяльной фабрики и что бомбардирующие Англию пилоты подкрепляются в пути консервами завода, перерабатывающего молоко.

— Так было тогда! А вы думаете теперь у большевиков, например, это иначе делается? — спросил Дятел,

когда опять зажегся свет. — Сейчас мы продемонстрируем вам еще маленький венгерский городок. Условно назовем его Ясберень. Посмотрим, каким будет его лицо завтра, если красным так будет угодно.

Когда он заговорил о моей стране, у меня сжалось сердце. А когда передо мной на полотне экрана, катя свои воды, явилась незнакомая, но родная до боли речка Задьва, спазмы сжали мне горло.

«Ясбереньский прокатный комбинат» — гласила вывеска над воротами. В корпусе заводоуправления, склонившись над чертежными досками, работали проектировщики. Иногда из-за их белых халатов (видно было, что съемка делалась тайком) выглядывали непонятные для несведущего человека чертежи. Увидели мы и цеха. В одном, куда ни глянь, везде детали красивого холодильного шкафа. Здесь ведется работа над монтажом этого шкафа, в другом цехе — над окончательной его отделкой. В складах холодильники уже выстроились тысячами. На их дверцах кичливо стоит: «Лехел». По окончании смены — мы и это увидели — сотнями повалили из ворот рабочие. Некоторых из них дожидались жены, дети. Иные, помоложе, выходили с девушками и, пешком или сев на велосипеды, отправлялись кто куда. Были и такие, что уезжали на мотоциклах. И все выглядели холеными, веселыми и миролюбивыми.

— «А что может принести завтра!» — предостерегал фильм.

И с этой минуты на экране замелькали кошмарные картины.

Перед нами — те же заводские ворота. Они такие же, как и прежде, только какие-то мрачные и даже грозные. Над ними — огромная пятиконечная звезда. Входы и выходы охраняются военными. Изменилось и внутреннее оборудование цехов: станки стоят в ином порядке, среди них бросается в глаза несколько новых установок. Прессы, токарные и фрезерные станки, на которых только что изготовляли детали изящных белоснежных холодильников «Лехел», теперь делали части танков... и ракет. Жутко было глядеть, как на заводском дворе выстраиваются уже собранные огромные, устрашающие машины.

Третий фильм привел нас в страну «царствия свободы». Города и деревни, школы и больницы, толпы народа на Елисейских полях, на Пикадилли, на Бродвее. На полках магазинов — само изобилие, счастливые детишки на курорте Майами... И нам довелось тут же увидеть, как вся эта красота расстреливается «яссбереньскими» * пушками и ракетами. Перед нами Мюнхен, Бонн, Париж, Нью-Йорк. Всюду запустение, руины, смерть.

Это было очень страшно!

Хитроумная постановка, изощрения режиссуры достигли своей цели. Мы сделали вывод: наш долг защищать западную культуру, мирных жителей, свободное человечество. Более того, мы не просто поняли свою задачу — нашу грудь распирала гордость от сознания того, что на нас возлагается защита человечества. В создавшейся обстановке никому в голову не мог прийти вопрос: а нет ли и в Соединенных Штатах, Англии, Франции, в берлоге у Аденауэра таких же мирных предприятий, которые в случае надобности энергично перестроятся на военные заказы так же, как это сделали, судя по кинофильмам, «там»?..

Как я уже сказал, об этом никто из нас и не подумал, настолько мы были обескуражены, подпав под влияние фильма, игры актеров, уловок постановщиков.

Укажи мне в те минуты любую больницу в любой части Венгрии и вели взорвать за то, что там лечат коммунистов, я без колебаний, ни о чем ни спрашивая, сделал бы это.

Вот такая «зарядка» предшествовала введению в курс техники взрывов. Мы должны были знать, из-за чего подыдем руку — если этого потребует приказ — на свою собственную родину.

Наш преподаватель не скупился ни на время, ни на материал. Конечно, в первую очередь, взрывчатый материал. Мы должны были ознакомиться со всеми способами взрывов и всеми видами взрывчатых веществ, начиная от самых примитивных и кончая наиболее совершенной пластической взрывчаткой.

* Ясс — бездельник (венгр.). Здесь игра слов.

Я не скажу, что мне было неинтересно увидеть собственными глазами тринитрофенол и тринитротолуол, этих двух знаменитых боевых «ветеранов». Но все же, если что-то по-настоящему мне понравилось, так это пластик, названный Су-5.

Всем вам, наверное, приходилось держать в руках замазку. Вы представьте себе материал, похожий на замазку. Его так же можно мять, делая разные фигурки. Но, кроме этого, Су-5 имеет свои «секреты»: вы можете стучать по нему, даже бить ногой, как по футбольному мячу. С ним ничего не будет. Можете держать в тепле, при необходимости — бросить в огонь. В воде он пролежит годы.

В начале нашего знакомства — я подразумеваю знакомства нас, слушателей, с этим пластиком — Дятел швырнул на стол кусок его, величиной с добрый мяч.

— Вы знаете, что это?

Никто не отозвался.

— Нате, ловите и передайте дальше! — приказал он и бросил «мяч» кому-то из нас.

Началась странная игра. Удивительное месиво перелетало из рук в руки. После этого мы разглядывали свои ладони: оставляет ли оно что-нибудь на коже? Нет ли на ней каких-нибудь изменений?

Мы уже привыкли, что всякая новинка здесь чем-то чревата для нас: или причиняет боль, или взвинчивает нервы. Пластика мы еще тогда не знали.

Мы учимся на ошибках — вот девиз наших командиров. Им утешали нас, когда мы бывали в дурном расположении духа.

Тем временем последовал очередной приказ Дятла.

Отломив от эластичной массы кусочек, он положил ее себе в рот и стал жевать, как будто это была жевательная резинка высшего сорта.

— Желаете? Попробуйте! — ехидно улыбнулся он.

Приказ есть приказ, в какой бы форме высказан он ни был. Делать было нечего. С искривленными от отвращения физиономиями мы последовали его примеру. В одном мы не сомневались, как в том, что все мы смертны: где-нибудь на чем-нибудь нас проведут, если еще не провели.

Мы рассчитывали на то, что месиво будет горькое, как желчь, или кислое и разъест нам рты. Но оно оказалось безвкусным.

Для чего нам нужно было попробовать эту штуку на вкус? — недоумевали мы.

— Известно ли вам, что вы только что ели? — Лицо Дятла было особенно схидным.

Вот теперь-то и выяснится, какую свинью подложили нам на этот раз! Мы с опаской ждали. Но то, что за тем произошло, нам не приснилось бы даже в самом кошмарном сне.

— Пойдемте со мной! — Дятел все еще мял в пальцах кусочек странной «глины».

Он вел нас к самому отдаленному уголку двора. Вел медленно, нарочно испытывая наше терпение.

На одном участке двора из земли торчала железная балка в виде I. Небольшую выемку в балке Дятел, будто шутя, залепил «замазкой». Мы в тревоге наблюдали, как он достает откуда-то из недр своего кармана капсуль и фитиль и как вдавливая свободный конец шнура в мягкое вещество. Мы уже начали понемногу догадываться кое о чем... И от этой догадки нас стало потряхивать как в лихорадке.

— Ложись!

Мы едва разобрали команду, так были ошеломлены происходящим. В голове гудело и шумело, мысли путались.

В руке Дятла вспыхнула зажигалка. И вот он уже мчится к нам и с размаху бросается рядом на землю.

— Бух-ба-бах! — сильная детонация забарабанила в ушах, в затуманенных мозгах.

— Видали? Какова штучка, а?

Услышав спокойный и злорадный голос Дятла, мы подняли головы и уставились на железную балку, которая и сейчас стояла на прежнем месте, правда, скривившись, уродливо изогнувшись, будто покаяясь силе, перед которой даже ей было не устоять.

И эту пакость брали мы в рот!

Дятел, видно, заметил, в каком мы смятении.

— Ну, чего испугались? Я ведь вместе с вами пробова! это «тесто». Так вот, запомните: это вещество

наиболее современное и наиболее приемлемое орудие диверсии. Называется оно Си-5. Это, если можно так выразиться, самый юный, самый замечательный отпрыск семейства взрывчатых пластиков. Прошу любить и жаловать! Вам придется частенько иметь с ним дело!

Дятел сделал паузу. Мы уже привыкли к тем небольшим передышкам, которые он делал ни с того ни с сего во время занятий, пока собирался с мыслями.

— Надеюсь, вы простите мне мою шутку? Она потребовалась, поверьте, в ваших же интересах. По крайней мере вы изучили спокойный и терпеливый нрав Си-5. Вы можете спасти свою жизнь, если в случае провала проглотите его. Ведь, в конце-то концов, не пойман — не вор. Так я говорю?

Затем мы изучали другие способы взрывов. Рассматривали заряд, который взрывается при помощи часового механизма; взрыв может произойти как через пятнадцать минут, так и в любую минуту последующих двадцати суток.

— Все проще простого! Потребуется лишь самый обыкновенный грузчик. Выходит в море, скажем, огромный транспорт. И этот транспорт везет с собой в одном из ящиков свою верную гибель. Кто может предположить, что где-то в открытом океане... Если ящик выбран удачно, то он будет находиться около резервуара с горючим или возле машинного отделения. И над гордым мореходом равнодушно сомкнутся волны! Но данный механизм все же имеет один недостаток! — Дятел сокрушенно покачал головой. — Он тикает. И выдает себя. Вот это, — он показал кусок проволоки из мягкого металла с маленьким стеклянным пузырьком на конце, — более подходящее устройство.

Он вызвал меня. Положил миниатюрное устройство на мою ладонь. После моего удачного ночного экзамена по его предмету он стал благоволить ко мне и чаще обращаться, чем к остальным курсантам.

— Видите, вон тот джип? Ту старую развалину? А ну-ка, взорвите ее! После того как вы разобьете склянку, в вашем распоряжении останется еще десять минут!

Любопытство продержало меня несколько секунд около огнепроводящего шнура. Мне удалось хорошенько

разглядеть действие механизма. Я видел, что ударник удерживается тем самым куском проволоки, чтобы он не нажимал на огнепроводящий шнур. В пузырьке, видимо, была какая-то жидкость, потому что, после того как я разбил стекло, она стала разъедать металл. Остальное дополнила моя фантазия: с прекращением сопротивления проволоки ударник ударит, фитиль передаст огонь, и произойдет взрыв.

Я забыл засесть время и не имел представления, сколько проторчал тут попусту. К своей группе я возвращался бегом.

— А вы знаете, мне понравилось ваше поведение! — встретил меня преподаватель. Он больше ничего не сказал, и я ни о чем не спросил. Слова были излишни: я и так понимал, за что он похвалил меня.

Наши познания расширялись с каждым днем, нам непрерывно демонстрировали все новый материал.

Курсам был предоставлен специальный участок, где можно было наблюдать за действием различных взрывчатых веществ и путем экспериментов решать, где и как целесообразнее их применять. Мы должны были разрабатывать планы уничтожения всевозможных строений, бетонные или железные устои мостов, определенные отрезки железнодорожных путей, танков. Перед нами раскрывались карты всей сети коммунального хозяйства городов мирового значения: Берлина, Праги, Пекина, Гаваны. Я видел, как опутывают Будапешт и Мишкольц газо-водо-электропровода, канализационная система, эти необходимые атрибуты повседневной жизни. Мы должны были в индивидуальном порядке разрабатывать планы выведения из строя этих городов!

Не знаю, стоит ли хвастать перед вами (теперь, когда я ночами грызу себе кулаки, когда я был бы счастлив заплакать, плакать наконец!) тем, что и из товаров, продаваемых в хозяйственных, парфюмерных и аптекарских магазинах, меня тоже научили изготовлять взрывчатые вещества большой силы? Что я могу без труда прятать смерть в почтовой посылке и спичечной коробке, в дверце автомобиля, под обеденным столом, в сумке рабочего канализационной сети?

К тому времени как я окончил курсы диверсантов с отличным аттестатом, из меня сфабриковали специалиста по массовым убийствам.

И тогда я стал бояться самого себя.

Глава восьмая

Подготовка профессиональных убийц

Для меня было очевидно, что я запутался в противоречиях. Я говорил, что под действием фильмов-агиток согласился бы взорвать больницу. И только что признался вам, что стал бояться самого себя. К этому могу добавить: меня одолевали сомнения, по правильному ли пути я иду.

В основном я человек мирный и добрых намерений. Удары, нанесенные мне жизнью, сделали меня не только закаленным, но и чутким к страданиям других.

Не думайте, что я считаю себя так называемым «добряком», но я человек, в котором в конечном итоге хорошее берет верх над плохим. Ибо я веду борьбу с плохим, я взвешиваю свои поступки. Заглушить во мне окончательно голос совести им не удалось.

Хотя для этого было сделано все возможное.

Я не буду говорить о различных кратких курсах, входивших в программу нашего обучения. Их просто не перечислить. Техника связи, знакомство со всеми видами американского и советского личного огнестрельного оружия, фотодело, от проявления и до умения пользоваться самыми необыкновенными фотоаппаратами, познания в области медицины на уровне хорошо подготовленных фельдшеров. Мы стали аквалангистами, научились обращаться со множеством ядовитых веществ...

Здесь я позволю себе ненадолго задержаться. Курс применения ядов означал еще один шаг на пути к подготовке убийц.

Вы только представьте себе, что вы со своей женой, со своими детьми заходите в ресторан высшего разряда. Вы голодны, вы хотите пообедать. Или поужинать, уйдя под тихими, укачивающими звуками музыки в свои мысли, скажем, о любви... Вы едите уху, а после нее лапшу с творогом. Возможно, жареную телятину по-парижски с салатом. Все равно что. Совершенно все равно.

Дома станет дурно сначала маленьким, потом вашей жене. Затем плохо станет и вам, сударь. Да, всем станет плохо. Не только вам, а множеству других людей, «вина» которых лишь в том, что они в тот день случайно зашли именно в тот ресторан.

В чьих-то интересах потребовалась паника. Для чего? Может быть, это была генеральная репетиция перед крупной операцией? А может, она нужна была как благоприятная почва для пропаганды? Кто знает?

Ядовитые вещества! Они бесцветны и не пахнут. Быстрого действия или создающие видимость паралича сердца. Когда держишь их на ладони, крошечные ампулы или схожие с драгоценными камнями кристаллы, то чувствуешь, как у тебя по позвоночнику пробегает холодок.

Одна капля покончит с целым семейством!

Одного пузырька достаточно для столовой крупного предприятия!

Сто единиц, вылитых в водоочиститель города...

«Фери, Фери! Как ты попал сюда?»

Это я спорил с самим собой: невидимое «я» — с видимым, с тем, которое проходило курсы, теоретические и практические занятия, которое накопило множество похвал и поощрений, хотело сделать карьеру, добивалось повышения жалованья...

Дятел попрощался с нами. Вместо него нам прислали японца. Он был обходителен и любезен, с кротким, всегда улыбающимся лицом.

Это он обучил нас искусству рукопашного боя, то есть искусству убивать голыми руками.

Конечно, не сразу. Не в первый же день. Даже не в первую неделю. К искусству искусств вел тяжелый, тернистый путь.

На кафедре нашей аудитории появился прозрачный манекен из пластмассы. Не скелет, а именно тело, на котором мы могли видеть расположение мышц, костей и внутренних органов. Начали мы с анатомии. Первым делом мы должны были получить четкое представление о тех участках тела, которые наиболее чувствительны к ударам и надавливанию и менее всего защищены, затем о тех, при повреждении которых наступает мгновенная смерть. Пока мы не знали анатомию «назубок», так, чтоб даже со сна без запинки отвечать на любой вопрос, с нами не о чем было разговаривать.

Мы ждали знакомства с различными «приемами», но встретились совершенно с другим.

Помню день, когда мы впервые вошли в огромный гимнастический зал. Стены его, к немалому нашему удивлению, на два метра от пола сплошь покрывали зеркала.

— Снимите рубашки, майки! Встаньте лицом к зеркалу! — глухо, точно виновато, прозвучал приказ.

Мы подчинились. Ведь самые большие неожиданности остались позади, так что можно было не опасаться.

Но мы глубоко ошиблись!

— Вольно. Смотрите пристально в зеркало! Напрягите волю! Понимаете? Волю! — Слова маленького японца звучали тихо и внушительно. — Стоит вам пожелать, и ваше тело само будет выполнять нужные движения, без участия вашего сознания. Поняли? Вы желаете, чтобы на ваших руках напряглись мускулы! Чтобы ваши бицепсы вздулись!

Мы пристально следили в зеркале за своими неподвижными, как изваяния, телами.

— Желайте! Желайте же!

О ужас! Я увидел в зеркале, как мои руки зашевелились!

«Этого быть не может!» — протестовал мой здравый рассудок. А меж тем бицепсы явно распирали кожу предплечий.

Сколько времени пришлось для этого напрягать волю, десять минут или целый час, не могу сказать, но факт остается фактом, после упражнения нами овладела

такая усталость, какую мы никогда раньше не испытывали.

Медленно, но упорно продвигались мы ко все более сложным заданиям, которые требовали все большего напряжения воли, ума.

Для развития наших физических данных нас заставляли проделывать целый ряд упражнений для пальцев и кистей рук. Это не было новинкой — ведь приемы дзюдо весьма популярны в спорте. Но то, чему нас теперь обучали, сочетало в себе приемы дзюдо и систему йогов. Трудно предположить, чтобы кто-нибудь взялся полностью усвоить весь этот комплекс. На наше счастье, такого героизма от нас и не требовали: ведь для этого понадобились бы годы.

Когда мы достаточно уже закалили мышцы рук постукиванием по доске ребром ладони, японец расставил нас у отдельных столиков.

— Положите свои фуражки под верхнюю доску стола! Так. Благодарю! Вы теперь видите свои фуражки? Нет. Но вы знаете, где они находятся?

— Знаем!

— Вы не видите ваших фуражек. Поняли? Но вы должны их раздобыть! Вы желаете их раздобыть! Вы должны пожелать! Достаньте же фуражки, ведь у вас есть руки! Ребро вашей ладони крепко, как самая крепкая сталь! Желайте! Желайте!

Быть может, при иных обстоятельствах это и не получилось бы, но сейчас... дюймовая доска сломалась от одного лишь удара ребром ладони. Таким образом, мы достали свои фуражки, ибо поняли, что иным путем их не вернуть. Мы сконцентрировали в ребре ладони всю свою энергию, физическую и духовную, только так можно было объяснить наш успех!

Подобными упражнениями нас подготавливали к самому главному.

Этому предмету придавалось особое значение. Это мы поняли, когда к нам лично явился генерал, начальник нашего лагеря.

— Слышал, что вы преуспеваете. Это похвально. Изучив рукопашный бой, вы будете владеть неоценимым сокровищем. Думаю, излишне подчеркивать, что

технику убийства голыми руками вы проходите в интересах самозащиты. Мы дорожим вашей жизнью и сохранностью. Мы делаем все возможное для того, чтобы вы располагали достаточной подготовкой для вступления в борьбу с врагом. В беде, думаю, вам пригодятся такие руки, которые и безоружные не уступят вооруженным.

Это была по-военному краткая речь.

Однако во мне эти несколько слов подняли целую бурю.

Учат убивать! Тебя учат убивать наотмашь рукой! Во что же ты превратишься?

Я вступил в ожесточенный спор с самим собой. И никак не мог прийти к какому-нибудь определенному выводу. Наконец, спор этот решило одно воспоминание детских лет.

Пока я рассуждал про себя, что могу и чего не могу, перед моими глазами всплыла давнишняя шопронская картина.

В те дни я с зарей разносил молоко заказчикам. Мой город, Шопрон, в предутреннее время казался мне необыкновенным, он неизменно меня чем-нибудь поражал, как человека, сидящего в ванной, поразило бы появление незнакомого пришельца. На мостовых и тротуарах валялся мусор, а кое-где у подъездов скопились его целые кучи. Но в некоторых местах было уже убрано, и я забавлялся тем, что загадывал, каких улиц будет сегодня больше: грязных или чистых. Тротуары перед домами словно надели платя в крапинку, только крапинки были прозрачные. Дворники широкими взмахами метел наводили лоск на улицах. Некоторые из них, увидев меня, здоровались: «Привет, малыш!» Но встречались и такие блюстители уличной чистоты, которым доставляли удовольствие мои слезы. Один такой жил на проспекте короля Матяша. Он особенно часто обижал меня. Это был худощавый мужчина лет сорока, с бледным лицом, с ввалившимися скулами. Думаю, что он был желудочнобольным, раз ему доставляли такое удовольствие огорчения других. Он буквально изощрялся в своих подлостях. То оцарапает мне ногу метлой, то, ехидно ухмыляясь, подымет перед моим носом об-

лака пыли. Однажды он превзошел себя: щедро полил из лейки хлеб, который я нес в корзине заказчикам. Я растерянно смотрел на испоганенный товар. Передо мной возникло лицо булочника, которому мне предстояло признаться в случившемся. Я бросился на желудочно-больного. А он так огрел меня метлой, что у меня еще долго был синяк на боку. В тот день я усвоил следующее: всегда будет прав тот, у кого в руке палка. И я сделал вывод: человек никогда не должен быть безоружным.

Как бы там ни было, но воспоминание о шопронском садисте-дворнике помогло мне заглушить на этот раз голос совести.

«В конце-то концов, какое твое дело? Тебе-то самому не придется ведь пускать в ход свое искусство! В худшем случае, будешь обучать ему кого-нибудь в Форт-Брагге или в другом месте! Ты овладеешь специальностью. Тебе хорошо заплатят за науку — и дело с концом. Тебя-то ведь не заставят ни убивать, ни совершать диверсии. А какое тебе дело до остальных!»

Это были ложные доводы, но на время они вернули мне покой. С этого дня я старался относиться ко всему, как к определенному виду спорта.

Нашего японца звали Симидзу. Мистером Симидзу. Я заметил, какая спокойная и учтивая улыбка появляется на его губах всякий раз, когда к нему обращаются. Мне доставляло удовольствие наблюдать за ним. Это служило мне до некоторой степени развлечением, к тому же было разрядкой при весьма одностороннем умственном напряжении. При всяком удобном случае я обращался к нему с вопросом, при этом умышленно выделяя слово «мистер». Игра была доведена мною до того, что в конце концов фамилию его я произносил только частично и едва слышно, дабы подчеркнуть первое слово обращения.

Я добился удивительных результатов. Видимо, человек этот, прежде чем ему удалось наняться в армию США, перенес невероятные унижения. Из-за желтой кожи? Или как военнопленный? Не могу сказать. Несомненно было одно: сознание своего равенства с американцами осчастливило его. То, что для нас равным сче-

том ничего не значило, для этого желтого человечка олицетворяло исполнение самого заветного желания.

Я отметил, что со мной он был любезнее, чем с моими однокурсниками. Быть может, вы меня за это осудите, все равно скажу прямо: я систематически льстил его самолюбию, таким образом отличные отметки были заблаговременно мне обеспечены.

Для теоретических и практических занятий в нашем распоряжении имелись мастерски исполненные муляжи.

— Итак, после того как вы ознакомились со строением человеческого тела, можете ли вы обозначить на нем наиболее уязвимое место? — спросил нас преподаватель.

— Сердце! — ответил один из нас.

— Вход в желудок, — решил другой.

Сам я посчитал наиболее чувствительным к повреждению головной мозг.

Четвертый опрошенный назвал позвоночный столб.

— В конце-то концов, все вы правы! — кивнул мистер Симидзу. — Но все же вы плохо рассмотрели куклу.

Он достал кинопроектор и с помощью замедленной съемки доказал нам, что самое уязвимое место у человека — переносица.

— Тут не нужно даже особых усилий! — Он и это произносил, по обыкновению, смиренно, с любезной улыбкой. Мне кажется, что такое же выражение лица у него было бы, например, при распространенной в его народе церемонии чаепития или на собственной свадьбе. О наличии у него каких-нибудь человеческих чувств я мог судить лишь по тому, как он реагировал на мою лесть.

Все курсанты, один за другим, должны были подходить к человеческой голове, до ужаса похожей на живую.

«Работая» над пластмассовой головой, мы все без исключения овладели искусством убивать человека костью его собственного носа. Оказалось, это не так уж и трудно, а значит, и не очень интересно. Заметив, что мы скучаем, мистер Симидзу сказал:

— Разумеется, и остальные приемы не отличаются особыми трудностями, если...— Он умолк и стал разглядывать нас, как бы решая, достойны мы его доверия или нет.— Если быть знакомому с ними. Как и всякое серьезное дело, убийство требует знания. Надо знать, в чем суть всякого приема! Тогда он не представит собой сложности.

Вот к этой-то сути нас подводили, упорно, долгими неделями.

Когда мы уже отлично знали, как прикончить человека костью его собственного носа, перед нами поставили манекен мужчины в натуральную величину.

— Смотрите! Я беру в руки дубину. Бью!

Манекен был подключен к электрическому сигнальному щиту позади него. После удара на щите зажегся синий свет.

— Видите? Я только ранил его, он еще способен сопротивляться. Вместо того, чтобы его сразу прикончить, я обозлил его. Сигналы говорят об этом. Инстинкт самосохранения придаст такому человеку сверхъестественную силу.

Снова поднялась дубина. Удар. На щите на этот раз зажегся желтый свет.

— Это уже лучше. Но он еще способен защищаться и, что еще хуже, кричать. Следите за следующим ударом.

На этот раз зажегся красный свет. Голова куклы откинулась назад, затем упала на грудь. Она приняла странное, неловкое, фантастически уродливое положение, в котором и осталась.

— Человек мертв! — сообщил мистер Симидзу.

Нас успели в достаточной мере приучить не страшиться ни крови, ни смерти. И все же мне стало не по себе при виде этого изуродованного «человека» с перебитым хребтом.

Значит, если ударить живого человека, он станет таким же?..

По правде сказать, я не заметил у большинства моих однокурсников склонности задумываться над подобными вещами. Более того, им доставляла удовольствие эта страшная игра. Разгоряченные, они напоминали

захмелевших от сознания собственной силы балаган-ных борцов. Но все же на лицах кое-кого из курсантов я уловил еле заметное возмущение. Именно еле заметное: у них лишь слегка сдвинулись брови и помрачнел взгляд.

Но от зорких глаз японца это не укрылось.

— Что, вам больше улыбалось бы самим лежать с перебитым позвоночником? — И он, поочередно оставившись перед «сердобольными», каждому говорил: — Вам так хочется стать самому покойником? А вам?.. Словом, никому не хочется быть убитым! А ведь вы не должны забывать, что на избранной вами стезе милосердие — понятие чуждое. Убьют именно того, кто сам не убивает. Задумайтесь над этим!

— Ну, что ты скажешь? — обратился ко мне после ужина Олд Иглава — чех моих лет. Собственно, его имя было Олдржих, но оно казалось всем нам трудным, непривычным и кто-то подал идею чуть подсократить это имя, тогда получится совсем по-английски. Так вышло ласкательное Олд, то есть «старик».

Я знал Олда как молчаливого, замкнутого парня. Его редко было слышно, слова у него рождались с трудом, но журчали мягко, как волны Моравы. Мне по крайней мере его речь напомнила симфоническую поэму Сметаны. Он не отличался общительностью. Тем более странным показалось мне, что он первый заговорил со мной.

— По поводу чего?

— Ну, по поводу всего этого. Бери дубину и бей человека по затылку. А если он окажется к тебе фасадом, расквась ему физиономию. Что за рецепты? Тьфу! — сплюнул он.

— Тебя сюда никто не тянул! — напомнил я.

— Ну, сам явился, что греха таить, явился добровольно, — признал он нехотя. — Мне в Нью-Йорке наши эмигранты сказали, что мы будем бороться за освобождение Чехословакии! Но так?! Такими методами... Тьфу!

Наученный горьким опытом — мне вспомнилась история с моим соотечественником Ковачем, — я пристально поглядел на Олда. Лицо у него было осмысленное, лоб

широкий, выпуклый. В его синих, обычно кротких глазах я еще не видел столько гнева.

«Парень говорит искренне! — решил я. — Тем не менее надо быть начеку!» Но все же я посчитал своим долгом его подбодрить.

— Послушай, Олд! Тот, кто учится убивать, еще не убийца. Вот над этим ты и поразмысли! И еще вот что: не думаю, что подобные разговоры помогут тебе.

Он покраснел, затем побледнел.

Мне стало жаль его.

— Сумел ошибиться — сумей и поправить свою ошибку. А я тебя не выдам!

Я хотел дать ему понять, чтобы он сделал соответствующий вывод и больше ни с кем не отводил душу. Пусть думает себе на здоровье о чем хочет, лишь бы вслух не высказывал своих мыслей.

Спустя четверть часа я не на шутку встревожился из-за этого своего великодушия.

За мной явился ординарец из штаба. Я был уверен, что Иглава уже успел наябедничать. И обдумывал, что сказать, как оправдаться. После урока с Ковачем мне навряд ли удастся выкрутиться!

Когда я подходил к штабу, голова у меня буквально раскалывалась.

— Из генерального штаба прибыл нарочный, для вас тут тоже есть письмо, — сообщил дежурный. — Ваш отец лично просил передать его вам.

Тяжелый кошмар, сжимавший мою грудь, стал ослабевать, я глубоко вздохнул. И тут же попросил в душе прощения у чешского парнишки, который доказал мне свою человечность и порядочность.

Но среди нас были и парни иного сорта.

Были? Этот иной-то сорт и составлял, если хотите знать, большинство.

Взять хотя бы тридцатилетнего Радомовского.

— Привет, камрад! Ей-богу, я доволен, что учусь здесь вместе с венграми. Но позволь же мне представиться, — он щелкнул каблуками, — Зенон Радомовский, польский эмигрант. Отец мой во время войны был офицером у генерала Андерса, вот мы теперь и на западе.

Ну скажи, не любопытно ли, что у венгров и поляков всегда схожая судьба?

Я считал его болтливым, спесивым типом и не питал к нему ни малейшей симпатии, хотя к полякам вообще расположен, и поспешил, как всегда, от него отделаться.

Помню, как этот же самый Радомовский пристал ко мне после одного из наиболее омерзительных кошунств над подобием человека.

Мы по обыкновению экспериментировали над куклой. Проходили практику по мгновенному выкалыванию глаз у человека. Фонарики, мигая, исправно сообщали попадания. Пластмассовые глаза после каждого удара проваливались, и на нас глядели пустые глазницы. Что и говорить, это было весьма неаппетитное зрелище.

— Вот это подходящий прием! Не правда ли, приятель? — восторгался шляхтич.

Я бы охотнее всего нацелился сейчас именно в его буркала, так они были противны мне в эту минуту! Но, слава богу, он ничего не подозревал.

— Когда мы закончим с этим курсом, как раз подойдет время разъезжаться по домам. Вот будет наслаждение проверить свою науку на физиономиях большевиков! — И он ткнул своими длинными пальцами в воздух. Не оставалось сомнения, что Радомовский собирается проверить этот прием на своих соотечественниках.

Я промычал в ответ что-то невнятное и отошел прочь. Этот человек действовал на меня тошнотворно.

Кубинец Рикардо был точь-в-точь таким, как Радомовский. Два эти человека словно родились духовными близнецами!

— Проверьте у себя на груди расположение костей, — продолжал мистер Симидзу. — Обратите особое внимание на участок над грудной клеткой. Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что, используя именно это место, можно легче, быстрее и вернее задушить человека? Он и пикнуть не успеет. — И японец самодовольно демонстрировал свой испытанный прием, успех которого всякий раз подтверждался вспыхиванием красной лампочки.

— Вот тебе, Фидель! Вот тебе, Рауль! — вопил Рикардо, упражняясь на пластмассовой кукле. Весь его вид говорил о том, какое наслаждение доставляет ему эта забава.

— Он ненавидит братьев Кастро! — шепнул мне другой кубинец, называвший себя Фолло, но я подозревал, что это был его псевдоним.

Этот Фолло едва ли отличался от Рикардо темпераментом и силой ненависти к братьям Кастро.

— Меня бы больше устраивало, если бы курсанты не отвлекались.

В тоне мистера Симидзу звучал упрек. И не будь именно я одним из «провинившихся», он, я уверен, наложил бы «за разговоры на посторонние темы» какое-нибудь дисциплинарное взыскание.

Наш японец, казалось, был неисчерпаем в демонстрации своих приемов.

— Только что я показал вам наиболее уязвимое место над грудной клеткой. Теперь я предоставляю вам возможность убедиться, что с человеком так же легко покончить, зная, что делается у него ниже грудной клетки!..

Кукла покорно сносила все.

— Я произвожу опыт медленными движениями, чтобы вы лучше усвоили их технику. И вижу по вашим лицам, что вы находите неуместной такую проволочку. Что ж, понаблюдайте, как идет дело после известного навыка.

Мы едва уловили движения его рук, а обозначающий смерть красный свет уже замигал.

— Вот так, господа! Спасения нет, но нет и хрипа, даже писка нет никакого. Вы бережно укладываете труп на землю и продолжаете свой путь. На всякий случай не мешает запомнить, что того же эффекта вы можете достичь с помощью дубинки, топора, железного лома или чего-нибудь в этом роде.

Рикардо и ему подобным очень нравился этот «предмет». Мне кажется, не будет преувеличением, если я скажу, что убийство — в данном случае инсценировка его — доставляло им огромное удовольствие. Надо было видеть, как они, чуть подавшись вперед, кошачьими дви-

жениями подкрадывались к кукле и как торжествовали, когда упражнение удавалось.

На занятиях, конечно, присутствовал и Ковач, тот самый «образцовый» курсант, родом из окрестности Папы. Трудно было поверить в то, что он выдержит все экзамены. С того времени как мы стали изучать рукопашный бой, я начал следить за этим слабонервным типом. Делал я это, разумеется, исподтишка, очень осторожно, опасаясь, как бы мое рвение не истолковали превратно и не приняли меня за агента враждебного лагеря — насчет этого у нас был строгий контроль. Меня же просто интересовало, как принимает все происходящее человек, находящийся здесь по принуждению.

Вначале я смягчился было по отношению к нему, так как заметил, что он то и дело отворачивает голову от искалеченного подобия человека.

«Значит, даже в этой крысе (так назвал я его мысленно, с тех пор как он предал меня) есть добрые побуждения», — не без удивления отметил я, ведь все же речь шла о моем земляке... Я сам не могу точно сказать почему, но мне как-то легче становилось, когда тот или иной факт подтверждал мысль, что нашу культуру не пробить этому вот варварству.

Но по окончании первой половины изучаемого курса я должен был признать, что опять ошибся в Коваче. Мой земляк все больше входил в раж. Он уже не отворачивал головы во время практических занятий, и в глазах его не появлялось больше выражения тоски, какое я наблюдал у него прежде. Он становился до неузнаваемости самоуверенным, предприимчивым.

— Что с тобой? — спросил я его как-то на одной из больших перемен, «нечаянно» очутившись рядом с ним.

— Ничего. — И он недоуменно пожал плечами, очевидно не поняв смысла моего вопроса. В самом деле, не мог же он сам заметить своей метаморфозы.

— А о чем это ты? — спросил он, вдруг насторожившись.

Я увидел, что он испуган, только не мог пока еще понять почему. Но он тут же выдал себя:

— Ты видишь у меня сыпь, да?! — встревожился он.

Так вот оно что! Наш «образец» попросту мните-лен! В эту-то минуту я раскусил его по-настоящему.

Да ведь он крыса и есть. Самая настоящая крыса! Коварная и трусливая тварь!

— Что ты! Тоже выдумашь! — успокоил я его. — Просто я заметил, что вначале ты на занятиях брезгливо кривил губы, а теперь первый вызываешься работать над куклой... Ну, и вообще...

— Ах вот оно что! — Он облегченно вздохнул. — А я уж подумал было, что ты заметил на мне какую-нибудь тропическую хворь. Как ты меня напугал!

— Отчего? Тебе ведь, как и всем, сделали прививки, не так ли? — Я понял, что, если не отвлеку внимание Ковача от его собственной персоны, едва ли получу ответ на свой вопрос.

Тут совершенно неожиданно он снова скорчил испуганную мину. Трудно было представить, что опять его напугало.

— Как ты думаешь, желтый тоже заметил, что я тогда...

— Желтый? — я не сразу понял, о ком он говорит.

— Ну да, Симидзу! — нетерпеливо перебил он меня. Ему хотелось поскорее услышать, заметил ли японец, что он проявлял слабость.

«Ага, Ковач уже научился различать людей по цвету кожи. Почему бы в таком случае ему не овладеть и наукой умерщвления».

— Да говори же ты наконец! — тормозил он меня. — Взвинтит тебе нервы, а потом молчит.

— Не думаю. А то бы он дал тебе это почувствовать.

— Ты тоже такого мнения? — Он повеселел и, видимо, из благодарности, что я его успокоил, стал общительнее.

— Значит, изменился я, говоришь? Может, ты и прав. Знаешь, я все время думаю о том, что если меня когда-нибудь пошлют домой, то я поеду в свою деревню и доберусь до председателя производственного кооператива и секретаря партийной организации! Ох, несдобровать им!

Теперь он не давал мне слова сказать. Его рот напоминал открытый шлюз.

— Они состряпали, значит, кооператив. У моего отца было двадцать хольдов земли. Больше всех в деревне. Ну, раз общее, так пусть будет общее! «Черт с ними, — сказал отец, — без меня у них все равно ничего не получится. Ни один толком не смыслит в хозяйстве!» Он хотел стать бригадиром, у него были свои соображения. Так председатель не допустил. И парторг. Будет-де ему, старому, верховодить деревней! Понятно тебе? Вот поэтому-то я рано или поздно доберусь до них!

— Но ведь ты еще недавно не хотел домой? Говорил, принуждают!..

— Это оттого, что я тогда еще не знал, как здорово тут обучают! Да, окончив учебу, мы будем представлять собой страшную силу! Не доведись встать кому-нибудь на нашем пути — с ним будет то же, что с этой вот... — он поднял с земли какую-то букашку и раздавил ее ногтем.

Если мне до сих пор вконец не опротивели занятия, то сейчас это произошло наверняка.

А ведь до окончания курсов было еще далеко.

Нас учили убивать человека не только голыми руками, но и дубиной, прикладом, топором, железным ломом, бульжником, бутылкой или осколком стекла.

— Приглядитесь! Оружие у вас под ногами, надо лишь уметь применить его! — Мистер Симидзу внушал это нам как основной принцип нашей будущей деятельности. — Даже каска и та может в случае надобности стать оружием!..

И все это, все-все приходилось закреплять на практике, до полного одурения, пока каждое движение не становилось привычным, почти автоматическим.

Затем мы приступили к знакомству с пружинным ножом. Мистер Симидзу показал его нам со словами:

— Лучше пистолета!

Мы с недоверием смотрели на японца. За дураков он нас, что ли, принимает?

Но его не интересовало наше мнение, хотя он и прочел его на наших лицах: при всем желании мы не могли скрыть насмешки.

Он с каменным лицом человека, уверенного в своих действиях, прикрепил к одному из гимнастических колец деревянный диск. По площади он соответствовал, пожалуй, телу человека.

— Перед вами так называемый французский нож! — Он еще раз поднял нож, затем поднес близко к нашим глазам.

Нож состоял из одной рукоятки, величиной с пядь. На ней было несколько непонятных кнопок. Лезвий — ни одного.

Я имел уже достаточный опыт, чтобы все, что говорил и делал мистер Симидзу, принимать всерьез, как саму смерть. Поэтому я с напряженным вниманием ждал, что будет дальше.

— Вы здесь единственный, кто не сомневается! — сказал он, глядя мне в глаза. — И очень правильно делаете! Вы вскоре убедитесь в этом!

И остановившись в полукруге слушателей, он нацелился ножом в мишень, нажал одну из кнопок и... мы не успели и глазом моргнуть, как лезвие, мелькнув, врезалось в середину диска.

— Вытащите! — приказал мне японец.

Шагами я измерил расстояние от того места, где мы стояли до диска. Было больше сорока метров.

— Сколько? — крикнул мне мистер Симидзу.

Я в недоумении обернулся.

— Я говорю о расстоянии. Вы ведь измерили его? — Человек этот обладал удивительной наблюдательностью.

— Сорок два метра!

— Это еще не предел! Пружина действует на пятьдесят метров.

Лезвие так глубоко врезалось в дерево, что я не мог вытащить его голыми руками. Мои однокурсники теперь по-иному относились к очередной «безделке» японца.

Необходимый навык бить ножом в цель мы приобретали на соревнованиях. С таким оружием в руке или в кармане можно отправляться на любое, даже самое рискованное дело.

Продолжил с нами этот курс, вернее, довел его до конца другой преподаватель. Миссия мистера Симидзу

была закончена, и он стал прощаться с нами. Помню, он подошел ко мне. По японскому обычаю глубоко поклонился и протянул мне ленточку.

— Лучшему моему ученику! — сказал он, как всегда улыбаясь. Так я и не узнал никогда, что крылось за этой улыбающейся маской.

Занятия с нами стал теперь проводить майор. На его долю, в сущности, немного осталось. Задача его, скорее, заключалась в том, чтоб закрепить пройденное соответствующими выводами.

— Солдаты войск специального назначения — защитники мира и свободы во всех уголках земного шара, — начал он свою лекцию, — везде, где необходимо их присутствие. Будь то во Вьетнаме, на Кубе или в любой части Восточной Европы. Таким образом, вы ведете оборонительную борьбу против коммунистической агрессии. Вам придется выполнять свой долг за спиной врага в опасных условиях. Ваш провал будет означать не только личную катастрофу, но и прорыв в нашей оборонительной системе. Каждого своего человека мы перебрасываем на вражескую территорию ценой огромных усилий. И очень трудно потом заполнить образовавшуюся вследствие утраты брешь. Не говоря уже о политических последствиях!

Он громко глотнул. У него, видно, пересохло в горле.

Это был рыжеватый блондин с уже основательной лысиной на макушке. Глаза его, серо-голубые и холодные, напоминали рыби.

— Воды! — приказал он.

Занятия, когда это было возможно, проводились с нами на местности в естественных условиях. При нас имелись только фляги. К преподавателю, отвинчивая горлышки фляг, кинулись сразу трое.

Мы были уверены, что, попробовав воду, он скривит недовольную мину: время близилось к полудню, и вода была уже теплой и невкусной.

Он взял одну из фляжек, набрал в рот воды, но лишь прополоскал его и выплюнул воду.

— Вижу, вы недоумеваете. Ничего, еще узнаете, что в тропиках именно подобным образом утоляют жажду.

Он вытер рот тыльной стороной ладони. В точности так, как это делают у нас дома крестьяне на косьбе, отпив из оплетенных бутылей.

— Итак, я возвращаюсь к нашей теме! — продолжил он прерванную лекцию. — Я хочу, чтобы в вашей памяти засело одно: где бы вам ни довелось находиться, нигде не оставляйте живых свидетелей. Не забывайте золотую истину: только трупы молчат!

Он долго наставлял нас, как надо изучать привычки, условия, в которых находится намеченная жертва, какого все это требует адского терпения. Если, например, речь идет о часовом, надо выяснить, когда и при каких обстоятельствах сменяется караул.

— Наиболее целесообразно напасть на него незадолго до смены караула, так как внимание часового, бдительность его к этому времени уже ослабевают и это надо использовать.

Предоставленная в наше распоряжение территория с лесами, лугами, палатками и обычными каменными строениями обеспечивала нам все необходимое для получения практических навыков. Но начальство и это считало недостаточным; по его мнению, весь пройденный нами материал должен был войти в нашу кровь и плоть, чтобы мы стали именно теми людьми, которые им были нужны для их целей.

Нас повезли в тропики, к берегу океана, предварительно разбив на пары.

За нами пришла подводная лодка. Когда мы в нее сели, то оказались под командованием капитана.

— В пятнадцати милях отсюда находится остров, занятый противником. Вы под водой подплывете к острову, дождетесь подходящего момента и снимете часового. Ваша задача вывести из строя передатчик противника. Приготовились! Полный вперед!

Подводная лодка на глубине тридцати пяти метров быстро шла к намеченной цели. Когда умолкли машины; прекратилось жужжание дизелей, вдруг наступила глубокая тишина.

Мы не впервые находились под водой: ведь ныряние с аквалангом входило в нашу учебную программу. И все

же эта тишина была пугающей, она означала, что наше время подошло.

— К высадке готовы? — спросил капитан.

— Готовы!

— Лодка приблизилась к берегу на полмили. Глубина: тридцать один метр. Время: восемнадцать часов шестнадцать минут. Задание выполнять!

Капитан козырнул и не двинулся с места до тех пор, пока мы все не исчезли в шлюзовой камере.

Нам и прежде доводилось испытывать подобное «удовольствие», только то были детские игрушки. Теперь же предстояло совсем покинуть надежный корпус судна и двигаться по безбрежной водной пустыне. Должен сказать, что репетиции по этой части сугубо отличались от самого «спектакля». Меня уже тогда начал одолевать страх, когда я протиснулся в шлюзовую камеру. А потом дверца отворилась и в нее с шипением стала пробиваться вода... она закрыла сначала мои ступни, затем колени, грудь и, наконец, добралась до губ... ужасало сознание, что моя связь с судном прекратилась, что с этой минуты единственная опора для меня — товарищ по несчастью. И у него никого и ничего, кроме меня. Двое одиноких людей, брошенных в толщу океана.

Как я уже говорил, нам не впервые приходилось погружаться в загадочную синеву моря, но мы еще никогда не чувствовали себя настолько одинокими, покинутыми.

Ради чего? Ради чего?

Этот вопрос мучил меня все время, пока мы двигались к острову.

Понемногу я начал понимать — по крайней мере, мне так казалось — истинную причину овладевшего мной страха. Дело в том, что прежде, погружаясь в море, я мог видеть его поверхность, мелькавших вокруг рыбок, следовательно, имел представление о том, какой мир встретит меня на глубине. Из подводной лодки мы вышли вслепую, совершенно не зная, что уготовано нам подводным царством. Мы могли ориентироваться только в радиусе нескольких квадратных метров, дальше зрение не проникало... Что кроется за этим узким горизонтом? Что нас ожидает на поверхности?.. Нашему воображе-

нию не доставало перспективы. Возможно, именно это лишило меня обычного чувства уверенности.

Как бы там ни было — дороги назад уже нет. Двигаться можно только вперед.

Вдобавок мы должны были еще учитывать возможность нападения акул. Правда, к нашим ногам были прикреплены специально для этого случая таблетки, которые, как утверждали наши преподаватели, держали морских хищников на почтительном расстоянии, однако по мере удаления от подводной лодки в нас росло чувство страха.

Путь был не из легких, что и говорить.

Окружавшая нас вода поражала своей чистотой и прозрачностью, а непроницаемая темная толща, лежавшая над нами, создавала впечатление фантастической ночи. Рыбы нас не боялись. Спокойно плавали рядом, и, только когда наши пути скрещивались, они, неторопливо помахивая плавниками, слегка меняли курс. Спешить им было некуда. Наше присутствие несколько их не смущало. Более того, один любопытный великан, напоминающий ерша, долгое время сопровождал нас, подражая нашим движениям. Похоже было, что он изучает наши повадки и характер.

Настало время всплывать. Мы пробившись сквозь темный слой. До поверхности оставалось метров десять. Сюда уже проникали преломленные лучи заходящего солнца, отчего все вокруг приняло странную синеватую окраску.

Мы несказанно обрадовались, когда достигли первых коралловых рифов. Они-то уже наверняка означали близость земли, острова, на котором, впрочем, нас не ожидало ничего хорошего. Но, несмотря на это, я с чувством облегчения плыл вдоль коралловых рифов, ища лазейку. Как бы там ни было, суша есть суша. На ней и опасность не так пугает.

Нам удалось найти проход, который вел в тихую лагуну.

Голову из воды мы поднимали с величайшими предосторожностями, тут же прижимая ее к коралловому рифу. Только бы нас не заметили!

Я взглянул на свои водонепроницаемые часы. На них было восемнадцать часов сорок минут. Надо было выходить из воды, потому что сжатого воздуха в наших баллонах могло хватить самое большее еще на шесть минут.

Берег зеленел метрах в пятидесяти от нас, зеленел в полном смысле этого слова. Чаща вековых кедров и манговых деревьев подступала к самой воде.

Мы с моим напарником поняли друг друга с одного взгляда. Нырнули вглубь и стали подбираться к лесу, росшему на болоте.

Мы кинулись в самую его гущу. Здесь решили передохнуть и дожидаться, когда солнце бултыхнется в океан. Нам нужна была темнота, наша истинная стихия.

Когда тропический пейзаж окутался ночной тьмой, мы пустились в путь.

Нам не пришлось вслепую определять направление. Прожектора лагеря противника освещали небо. Лучшего компаса и не придумаешь!

Лес затих, словно покинутый всеми его обитателями.

Мы добрались до края джунглей. Перед нами была поляна, на ней — военный лагерь, охрана, прожектора. И все же мы чувствовали себя в безопасности. Густой и непроницаемый лес принял нас двоих под защиту, спрятав в своих дебрях.

Я прислушался к тишине. Насколько она была иная, чем мертвая тишина океана, какая большая разница между этими двумя безмолвиями. Там даже самые большие живые существа двигались совершенно бесшумно. А здесь и тишина была наполнена звуками. Шорох травинки, шелест листьев — вот признаки тишины здесь, на земле.

— Ты ступай, Фрэнк! — скорее вздохнул, чем прошептал мой товарищ. — Через двадцать минут взойдет луна.

Я снова посмотрел на светящийся циферблат. Мой товарищ был прав. В нашем распоряжении оставалось всего двадцать минут. Через двадцать минут на темно-синем небе загорится первая звезда, а за ней зажгутся,

словно миллиарды карманных фонариков, и остальные звезды. Потом покажется луна и зальет своим светом всю землю, даже самые укромные ее уголки.

— О'кэй,— сказал я и пополз.

Я двигался так осторожно, что даже трава подо мной не шелестела. Преодолевал сантиметр за сантиметром, предварительно обшаривая землю. Не схватиться бы за спящую гремучую змею! Тогда пиши пропало! От этой мысли у меня даже мороз по коже пошел. Но я продолжал ползти.

Минут через шесть-семь я достиг края освещенной зоны. Очень осторожно, пряча голову за растения с широкой листвой, я посмотрел туда, где была протянута колючая проволока.

На светлом фоне резко выделялись очертания стоявшего навтыжку часового.

Мое счастье, что они траву не уничтожили! А то даже не знаю, как бы я добрался до него.

Тишину вдруг прервали гулкие шаги идущих в ногу людей. Вдоль проволочного ограждения шел, приближаясь, патруль.

Я приник к земле всем телом, буквально слился с ней. Мне показалось, что на меня направлены все прожектора и что шаги эти приближаются именно ко мне...

«Заметят! Быть не может, чтоб не заметили!» При всей своей закалке я не мог прогнать от себя страх быть обнаруженным.

На мое счастье, зоркий взгляд солдат прочесывал не открытое, залитое светом пространство, а дебри лесных зарослей.

Могли ли часовые предположить, что я под носом у них, что, протянув руку, я могу схватить любого из них за штанину.

Я прижал ухо к земле, чтобы лучше улавливать звуки. Грохот, раздавшийся в моих барабанных перепонках, предупредил меня о том, что патруль совсем рядом. Я должен был замереть: малейшее движение могло выдать мое присутствие. Секунды казались мне часами. Наконец-то! Шаги стали удаляться.

Я поднес руку к глазам. Хотел посмотреть, который час. У меня осталось лишь восемь минут! Значит, надо торопиться! И в то же время быть предельно осторожным!

Я пополз дальше.

Часовой стоял неподвижно и смотрел в одну сторону. Он был, как видно, совершенно спокоен и не подозревал о грозившей ему опасности.

Два молниеносных рывка, и я уже направил нож ему в спину, под лопатку, левой рукой охватил его за пояс и повалил на острие лезвия.

Солдат даже не захрипел. Вонзившийся нож бесшумно покончил с человеком.

Я крепко прижал к себе отяжелевшее тело. Затем заученным движением опустил его перед собой на землю.

Кусты расступились перед трупом, затем сомкнулись над ним, скрывая, хороня его от любопытных глаз.

Я выпрямился и стоял теперь, оцепенев, в той же позе, в какой стоял перед тем часовым.

И тогда, словно чудовищной силы юпитер, повисла над лесной чащей луна. Молчавший до сих пор дремучий лес тут же оделся в серебристо-синее одеяние и, точно по сигналу, загудел.

И вдруг гул этот рассек крик серны, похожий на отчаянный плач ребенка. Немного погодя я услышал сытое урчание волка.

Я вздрогнул.

«А чем же ты сам не волк?» — спросил я себя, и слюна во рту у меня стала горькой.

Но в этот момент прожектор затмил луну. Меня же он ослепил, так как был направлен в мою сторону.

— О'кэй, парень! — И наш майор, который откуда ни возьмись очутился за моей спиной, хлопнул меня по плечу. Он подошел к лежавшему на земле трупу. Маленьким ключиком отпер его грудную клетку — часовым оказался куклой, царствие ему небесное! — и вынул оттуда контрольный прибор.

— Это именно то, что от вас требовалось! — сказал он, довольный. — Экзамен вы сдали на «отлично!» —

И приказал мне удалиться в глубь лагеря и там дожидаться, пока все остальные сдадут экзамен по его далеко не эстетичному предмету.

Когда мы решили, что теперь уже действительно усвоили всю программу курсов и заделались патентованными убийцами, наш майор преподнес нам очередной сюрприз.

— Знаете ли вы, что мы подразумеваем под выражением «вторичное убийство»? — Он с чувством превосходства взглянул на наши вдруг поглупевшие физиономии. — А ведь, признайтесь, вы считали себя уже заправскими войками, не правда ли?

Что за чертовщина! Еще один психолог на нашу голову! Да они тут читают наши мысли, как открытую книгу!

Майор же был доволен своей проницательностью. — Так или не так? Отвечайте!

Нам оставалось только признать, что он попал в точку.

— Каждый новичок так считает, дойдя до данного этапа обучения. А ведь вам предстоит перенять у нас еще немало опыта, чтобы стать истинными вольными стрелками! Теперь вы добрались, пожалуй, до середины пути. И только до середины. Так что успокаиваться вам пока рано! Скромность! Побольше скромности!

Он говорил так самонадеянно, что у меня возникла мысль: неплохо бы ему самому кое-что почерпнуть из собственных слов. Само собой разумеется, что дальше моей головы эта мысль не пошла. От высказывания подобных вещей меня, с одной стороны, удерживала военная дисциплина, с другой стороны — корыстные соображения. Ведь, в конце-то концов, только от него зависела оценка по этому курсу.

Под «вторичным убийством» наш уважаемый майор подразумевал следующее: человеку, убитому кинжалом, ядом, руками или иными способами, нужно придать такой вид и позу, как будто он покончил с собой.

Выстрелить в голову, затем вложить в руки жертвы пистолет!

Повесить убитого на веревке, найденной в квартире! Уложить, когда стемнеет, на железнодорожные рельсы!

Вряд ли вас удивит, если я скажу, что после этого отвращение, которое я питал к Радомовскому и Ковачу, распространилось и на некоторые другие лица...

Теоретические экзамены для меня не были проблемой, я сдавал их на «отлично». Но к практике я относился с известной нервозностью. Не знаю почему — то ли у меня были неважные предчувствия, то ли претил сам предмет, — но я ждал своей участи в скверном настроении. Обычно это неприятное ощущение исчезало перед самым экзаменом, но на этот раз с наступлением злополучного дня оно, наоборот, еще усилилось.

Мы ожидали в помещении клуба. Сдавшие экзамен возвратиться к нам уже не имели права. Я взял жевательную резинку. Странно: меня и годы не могли приучить к ней, а теперь я засунул ее в рот. Мне было необходимо хоть чем-нибудь заняться.

Наконец меня вызвал ординарец. Какое тут облегчение! Страх сдвинул мне горло.

«Ты что?.. Струхнул? Болен?»

Но я не успел ответить самому себе, как ординарец остановился перед дверями и постучал.

— Входи, — сказал он мне, посторонившись.

Я приготовился к тому, что за этими дверями кто-нибудь непременно набросится на меня. Но вместо этого я был встречен довольно симпатичным молодым человеком почти моих лет, может, немного старше, с хорошим открытым лицом.

— А, знаю, вы лучший слушатель курсов. Рад познакомиться с вами. — И он протянул мне руку.

«Какой приятный человек. И как хорошо он меня встречает», — только успела мелькнуть в моей голове мысль, как внезапная боль пронзила мне глаза. Я тут же почувствовал, что веки у меня отяжелели. Симпатичный молодой человек исчез. Я ничего больше не видел. Слеп. Остальное не помню.

Очнулся я в госпитале. Нос у меня нестерпимо горел, как будто в него натолкали горячих углей. Вместе с сознанием ко мне вернулась и память.

«Боже милостивый! Я ослеп!.. Нет, вижу! Вижу! Я лежу на койке, укрытый теплым одеялом в белом пододеяльнике. Вон дверь, рядом умывальник и... зеркало».

«Встань, загляни в него!» — уговаривал я самого себя.

Я нерешительно потрогал нос, силясь понять, отчего такая резь? Но мои пальцы нащупали мягкую толстую повязку. В этот же миг в голове у меня совсем прояснилось: я вспомнил все, что со мной произошло.

— Вот свинья! — проворчал я. — Любезно протянул мне руку и тут же сбил меня. Расквасил мне нос. Ну, погоди же, голубчик, мы с тобой еще встретимся!

Я с трудом поднялся. Возле кровати обнаружил даже шлепанцы, следы чьих-то заботливых рук. У меня довольно сильно закружилась голова, когда я, отпустив спинку кровати, попытался удержаться на ногах.

Зеркало явило мне гораздо более ужасающее зрелище, чем я мог предполагать. На носу у меня белела огромная повязка, концы которой, закрывая скулы, завязывались сзади. Глаза у меня ввалились, под ними зияла чернота. Приятного цвета смуглая кожа на лице и та стала землисто-серой, как у моего деда. В общем, ужаснее вид трудно было себе представить!

Две недели провалялся я на больничной койке. Потом меня выпустили. Уже здоровым. Но сошник пришлось удалить. Теперь я могу сгибать нос вправо и влево. Он стал таким же эластичным, как у боксеров.

И вот меня снова ждал практический экзамен. Вернее, я ждал его! Очень уж хотелось еще раз встретиться с глазу на глаз с тем молодчиком!

Но каково было мое разочарование, когда меня встретил... японец... японец средних лет... нет, не Симидзу — совсем незнакомый человек.

Он даже не обернулся при моем появлении. Продолжал смотреть в окно. Он явно был не в духе.

«Может, и с ним выкинули что-нибудь такое?» — подумал я, но все же решил быть на этот раз начеку.

— Садитесь! — проворчал он желчно, хотя я ничего плохого не сделал.

Я послушно опустился на стул, вернее, опустился бы, если бы он с быстротой молнии не вышиб его из-под меня. Как только я очутился на спине, он тотчас же вскочил на меня.

Я обозлился. Схватил его за ступню и стал выкручивать ее. Он рухнул.

Борьба длилась несколько минут. Наконец ему удалось подмять меня.

— Ну вот, вы и сдали экзамен! — И он разжал свои стальные объятия. — Вы получите высшую оценку. Вы заслужили ее!

Я козырнул и вышел. В руке у меня был экзаменационный лист с отличными оценками.

«Итак, значит, и этот курс закончен, — подумал я с горечью. — Еще один шаг вверх!»

Я не мог радоваться! В голове вертелось одно: дома меня учили разводить кур, уток, вскармливать свиней, сеять рожь, пшеницу, как говорят наши крестьяне, «сеять жизнь». А здесь, вдали от тех мест, предметом изучения для меня является смерть. И этот предмет я сдаю на «отлично». Вот чего требуют от меня!

В этот день мне стало ясно, что мы пошли по ложному пути. И я и мой отец. Да, мы оба: он, еще не осознавший этого, и я, уже начинающий кое-что понимать...

«Да перестань ты нюни распускать, — пробовал я успокоить себя. — В конце концов, ты же не воспользуешься своей гибельной наукой никогда в жизни. Нет такого человека, против которого тыпустишь ее в ход! В худшем случае ты будешь преподавать другим эту науку, и ничего более!»

И я снова, как уже много раз, ухватился за эту мысль.

«Вьучусь, затем буду обучать других. Остальное меня не касается!»

Мне было двадцать два года. Я был одинок. Спрашивать совета было не у кого.

А совесть может крепко спать, если ее некому разбудить!

Глава девятая

Особые методы ведения войны

Ночью нас подняли.

— Тревога! Пять минут на сборы! Захватить парашюты!

Почему, куда, как? Мы даже не пытались задавать вопросы — знали, что напрасно. Ответят нам последующие события. Мы представления не имели, что нас ждет: учебные занятия или настоящее боевое крещение. Но сама атмосфера была вроде бы удушливее, чем обычно, все были какие-то взвинченные.

Со сборами у нас задержки не было: нам достаточно хорошо вдолбили, что мы всегда и ко всему должны быть готовы. А это означало, что и к обычным учениям мы готовились, как к длительным походам. В любой момент прикажут отшагать двести километров, вот и идешь по степи, кругом сушь, редко когда попадетсЯ дерево с широким, как бочка, дуплом, хранящим питьевую воду.

Ужасные, нечеловеческие испытания выработали в нас навык отправляться в путь налегке, без лишнего груза, но в то же время иметь при себе все необходимое для поддержания существования.

Мы собирались на этот раз молча. Затем нас повезли на аэродром. И тут мы хранили молчание. К чему слова?

На аэродроме уже ждали транспортные самолеты. Нас разбили на небольшие команды по тринадцать человек в каждой. Во главе команды были назначены знакомые нам командиры.

Перед вылетом мы получили короткое напутствие.

— С этой минуты ваша команда и каждый член ее имеют единый номер, его будете называть в крайнем случае, при радиосвязи или если будете схвачены. Имена членов команды забыть! Понятно? Все дальнейшие указания вручены в закрытых конвертах вашему командиру!

Мы сели в самолет. Загудели моторы. Через несколько минут мы уже летели под облаками к неизвестной для нас цели.

У меня было скверное настроение. Оглядевшись, я заметил, что и другие члены команды тоже сидят подавленные, повесив нос. Участь солдата неопределенна, путь его полон неожиданностей, особенно наш путь, каждый шаг которого грозит очередной опасностью. Это мы знали. И все же казалось странным вот так лететь неизвестно куда, не зная, где приземлишься: в горах или в саваннах, в снежной или размываемой тропическими ливнями местности?.. Что ни говорите, на настроение человека подобные вещи не могут не действовать.

И мы молчали.

Для начала я мысленно перебрал прихваченные с собой вещи. Все ли необходимое при мне? Нож, тонкая, но крепкая нейлоновая бечевка, которая может пригодиться при переправе через горы, прибор для фильтрации воды, аптечка, консервы, рыболовные снасти... множество разных мелочей, от которых может зависеть жизнь.

«В самом деле, куда они нас могут везти? На Огненную Землю? В Лаос? Газеты полны происходящими там событиями. Не исключена возможность вмешательства Америки... В этом случае нас могут использовать! А вдруг это и есть тот случай? И мы держим курс именно туда?»

Летим уже много часов. Пока земля пряталась от нас в темноте, ее однообразие только усугубляло нашу хандру. Но первое же мерцание рассвета, едва показавшиеся солнечные лучи сразу же внесли разнообразие в окружающий мир, подбодрили нас. Я и прежде замечал, что погода действует мне на настроение, но чтобы она так быстро меняла его!.. Угнетенное состояние у всех нас рассеялось вместе с темнотой. Как только появилась внизу пестрая карта, всем стало легче, и мы уже без страха шли навстречу новым делам, новому дню.

Внизу, далеко-далеко, голубым зеркалом блестело море. Но впереди, в направлении, куда летел самолет, нас манила уже суша.

Для острова слишком велика. Значит, континент. Но какой?

Я никак не мог сообразить.

«Глупые вопросы задаешь, старина! Разве ты не знаешь, что мы летим на юг? Ты же убедился в этом благодаря буссоли. Земля, бегущая под тобой в противоположную самолету сторону, с этими горами и равнинами, может быть только Латинской Америкой!»

Отсюда, сверху, нам открылась роскошная панорама. Как я уже сказал, она походила на громадную развернутую карту. И даже не на карту, а скорее на великолепно написанную масляными красками картину, на которой художник осуществлял свой замысел посредством обширных плоскостей. Громадные синие пятна — озера. Переливающаяся в желтое зеленое, — вероятно, саванны или пампа. Возможно, это льянос — более сухая, травянистая, но скудная равнина. Серый цвет означает голые скалы. Глядя на это великолепие, я забыл обо всех своих бедах и заботах.

Открылась дверь кабины пилота. К нам вошел командир.

— Сорок седьмые! — крикнул он.

Мы переглянулись: он назвал номер нашей команды. — Приготовиться!

Сколько раз прыгал я уже с самолета, бросался в «пустоту»! Не сосчитать. Но от тоски, сжавшей мне грудь при первом прыжке, я и теперь еще не избавился. Я прыгаю, таков приказ! Прыгаю, потому что я мужчина, который должен казаться неустрашимым!

Мы один за другим падали вниз. Я был пятым, так что меня до некоторой степени успокаивал вид расплывшихся подо мной белых грибов.

Согласно распоряжению начальства, нам следовало выполнить «затяжной» прыжок. У нас были точные указания, с какой высоты прыгать и когда раскрывать парашют.

«А вдруг откажет?» — вечная тема размышлений налету.

Земля быстро приближалась ко мне, и я не в состоянии был ни о чем другом думать, кроме как о самом страшном.

«Есть же еще и запасной парашют».

Но меня и это не утешало. Каждый раз, когда я прыгал, перед моими глазами маячил номер 862, парниш-

ка, умиравший в Форт-Брагге с именем матери на побелевших губах.

«Мама!» — вспомнил я теперь свою мать. Каким уда-ром было бы для нее, если бы я... если бы меня...

Задумавшись, я едва успел вовремя раскрыть парашют.

«Сумасшедший!» — ругнул я себя и выдернул вытяжное кольцо.

Я почувствовал огромной силы рывок, рывок, который ошастливил меня: надо мной, шурша, распахнулся белый шелковый купол парашюта, самый ослепительный, самый чудесный, какой мне в жизни приходилось видеть.

Началось парение в воздухе, во время которого меня стала одолевать новая забота. Минут этих было достаточно, чтобы оглядеть участок суши, на котором мне предстояло приземлиться. Подо мной раскинулся необозримый травяной простор. Он пестрел кустарниками, зарослями, как раскатанное тесто изюмом. Вдали, совсем на краю горизонта, тянулась темная полоса: не иначе, как джунгли!

Я видел, как, достигнув земли, курсанты перерезали подвесную систему, как бежали в поисках укрытия и занимали огневую позицию.

«Молодцы, мальчики! На вашу долю выпало самое трудное! Вы оказались в авангарде, рискуете своей шкурой ради других!»

Ожидая возможного нападения, я сам держал автомат наготове. Ведь мы знали только то, что сброшены на вражеской территории и что должны будем совершить какую-то диверсию. О том, учеба это или настоящее боевое задание, мы не имели никакого представления; значит, надо действовать таким образом, чтобы не попасть впросак!

Чувствительный толчок. Земля. Несколько энергичных взмахов ножа — и я свободен. Укрытие я еще сверху высмотрел себе. Помчался к нему и тоже занял огневую позицию. Итак, мы уже впятером прикрывали приземление других.

Командира нашей группы постигла неудача. Зловредный ветер занес его на макушку одной из стоявших врассыпную пальм карнауба.

Мы не смели подойти к нему: кто знает, пусты вокруг саванны или за нами откуда-нибудь из зарослей следят? Сжимая приклады автоматов, мы напряженно прислушивались. Нигде никакого шороха.

Остальные ребята из нашей команды приземлились невдалеке от нас. Они сразу же поспешили к пальме, вершину которой совсем прикрыл белый зонт.

Наш командир тем временем тоже доказал, что он парень бывалый. Он не стал дожидаться сложа руки, пока подойдет спасательная экспедиция — к тому времени, как курсанты приблизились, он уже освободился от лямок. Однако из-за окружавшего пальму кустарника он вынужден был оставаться наверху. Засев в листве с оружием в руках, он осторожно озирался, готовый к бою.

Когда мы все наконец собрались, первым делом решили подыскать себе надежное укрытие. Увидели подлесок. Он был не больше самой маленькой площади в большом городе, но его окружала настоящая степь. Середину подлеска мы вырубили ножами, проредили его, но вокруг остался плетень из ветвей и листьев, отлично скрывавший нас. Получилось непроницаемое для глаза и непроходимое укрепление, откуда во все стороны были видны саванны! Внезапное нападение, таким образом, было исключено! Командир распечатал конверт.

— Ребята! — начал он серьезно, обдумывая каждое слово. — Я познакомлю вас с заданием. Каждый член команды четко должен знать, что, даже в том случае если вся команда, кроме него одного, погибнет, он должен выполнить задание. Один! — Командир сделал паузу. Он разглядывал карту, приложенную к приказу. — Вот, поглядите!

Мы окружили его и вместе с ним стали изучать цветные контуры. Перед нами была равнинная часть Южной Америки с реками и озерами, с джунглями. Карта была немая. Официального атласа, конечно, у нас не было при себе, и мы не могли определить, где точно находимся.

— Что и говорить, довольно-таки таинственно! — пробурчал Рикардо. Кубинец лишь в редких случаях обуздывал свой темперамент, вообще-то он отличался болтливостью и всюду совал свой нос.

— Совершенно верно! — поддержал его наш командир. — Таинственно, потому что тайна! От успеха операции «Белый Тату» зависит судьба Латинской Америки!

Операция «Белый Тату»? Ух, это, должно быть, какое-то крупное свинство! Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь в жизни испытывать одновременно страх и гордость? Так вот, мы тогда там, в нашей живой крепости посреди саванн, хоть и были в немалой мере озадачены, но вместе с тем и ликовали! Подумать только, какое доверие! Возложить на нас столь опасную и столь великолепную задачу! Ну и что ж! В конце-то концов, команду нашу составляли отборнейшие ребята, лучшие сыны армии, которых зажигала предстоящая опасность и жажда славы!

— Мы находимся вот здесь! — Карандаш остановился в центре одного из зеленых пятен. — А добрать-ся должны сюда! — И карандаш снова уперся в карту. Расстояние по меньшей мере в двести миль.

— А так как продвигаться нам придется преимущественно джунглями, то на этот путь потребуется самое малое двадцать дней! — заметил Танака, капитан-японец, присланный к нам на учебу.

— Совершенно верно! И по моим расчетам так же выходит. Согласно инструкции, мы должны обходить всякие населенные пункты, избегать в пути каких бы то ни было столкновений. Приложить все силы, чтобы добрат-ся к цели без потерь — так гласит приказ! Прибегать к передатчику и к огнестрельному оружию запрещено! Он сложил и спрятал карту.

Мы стояли вокруг в торжественном оцепенении, не произнося ни слова.

Итак, начинается война! Каждый думал о завтрашнем дне. Что до меня, то я думал еще и о нашем начальстве и, надо сказать, не без горечи; как же это оно не сдержало своего обещания и сбросило нас в неведомом месте, не открыв нам, где мы находимся и против кого воюем.

— Что, ребята, не по себе вам? Идти вслепую судьбе навстречу? Ну, да разве в наших руках нет оружия? Разве мы не знаем с вами саванн и сельвы с их

особенностями и обитателями? Ведь не для того нас обучали, чтобы мы были любопытными, а чтобы легче и лучше справлялись с нашими боевыми заданиями! Генеральный штаб рассчитывает на нас, суперсолдат специальных, черт подери, войск, и он не должен разочароваться в нас!

Это были прямые, мужественные слова. И мы должны были согласиться с ними.

За какие-то секунды в памяти у меня — ибо она способна и за такой короткий срок охватить, если на то пошло, целый человеческий век — пронеслось все наше недавнее прошлое.

По сути, у нас и теперь причин для переживаний было не больше, чем до этого. Нам ведь уже приходилось бывать в джунглях. Солдатам войск специального назначения положено было выдержать во что бы то ни стало любые климатические условия в любой части света! Выдержать, конечно, не для того, чтобы просто сохранить свою жизнь — такими иллюзиями мы никогда ни на минуту не тешили себя. Но какой толк от мертвого солдата? Поэтому-то — и только поэтому — научили нас оставаться в живых. Чтобы мы выполнили задание. Будет при этом стрельба или нет, едва ли имело какое-нибудь значение!

— Что неясно? Прошу! — Слова командира вернули нас к действительности из мира воспоминаний о вчерашнем и дум о завтрашнем дне.

— У меня есть вопрос! Я хотел бы знать как нам обращаться к командиру? — Само собой разумеется, вопрос задал Рикардо.

Не успев обозлиться на этого выскочку, мы спохватились: да ведь он прав!

— В самом деле, мы упустили это из виду. Я вдруг очутился среди вас, а вы и представления не имеете, кто я и откуда.

Нам показалось странным, что, говоря, он все время смотрит под ноги нескромного кубинца, но мы сделали вид, что не замечаем этого. Как-никак мы солдаты, к тому же знающие, что такое дисциплина.

— Ваш интерес мне понятен, — сказал он и неторопливо засунул руку в карман. — Можете звать меня Джо!

Мы не заметили, когда он вытащил руку из кармана: это случилось мгновенно. Да и блеск лезвия французского ножа, молниеносно вылетевшего из рукоятки, мы едва увидели.

Выдержка отказала нам.

Мы одновременно обернулись.

За спиной Рикардо, меньше чем на метр от его ног, извивалась длинная желто-белая змея. Она билась в предсмертных судорогах, поднимая от земли и травы клубы пыли. У нее на голове, которую пополам рассекла выброшенная с огромной силой сталь, параллельно тянулись две темно-коричневые полоски.

— Это каскавелья! — сказал Джо. — Она уже богу душу отдала!

Теперь-то и мы распознали гремучую змею — одно из самых страшных чудовищ континента. Случись ей ужалить Рикардо здесь, среди саванн, ему бы не было спасения.

Смуглое лицо кубинца в эти минуты приняло сероватый оттенок.

— Благодарю, — простонал он едва слышно.

— Одним словом, называйте меня Джо! — повторил наш командир, а в глазах его меж тем играли веселые бесенята. Видно, он забавлялся нашим испугом.

Мы больше никогда ничего не спрашивали у него, довольствуясь тем, что он сам находил нужным сообщать. Он представился нам, и память об этом знакомстве осталась у нас навсегда!

Было начало ноября. Тропическая зима запаздывала, но участвовавшие дожди уже предвещали ее приближение. Преодолев сравнительно быстро саванну, мы через два дня уже достигли джунглей.

На третий день нам пришлось принять к сведению, что наши запасы провизии на исходе. При величайшей экономии их могло еще хватить самое большее на три-четыре дня.

Перераспределение довольствия мы произвели в середине дня. На обед каждый съел последнюю банку консервов, в наших мешках теперь оставались только

сухари, печенье, горсточка конфет и крохотный кусочек шоколада.

— Не беда! Нас снабдит сельва! — с уверенностью заявил Джо. — Однообразная пища вообще не полезна. Нам непременно надо подумать о свежем мясе и витаминах!

Обедали мы на маленькой лужайке, у берега узкого ручья. Здесь решили разбить и лагерь. К стволам прибрежных деревьев через ручей подвесили койки, над ними натянули москитные сетки. Лагерь окружили тонкой, как паутина, проволокой, к которой прикрепили пустые консервные банки.

— Давайте закладываем в них камешки! — скомандовал Тудореску. Румынский паренек был произведен у нас в команде в «оружейные мастера».

Но напрасно мы рыскали кругом — нам не удалось найти ни одного камешка.

— У кого есть при себе монеты? — спросил Тудореску, протягивая руку.

— погоди! — остановил его Джо. — Стюарт еще не вернулся!

В самом деле, мы только тут обнаружили, что среди нас нет молчаливого, замкнутого американца.

— Ждем пять минут, затем отправляемся на поиски! Мы нервно шарили глазами меж деревьев. Временами поглядывали друг на друга, пытались угадать, кто что думает.

— Где же Стюарт? Не попал ли в беду? Может быть, не следует так долго ждать?

— Далеко уйти он не мог, для этого у него было мало времени. Если бы он крикнул, мы бы услышали! — Трезвая логика Джо действовала на нас успокаивающе.

— Идет! — вскинул вдруг голову Танака. Маленький японец обладал удивительной чуткостью: он всегда все видел и слышал раньше других.

В самом деле, шелест листьев выдавал приближающегося. Мы поняли, что он идет безо всякой предосторожности, — значит, друг.

Тем не менее Джо уже держал наготове свой грозный и меткий нож.

— Никогда нельзя быть ни в чем уверенным! — только и сказал он, и мы сразу взялись за оружие. В конце концов, он прав: мы — партизаны на неведомой вражеской земле!

Явился Стюарт. Он был гол до пояса, а в рубашке тащил что-то на спине. Ноша, видно, была не из легких, он совсем согнулся под ней.

— Кроме камешков для сигнальных банок у меня есть еще кое-что, — загадочно улыбнувшись, сказал он. Потом, взяв рубаху за подол, приподнял и стал трусить. Из ворота посыпались твердые шарики.

— Плоды бархатного дерева! — воскликнули одновременно трое.

Мы очень обрадовались добыче. Спустя несколько минут уже резали твердые околоплодники и грызли вкусные, как орехи, плоды.

— Знаете ли вы, что по своей калорийности эти плоды почти равноценны шоколаду? — восторгался Хорст. Уроженец Берлина, он прежде работал техником в пищевой промышленности. Мы уже привыкли к тому, что он все съедобное расценивает по количеству содержащихся в нем калорий и витаминов.

Еще в первый день нашего пребывания в джунглях, когда мы наткнулись на пальму мирити и утоляли жажду освежающим соком, добытым из ее ствола, — божественный напиток! — он сообщил нам: «Пища — это целая наука! Пройдет несколько лет, и пищевикам придется кормить шесть миллиардов человек! — Он умолк, видно задумавшись над своей жизнью. — Я собирался стать инженером пищевой промышленности. Меня втянули в грязную историю. Пришлось перескочить в западный сектор. Останься я дома, меня непременно арестовали бы! — Он пожал плечами. — И вот я здесь!»

Необычные орехи нас здорово поддержали. Мы основательно подкрепились маслянистыми питательными ядрышками. Что не доели, спрятали в свои мешки. Завтра будет день и послезавтра тоже! А продукт этот не портится.

— А вот тебе и камешки! — Стюарт протянул Тудореску продолговатые, неправильной формы и очень твердые семена пробкового дерева.

— Отличная идея! — воскликнул наш «оружейник», бросая их в консервные банки. Теперь окружающее наш лагерь защитное устройство было окончательно готово.

— Стало быть, вопрос с витаминами у нас разрешился, остается добыть мясо, — заявил Джо. — Пошли со мной!

Эти слова были обращены ко мне. Я взял нож и последовал за ним.

— Хорошо бы поймать пекари! Если бы удалось отыскать тропу, по которой он ходит на водопой, мы бы вырыли западню на его пути. Эх, поросятинки бы! Какой сытный и вкусный завтрак вышел бы из этого зверя!

Вскоре мы обнаружили тропку. Человек вытоптал ее или зверь? Почва была утрамбована, это точно, но следов человеческих ног мы не обнаружили. Все же не мешало усилить осторожность.

На одной из веток висел покрытый серовато-бурой шерстью двупалый ленивец. Он даже не шелохнулся при нашем приближении, только уставился на нас своей омерзительной тупой мордой. Эта морда и ничего не выражающий взгляд вызвали во мне неопишное отвращение.

— Прихватить его с собой? А? — спросил Джо. Хотя он говорил громко, ленивец, казалось, вовсе не замечал нашего присутствия.

— Боже избави! Я тысячу раз предпочитаю есть орехи на ужин!

— Отчего? Говорят, он вкусный. Неужели тебе больше хотелось бы змеиного мяса?

— Оно тоже противное, но не настолько. Я содрогаюсь от одного вида этой твари.

— Чудак-человек! — засмеялся Джо, отходя от дерева в поисках палки. — Ну да ладно, нет так нет. Тем более что твои однокашники, наверно, тоже с предубеждением отнесутся к этому лакомству. Ничего, нужда еще может заставить всех вас отвратить и ленивца, как знать.

Но он все же не удержался и потормошил палкой неповоротливое существо.

— Вот у кого учиться хладнокровию! — указал он с почтением на ленивца, когда тот спокойно поднял потревоженную палкой лапу и невозмутимо передвинул ее на ветке: будет-де вам надосаждать мне.

— Ну, пошли, это не еда! — напомнил я своему командиру. Мне не терпелось поскорее уйти отсюда. Я содрогался при виде ленивца. Такую реакцию он вызывает у меня и поныне благодаря одной прочитанной еще в детстве книжке. Я сейчас уж не скажу, кто написал ее. Достаточно вспомнить, что ленивцы равнодушно и упорно влачат свое существование с самых что ни на есть древних, да, да, древних времен! Может, именно это и действует на меня отталкивающе. Морда ленивца напоминает мне человекообразную обезьяну. Ну предок мой да и только! И после этого ешь его! Конечно, это все глупости, но при виде ленивцев я не могу отделаться от подобных мыслей.

Мы порядочно уже прошли, когда тропинку вдруг перерезал ручей. Пожалуй, это была наша вода, над которой (в прямом смысле этого слова) мы разбили лагерь. Здесь, на счастье, мы наткнулись на след пекари.

— Ну, приятель, за работу! — распорядился Джо.

Нам предстояло тяжелое дело: надо было ножами вырыть большую, глубокую яму. Когда яма была готова, мы прикрыли ее ветвями. Я вытер пот со лба: «Ну, давай сюда, кабанчик!» Порядком утомились мы, что и говорить.

— Явится, это точно!

Уже было довольно поздно — нож, известное дело, не лопата, и мы провозились долго, хоть и спешили, — перспектива возвращаться в потемках была не из приятных. Ведь здесь недолго и заблудиться. А то еще нападет какая-нибудь кровожадная пума или ягуар!

Мы, разумеется, умели защищаться в единоборстве со зверем — этим искусством мы овладели на занятиях по изучению джунглей, — и все же сейчас не особенно этого хотелось: кроме ножа, при нас ведь ничего не было. Но если уж случится такая беда... что ж, тогда придется...

Мы прошли еще шагов сто, когда Джо, шедший впереди, внезапно остановился.

— Тсс! — прошептал он, обернувшись. Его поднятая рука также призывала к тишине.

Я остановился за его спиной. Стал искать глазами, что привлекло его внимание.

Тут до моего слуха донеслось уже знакомое шипение: оно походило на звук, издаваемый воинственно настроенным гусакком у нас дома.

«Балда ты! — выругал я себя. — Вечно у тебя твой край на уме!»

Я вглядывался в ближайшие деревья. Нигде ничего. И вдруг догадался. А Джо уже взволнованно шептал: — Смотри! Лесная черепаха!

Но теперь я и сам увидел ее. Это был на редкость крупный экземпляр. Вероятно, черепаха испугалась или просто впервые в жизни видела человека, так как таранилась на нас и шипела, но удирать почему-то не удирала. А зря!

— Вот и наш ужин! — задорно воскликнул Джо и добавил: — Надеюсь, сие кушанье угодит вашему изысканному вкусу?

Когда мы явились с черепахой в лагерь, нас встретили овациями. Рикардо, мастер по части экзотических блюд, приготовил и подал нам превосходный ужин.

Наполненный изысканными кушаньями желудок решающим образом влияет на общее самочувствие человека. И даже припустивший с наступлением вечера дождь не смог испортить нашего настроения.

— Палатки!

Спустя десять минут наш устроенный над ручьем приют был уже под крышей.

Вода в ручье, рокоча, уносила прочь, временами из нее выглядывала какая-нибудь любопытная рыба, чтобы осмотреть странные, не виданные доселе своды над водой.

Западня, сделанная с таким большим трудом, принесла нам разочарование. Утром мы нашли ее нетронутой и пустой.

Джо с кислой миной глядел в яму: напрасно он предвкушал аромат жареного мяса пекари.

Надпочвенный покров травянистых растений и подлесок были так густы, что непроходимым кольцом окружали нас. Сколько ни изучали мы рельеф местности, другого выхода, как вырубать себе дорогу шаг за шагом, не нашли.

Мы рубили толще руки лианы, цепкий кустарник. Шедший впереди через каждые полчаса сменялся; ни один из нас не мог дольше выдержать работу по прокладыванию дороги.

Жара была нестерпимая, вдобавок чаще после ночного дождя выдыхала густой тяжелый пар.

Мы уже совершенно выбились из сил, с нас градом лил пот, а питьевой воды нигде не было и в помине. И вдруг наш Ганс — удача продолжала, несмотря ни на что, сопутствовать нам! — увидел пальму равеналу. Она и напоила нас свежим, сладковатым соком. «Кровь» ее обильно текла в наши судки, утоляя жажду любого прохладительного напитка. И это еще не все: ароматные плоды ее — в виде полумесяца — напоминали бананы.

— Вот как заботятся о нас джунгли! — ликовал Джо, после того как наелся нежданно-негаданно привалившим лакомством.

«Интересный человек!» — думал я, украдкой разглядывая его смуглое с высоким лбом лицо и худощавую, но очень крепкую фигуру.

Джо всегда держался бодро и производил впечатление жизнерадостного человека. Самые большие трудности, так же как грозившие ему опасности, он принимал с пренебрежением. За всю дорогу он лишь раз казался мне расстроенным.

С тех пор как мы оставили в саваннах свои аккуратно сложенные стопкой парашюты, прикрыв их восконосными листьями пальмы карнауба, прошла неделя. Мы устроили привал. И, нужно заметить, очень кстати. Мы совершенно выбились из сил. По масштабу примерно установили, где находимся. Оказалось, можно себе позволить роскошь немного передохнуть. А тут еще глазам открылась замечательная полянка: ну как отказаться от привала?

Время шло к полудню. Мы решили расположиться тут до утра.

Койки подвесили к деревьям под естественной крышей из пальмовых листьев; брезентовые палатки нам котелось приберечь на случай дождя — дождь лил каждый вечер как по расписанию. Зато лес доставлял нам бесплатную «черепицу».

Словом, домашний уют был налицо. В котле у Рикардо, булькая, варился обед. Что до меня, я без особого вдохновения думал о предстоящей трапезе. Меню состояло из одного блюда: жаркого из ревуна. Делать было нечего, хочешь не хочешь обедай, хоть сельва и скуп в тот день угощала.

— Скажи, что ты, собственно, имеешь против моей стряпни? — задирался кубинец, видя мою брезгливую мину.

— О, против твоих кулинарных способностей ничего! — ответил я примирительно. — Просто материал, из которого ты ухитряешься...

— Ты просто глуп! Жаркое совсем приличное!

— Ну и ешь! — огрызнулся я. Обезьянье мясо было сладковато-приторным, и то, что мне удалось уже протолкнуть себе в горло, теперь просилось обратно...

— А я и ем! — ответил Рикардо и в третий раз взял добавку.

— Ну и на здоровье! — буркнул я, но, взглянув на нашего командира, прекратил пререкания. Он сидел напротив нас, улыбаясь, только чуть укоризненно покачивал головой.

На краю леса реял колибри.

— Самая красивая птичка на свете! — заметил Владек, наш немногословный, тихий чех. Он был старше всех нас, ему было уже лет под сорок. Крепкого сложения и нежной души человек, он прежде был преподавателем биологии в Праге. О себе он никогда не рассказывал, я же не мог представить, что именно привело его в наши ряды, настолько он не подходил для обстановки, царившей в войсках специального назначения. Но предъявляемым требованиям он отвечал, да и по физическим данным подходил.

Мы смотрели на живой цветок, опустившийся на дерево. Нам, одичавшим, приученным к безжалостности парням, иногда приятно было полюбоваться естественными перлами природы. Крошечная птичка сверкала драгоценным камнем. Спинка и грудь ее были зеленые, блестящие, живот белый. Хвостовое оперение также было белое, а в середине — сизое.

Птичка вдруг испуганно застрекотала и начала суетиться на ветке. Мы подумали, что она заволновалась, увидев нас.

— Ой!

Переглянувшись, мы взялись за ножи, даже не разобравшись, чей это был крик.

— Ой! — прозвучало еще раз, но теперь уже глухо, инстинктивно.

Стюарт, побледнев, растерянно поднял перед собой левую руку.

На мизинце рядышком огненно-красным цветом горели две капли.

— Вот она! — закричал не своим голосом Рикардо и указал за спину американца, где в траве, слепя пестротой, извивалась тоненькая змейка.

— Коралловая змея! — Лицо Джо так исказилось, будто змея напала на него и он оказался в смертельной опасности. Он выскочил вперед. В руке его сверкнул нож. Змея высоко вскинула свою красивую голову, тщетно пытаясь уклониться от удара ножа.

Когда Стюарта ужалила змея, он сидел на трухлявом пеньке и опирался на отведенную им назад левую руку. После первых минут испуга лицо его обрело свой обычный цвет, более того, оно стало красным, как та змея, которая, между прочим, и под вечер еще извивалась, облепленная крупными черными муравьями.

Американец знал, что у него осталось немного времени. В ту минуту, когда яд распространится, ему конец.

Он не стал раздумывать. Положил левую руку на пенек и одним ударом отсек свой мизинец. Его сжатые губы, решительное выражение лица свидетельствовали о том, что он и руку свою подставил бы под топор, если бы палец оказался недостаточно.

— Ну! — И он протянул руку с кровоточившей раной чеху.

Каждый солдат спецвойск приобретает во время обучения различным наукам все нужные знания, с помощью которых даже в примитивнейшей обстановке может обеспечить необходимые условия для поддержания существования или, скажем, заручиться расположением и доверием жителей данной местности. Так, по окончании курсов мы все стали, между прочим, и законченными фельдшерами, которые при необходимости могут оказать помощь даже при родах. Но пока что нашим «медиком», специалистом по здравоохранению, был Власек — у нас каждый член команды имел в чем-нибудь преимущество.

— Ну! — повторил Стюарт. — Сделай мне, что полагается. — На губах у него показалась кровь: он их сильно прикусил от боли.

Власек работал молча и быстро. Первым делом он ввел американцу морфий, затем продезинфицировал рану, чем-то посыпал и затем заязал.

Мы уже догадались, что Джо давно уже знает Стюарта. Поблажек он ему, правда, не давал, но было очевидно, что этих двух людей связывала особая дружба, начавшаяся, вероятно, еще прежде, во время их гражданской жизни. На высоком лбу Джо я единственный раз за три недели пути увидел морщинки, а под глазами глубокие черные круги.

Такова жизнь в джунглях: один день полон страхов, другой — приятно возмещает горечь предыдущего. Хоть участи Стюарта это не изменило, все же и он облегченно вздохнул, когда на другой день мы увидели довольно широкую, метров в пятнадцать-двадцать, речку.

Мы стояли на берегу словно зачарованные.

Вам, конечно, не понять, чем может быть удивительна речка. Самой водой. Стихией, являющейся здесь одним из необходимых условий существования.

С тех пор как мы покинули ручеек, жажду утоляли лишь соками деревьев. Мы истосковались по воде, самой лучшей и желанной влаге на свете!

Вот что означала для нас река. Но это еще не все!

Джо уселся на берегу, аккуратно пристроив перед собой увесистую дубину: из воды то и дело появлялись

противные пучеглазые головы кайманов. Разложив на коленях нашу карту и взяв в руки буссоль, он стал что-то вычислять.

Нам с речкой оказалось по пути! Можно было продолжить путь по ее течению!

— Ур-ра! — После стольких мытарств мы не смогли подавить крик восторга. Водный путь означал огромное облегчение!

— И поскольку название речки от нас скрыли, я предлагаю назвать ее Педро! — объявил Джо.

Мы радовались его выдумке и, смеясь, повторяли имя нашей крестницы-реки. Нас радовало и то, что к командиру вернулось прежнее бодрое настроение.

Мы занялись новым делом: подыскивали подходящие деревья и вклинивались ножами в их стволы, углубляя клинья до тех пор, пока подкошенное дерево не валилось от своей собственной тяжести. Бревна волокли к берегу. Укладывали их рядом, вплотную, пригоняя друг к другу толстые и тонкие концы стволов таким образом, чтобы ширина плота оставалась равномерной.

— Сейчас мы вырежем места для канатов, а вы — Танака, Рикардо и Власек — ступайте искать каучуковое дерево! — распорядился Джо.

— А для чего нам каучуковое дерево? — недоумевал Норман, третий наш американец. Кроме того, господствующую нацию представлял у нас еще один, четвертый, американец: то был Сэм, ленивый, презирающий всякую работу, мускулистый великан. Зато он шел на любые, самые опасные предприятия. Как-то позднее он даже спас меня от черного каймана. Но когда дело касалось более упорного физического труда, он всякий раз старался остаться в тени или попросту исчезал в чаще, не появляясь до тех пор, пока с делом не было покончено.

— Трех для этого не хватит! — отважился он возразить. И с такой мольбой взглянул на командира, что тот не утерпел и засмеялся:

— Черт с тобой, можешь быть четвертым!

— А что нам делать, когда мы найдем каучуковое дерево? — поинтересовался Власек.

Логичный вопрос.

— Добудете из него сок! Нам нужна будет натуральная резина!

Они удалились тихими, осторожными шагами. Это — особенность привычных к лесу людей, ведь каждый шаг здесь готовит что-то: или тебе добычу, или тебя в добычу. Осторожность никогда не помешает.

Мы уже почти закончили с плотницкой работой, когда те четверо вернулись. Складное ведро их было до половины заполнено.

— Коптить будем?

— Конечно!

— До обеда или после? — Можно было с закрытыми глазами сказать, что вопрос этот принадлежал Сэму.

— А ты уже делал сегодня что-нибудь? — поинтересовался Джо. Он соорудил строгую мину, но видно было, что вот-вот прыснет.

— Все это нес я! — Голос великана звучал так жалобно, будто его заставили тащить груз, который не потянул бы и слон. Он с обиженной физиономией показывал на ведро, весившее не больше четырех-пяти килограммов, разумеется, вместе с густым соком каучукового дерева.

Положение спас Рикардо. Он еще до этого поймал несколько рыб и тотчас же приступил к их приготовлению.

— Можно пообедать, если вы желаете! — объявил он.

Интересно отметить, что между ним и Сэмом завязалась тесная дружба.

Расторопный, подвижной кубинец и медлительный, как ленивец, янки прекрасно понимали друг друга.

— Ты уверен, что обед уже готов? — недоверчиво спросил повара Джо.

Он хорошо знал своих людей, поэтому вполне мог допустить, что Рикардо из желания выручить Сэма способен подать наполовину сырую рыбу.

— Святая Мадонна! Ты можешь еще сомневаться в этом! — Рикардо молитвенно сложил руки и поглядел на небо, как бы ожидая оттуда поддержку.

Он был отличным комедиантом и настолько входил в роль, что, упоминая святых, искренне верил в собственные слова.

После обеда мы закончили мастерить плот. Крепкими нейлоновыми веревками скрепили бревна. Те места, где веревкам грозило трение, залили соком каучукового дерева, изолировав их не хуже кабелей.

— Вот так! — Джо удовлетворенно оглядел наше произведение. — Но если эта махина, не дай бог, развалится посреди реки... бр-р! Пираньи в два счета покончат с нами!

Для наглядности он кинул в реку остаток рыбы.

— Ух, подлецы! — сплюнул он, увидев, как забурлила вода от почуявших добычу и тут же передравшихся из-за нее хищников.

Мы осторожно спустили на воду свой «транспорт». Он у нас получился внушительный, три метра в ширину и восемь в длину, и в то же время ладный, легко управляемый и сравнительно быстрый на ходу. В середине его мы построили шалаш, где помещались наши запасы да и самим нам можно было укрыться ночью от дождя.

— Ох ребята, попить бы! — скулил Норман, утирая свой взмокший лоб.

Мы в это время уже «полным вперед» плыли по Педро.

— Воды! Воды! А то я сию минуту погибну от жажды среди морской пучины! — шумел Сэм. Он никогда не упускал случая присоединиться, если речь шла о земных благах.

— Немного терпения! — успокаивал его Власек своим обычным тихим голосом. Дело в том, что очистка воды также вменялась в обязанности фельдшера.

В самом деле, не суетись мы так, давно бы заметили, что прибор для фильтрации у него уже в руках. А через минуту синим пламенем вспыхнул квадратик сухого спирта.

Спустя четверть часа Власек стаканом отмерял нам воду.

— Фу, какая гадость! — проворчал Сэм, держа опустошенный стакан так, будто собирался в расстройстве чувств швырнуть его в реку. Конечно, никто не боялся, что он это сделает. Он так же хорошо знал, как и мы, что не будет стакана — не из чего будет пить.

— Это оттого, что ты спешишь, жадничаешь! — мягко пожурил его Власек. — Теперь тебе придется ожидать следующей порции!

Он положил в наши судки по таблетке, от которой безвкусная и бесцветная жидкость обрела цвет и вкус. Мы пили с таким наслаждением, будто Власек угостил нас лучшим токайским вином.

Долгими сутками верно служил нам «Педро» — плот мы называли так же, как и реку.

Мало того, что он тащил нас на своей спине, он еще и обеспечивал нам питье и пищу: то удавалось поймать капибару, крупную, как добрый кабан, водосвинку, то на крючок попадалась двухметровая рыба-великан. Что не съедали, за пару часов провяливало солнце экватора. Так мы без труда делали солидные запасы продовольствия: тащить-то его на себе не надо было — это делал за нас «Педро».

Огнестрельным оружием мы не пользовались. Было запрещено приказом. Все необходимое добывали руками и смекалкой. За долгие недели учебы в аудиториях и среди природы мы овладели искусством довольствоваться тем, что может предоставить лес, болото, река, море, пустыня.

Лишь один раз было трудно устоять перед искушением.

Мы попали в пойму. Берег стал значительно ниже. Река Педро вышла из своего русла и затопила огромное пространство. Справа и слева, куда ни глянь, — вода и вода. Только по течению, несшему наш плот, и можно было понять, где река.

Так вот, из этого теплого болотистого мелководья поднялось вдруг огромное и мясистое, как вол, существо.

— Ламантин! — с благоговением прошептал Власек. — Это млекопитающее из отряда сирен. Говорят, будто встречаются и пятисоткилограммовые экземпляры.

— Да и этот не из маленьких! — вставил Рикардо.

Он решительно принимал на свой счет все вызванные чудесами джунглей возгласы и считал вполне естественным, чуть ли не собственной заслугой, что все самое достопримечательное джунгли демонстрируют именно нашей экспедиции. Он вел себя хозяином, показыва-

ющим гостям свои владения. Будто сельва — это гигантский заповедник, директором которого является он, Рикардо. Вначале меня злила и в то же время забавляла его чванливость, позднее мы все привыкли к поведению кубинца и не обращали больше на него никакого внимания. Это был махровый, до мозга костей, шовинист; если бы от него зависело, он бы сначала отвоевал Кубу у братьев Кастро, затем завладел континентом и присоединил бы его к Кубе.

— Врожденный диктатор! — определил как-то во время ссоры с ним Тудореску. — Жаль только, что он не глава государства, а просто рядовой американских войск специального назначения!

Как бы там ни было, а ламантину мы обрадовались.

— Слушай, подстрели его! — тихо, но возбужденно уговаривали мы Джо, поднявшего к плечу автомат, который всегда был у него на всякий случай наготове: приказ-де приказом, а потрошить себя, ежели наткнемся на недруга, мы, уж извините, не позволим!

Джо опустил оружие. Снова поднял, палец его лег на курок. Затем снова опустил.

Он так громко вздохнул, что даже ламантин вскинул голову и уставился на нас.

— Нельзя! Не положено!

На счастье, в самую трудную минуту единоборства охотничьего пыла и военной дисциплины мы вдруг услышали внятное, отчетливое:

— Ап! Ап!

— Водяная свинья! Капибара! — обрадовались мы.

Это был самый крупный из всех существующих грызунов. Мы тут же увидели ее коричневатую, переливающую в рыжий цвет шубку, всплывшую возле куста.

— Этой хватит и ножа! — У Джо загорелись глаза.

— Давай! Ты же мастер по этой части!

Что правда, то правда. Где ему удалось довести до такого совершенства свою ловкость в обращении с ножом, нам не было известно. Мы знали только, что Джо ни разу еще с тех пор, как мы вместе, не промахнулся.

Глупое животное, ничего не подозревая, стояло во весь рост.

— Я ее сейчас приволоку! — воскликнул Ганс и чуть было не полез в воду.

— Ненормальный! — Стюарт в последнюю секунду успел схватить его за руку. — А пираньи?

— Здесь их нет! А то бы они давно мutilили воду около капибары. Ну а на запах крови они бы непременно явились!

Мы чуть было не согласились с его доводами. Продвигаться на плоту и так было трудновато, мы не могли рискнуть выйти из русла реки.

— Ганс доберется вброд — и делу конец! Пусть Стюарт не заливает!

Но Стюарт настаивал на своем.

— А как же кайманы? — спросил он, указывая вдаль, откуда быстро приближалась, наверное, дюжина лупоглазых, страшных голов.

Застань они Ганса в воде, спасти его было бы не в наших силах.

— Вечно ты чего-то боишься! Уверю тебя, я давно бы уже проделал путь туда и обратно! — Ганс знал, что говорит нелепицу, но он не был бы немцем, если бы не настаивал на своем.

Кайманы тем временем подплыли совсем близко и так впилась своими буркалами в наш плот, что даже забыли про капибару. Их плоские головы никак не могли переварить, что это за движущийся остров со странными существами на нем.

Вряд ли приходилось встречаться им на своем веку с людьми. По-видимому, они приняли нас за животных, к тому же не обладающих ни рогами, ни клыками, а значит, беззащитных.

Так, вероятно, решила и та, ужасающая своими размерами бестия, которая внезапно вынырнула у края плота, подняв на него передние лапы.

Нам только недоставало, чтобы и остальные последовали ее примеру.

— Ух, чтоб тебя! — воскликнул Сэм, имевший особенность сразу оживать, как только пахло битвой.

Строя плот, мы одновременно изготовили и пару весел, одно — для гребли, другое — для управления. Каж-

дое в отдельности не уступало по своей толщине оглобле, в то же время превосходя ее длиной.

Одно из весел схватил и поднял теперь Сэм, намереваясь обрушить его на голову пресмыкающегося.

Уже половина туловища каймана была на плоту. Он разверз свою чудовищную пасть и, щелкнув зубами, захлопнул ее.

— Эта падаля, видно, неплохо играет в покер и отлично знает, когда прибегать к блефу! — проворчал сквозь зубы Джо, закладывая разрывную пулю в обойму.

Метровая пасть снова раскрылась перед нами. Зубы, вызывавшие в нас содрогание, скалились, грозили.

Сэм размахнулся и изо всех своих титанических сил всадил весло, будто копье, в глотку хищника.

Видели бы вы, какая началась тут свистопляска!

Смертельно раненный зверь зашлепал хвостом по воде, и на нас обрушился фонтан брызг. Река в мгновение ока вздыбилась, плот стало бросать вверх-вниз по вспенившимся волнам.

Двадцать минут продолжалась агония гигантского чудовища. К тому времени как оно испустило дух, капибары и след простыл. Ее растерзали кайманы. Видно, они определили, что нас проглотить им трудней.

— Не беда, зато нам воздаст сторицей этот здоровяк из крокодиловых! — Рикардо в восторге перешел в пляску индейцев.

— Чтоб тебе пусто было! Ну что распрыгался? — вспыла я.

Но меня разозлил не его буйный танец, а мысль, что он непременно сварит-таки эту гадину на обед.

Я ошибся лишь частично. Он приготовил не целого каймана, а только его хвост, который аккуратно отрезал, завернул в пальмовые листья и поджарил.

— На, ешь! — угощал он меня с искренним убеждением, что и другому должно понравиться то, что он сам считал лакомством.

— Забери ты эту гадость! — рявкнул я и достал из своего мешка сладкий плод пальмы папунка.

Джо наколол на свой нож кусочек белого, похожего на жареного судака мяса и протянул мне:

— Ну, пожалуйста, попробуй!

— Благодарю, уж как-нибудь проживу без крокодилового хвоста!

Он вышел из терпения.

— Значит, ленивца не хочешь, каймана не хочешь...

Однако ты разборчив! Такие у нас не выживают! Ешь! Приказываю!

Мне ничего не оставалось, как отвесть крокодила. Я не могу сказать, что это было невкусно. Но одно сознание, что я ем... Когда я прожевывал предложенный мне кусок, перед моими глазами маячила вынырнувшая из реки голова с выпученными на нас мерзкими стекловидными глазами.

Бр-р! Я пытался успокоить свой бунтующий желудок, умоляя его подождать, пока другие наедятся. Кончилось все же тем, что я помчался в дальний угол и склонился над водой...

Но Рикардо еще больше не повезло. Он объелся блюдом собственного приготовления, и у него расстроился желудок. Не прошло и часа после обеда, как он уже лежал под брезентом и стонал, словно собираясь отдать богу душу.

В нашей походной аптечке не оказалось лекарства от его недуга. Положение спас Джо. Несмотря на то что плот наш быстро шел по течению, он высмотрел на маленьком островке, мимо которого мы проплывали, ипекакуану. Из корней этого растения он приготовил столь зловонную настойку, что Рикардо, выпив ее, тотчас последовал моему примеру.

Первый и единственный выстрел принадлежал Андрашу. Об этом парне я до сих пор не упоминал, так как при всем желании не могу вспомнить о нем ничего примечательного. Он был тоже венгром. Я знал о его персоне лишь то, что он старше меня, родом из Сабольча и что отца его когда-то величали уездным начальником.

Вступал в разговор он редко, а когда говорил, то исключительно о том, кем был его отец. Андраш был мрачен и нелюдим. Этим он отличался от Стюарта и Власека, которых при всей их замкнутости нелюдимыми никак нельзя было назвать.

Андраш все приказы выполнял беспрекословно. Обладая весьма скудными умственными способностями, он преодолевал теоретический курс лишь благодаря своей железной воле. Зато он имел подходящие для практических занятий физические данные. И это его вывозило. Темнокожему половецкому лицу его была чужда улыбка; даже Джо считался с его угрюмым характером и не шутил с ним. Дело в том, что Андраш, находясь с нами, собственно, отсутствовал. Наши командиры считали его абсолютно благонадежным, мы видели в его лице верного товарища, который не подведет в беде, но неприятного, навещающего тоску спутника.

По нашим расчетам, нас отделяли от конечной цели примерно три дня пути. Мы усилили свою бдительность и продвигались с невероятными предосторожностями. Джо сказал, что мы сможем, если все будет благополучно, еще одни сутки провести на волнах Педро, а потом нам придется расстаться с рекой и продолжать путь пешком.

Лес густел. Пойма осталась позади. Чаща теперь подступала к самому берегу реки, деревья здесь омывали свои ноги.

Двое из нас постоянно несли вахту. Сидели они на носу и на корме плота, один следил за правым, другой — за левым берегом.

— Мы не можем рисковать сейчас, когда цель близка! — высказал Джо вслух свою мысль. И мы все были такого же мнения. — Уж ежели нам до сих пор сопутствовала солдатская удача, да не покинет она нас теперь, когда мы почти у цели, да ведет вперед наши умы и сердца!

Его слова были встречены всеобщим одобрением. Если и до сих пор нужны были сообразительность и отвага, то теперь эти качества ничто не могло заменить.

По всякому поводу мы проверяли свое оружие. Это не означало, что раньше мы плохо ухаживали за ним: просто теперь нам следовало действовать с исправностью часового механизма. То есть... сравнение это не совсем удачное. Часы могут отстать, даже остановиться; наше же оружие не имело права спешить, отставать, давать осечку!

Норман сидел на корме, Андраш — на носу плота. Спускались сумерки.

Течение стало ослабевать, значит, река текла теперь по более ровному руслу.

Хорошо помню: я валялся в шалаше и мысленно писал письмо Магди — на самом деле писать было запрещено, да и куда бы я дел свою корреспонденцию?

Мы уже отвыкли от выстрелов; тем сильнее встревожил, испугал нас раздавшийся вдруг залп. В миг мы были готовы к бою и держали автоматы наперевес.

— Тысяча чертей! — проворчал Стюарт. — Надо же было провалиться в самом конце путешествия!

Выстрел раздался с носа плота, туда мы и кинулись. Прибежал и Норман с кормы. На носу с хладнокровным видом сидел Андраш, с автоматом на коленях.

— Что случилось? — Джо подошел к нему вплотную. Он нервничал, кусал губы.

— Докладываю, что в кустах скрывался индеец. Я его застрелил!

— Это было опрометчиво! — пробормотал Власек. Андраш посмотрел на него.

— Пусть это решает командир! — Он больше ничего не сказал, только глаза его метали молнии.

— Не спорьте! — сказал Джо. — Может быть, через несколько минут все племя полезет на нас. Не исключено, что они натравят на нас контрразведку противника!

— Нет! — заявил Андраш.

— Почему? — с любопытством спросил Джо.

— Он был один. Будь их больше, в нас уже полетели бы стрелы.

Это был логичный довод. Джо тут же успокоился.

Я не без удивления заметил, что он гораздо меньше внимания уделяет прибрежному краю леса, чем этого требовала обстановка.

Несколько минут он, сморщив лоб, раздумывал. Меня удивляло его поведение. До сих пор я считал Джо умным, решительным вожаком; я и теперь ждал от него звонкую команду. А он вместо этого мешкал, о чем-то размышлял.

— Конечно, вполне может быть, что он не один околачивался тут, а вдвоем, и второй побежал поднимать

племя на ноги. Возможно и то, что он был в составе сторожевой службы и его направили на розыски именно наших групп. Шпионами наполнена земля! Быть может, какая-нибудь наша группа попала в ловушку... кто знает? Нам остается одно: высадиться. Мы должны осмотреть место происшествия.

Последнюю фразу он уже произнес с прежней твердостью.

— Сэм и Тудореску! На весла! Причаливаем!

— Танака, Рикардо, Мадяр! В разведку! Осмотреть окрестность! Мы же, остальные, будем прикрывать вас! Выполнять!

Не успели мы подумать над приказом, как стукнулись о берег. Мы кинулись к деревьям. Каждый высадившийся слился с каким-нибудь стволом. Моя тревога прошла. Мне вернули уверенность короткие, хлесткие слова команды снова обретшего свою решимость Джо.

Лес встретил нас тишиной. Лишь черная птица-муравьед встрепенулась при нашем появлении и перелетела на другую ветку. Ее огненно-красные глаза с любопытством поблескивали. Она нас не боялась. А разглядев как следует, вообще преспокойно отвернулась и стала искать себе пищу.

У нас от души отлегло. Хоть мы и были неустрашимыми, но все же нам стало не по себе в незнакомой чаще, да еще такой, где любая ветка и куст могли скрывать стрелы и оружейные стволы. Повадки птицы, однако, успокоили нас и на этот счет. Мы поняли, что одни.

Осмелев, я бодро зашагал к тому месту, где должен был находиться пристреленный индеец.

Зашагал?! Легко сказать! Да ведь каждую пядь пути в лесу, сплошь заросшем травянистыми растениями, приходилось с огромным трудом отвоевывать у природы! Притом не могли же мы полностью доверять, рискуя жизнью, инстинктам птицы. Надо было принимать меры предосторожности, не забывать о хищниках и змеях. Разве мы были гарантированы от того, что с какого-нибудь сука не свалится нам на шею копыеголовая, устрашающая куфия, чей яд действует мгновенно, или мы не нарушим покой какого-нибудь великана удава.

Сначала мы нашли тропу, проложенную к берегу обнаружившим нас человеком. Она и привела нас к нему самому. Он лежал на маленькой лужайке лицом вниз, в позе человека, греющегося на солнце. На спине его не было видно следов ранения, только капли крови говорили о трагизме этого покоя.

Танака обошел поляну, тщательно осмотрел все, вплоть до листьев и веток кустов, не носят ли они на себе каких-нибудь следов присутствия человека. Надо было установить, один ли пришел сюда этот индеец.

— Нигде ничего! — объявил он, довольный результатом своего кропотливого труда. Его, по-видимому, успокоило то обстоятельство, что самое страшное, то есть организованное преследование, нам не угрожает.

Мы вдвоем с Рикардо занялись трупом. Убитый был индейцем, к тому же представителем одного из самых примитивных племен. Руки и волосы его были украшены лентами. Белыми лентами с веселыми желтыми полосками. Рядом с ним опрокинулся туесок, в траве барахтались несколько рыб, ловя ртом воздух. Очевидно, они предназначались для семейного обеда.

Мы повернули тело на спину. Пуля прошла через переносицу. Вероятно, она столкнулась со скулой и, проехав по ней, проникла в мозг, где и застряла, так как место вылета ее мы не обнаружили. Мне пришла в голову нелепая мысль: я представил себе недоумение зверей, любителей падали, когда они найдут в середине мозга стальную «косточку». Я прямо-таки не в силах был отделаться от этого дикого образа, который настойчиво преследовал меня.

— Он пришел сюда, чтобы поохотиться! — Голос Рикардо вернул меня к действительности.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю их обычаи! — И он указал на лицо покойника. — Когда индеец готовится к единоборству со зверем, он красится.

— Значит, мы убили невинного человека! — вырвалось у меня, и я тут же пожалел об этом. Но слово не воробей, вылетит — не поймаешь...

Рикардо в недоумении уставился на меня.

— Какой ты странный! Считаешься лучшим курсантом, а закатываешь глаза, как невинная девица.

Начни я сейчас объяснять ему, что в «лучшие» меня вывела погоня за карьерой, но что *любой* ценой добиваться ее я все же не намерен... что подобный шаг может оправдать только самозащита... до него не дошли бы мои слова, и это неудивительно: ведь наши курсанты давно уже перешагнули через подобные понятия. Нас готовили для нападения, для того, чтобы ради так называемой высшей цели мы беззастенчиво убивали. А это то, с чем я не могу согласиться!

На мое счастье, насмешливый взгляд его меня отрезвил, и я воздержался высказывать прочие свои мысли. Ведь жизнь и мне была дорога.

Я только ответил ему:

— Если нужно и оправдано — это другое дело, но бессмысленное убийство не может быть нашим методом! Не забывай, что в наш метод входит и снискание расположения населения!

Это была удачная уловка, Рикардо умолк, он не нашелся, что возразить.

— Пошли, — сказал японец, стоявший рядом со мной и молча слушавший наш спор.

О погребении не могло быть и речи: зачем? За нас поработают хищники.

Мы еще раз оглядели все вокруг — не упустили ли чего-нибудь существенного, не осталось ли что-то незамеченным — и пошли к плоту.

Мы сделали всего несколько шагов и остановились как вкопанные.

Неожиданной галлюцинацией раздался звонкий, пронзительный звук.

«Что это, кузница? Здесь?!» — спрашивал я себя. Я видел, что и мои спутники испуганно прислушиваются.

Невидимый кузнец бил по наковальне ритмично, с равными промежутками.

— Да это птица-звонарь! — И кубинец указал вверх. По его голосу я понял, что он уже немного отошел после испуга.

На вершине одного головокругительно высокого дерева сидела птица со слепящим белизной оперением. Теперь уже и мы с Танакой распознали милую обманщицу тропиков.

Успокоившись, мы двинулись дальше.

Птица меж тем меняла свой репертуар. Над лесом загудел колокол. Он заливался то тонко, пронзительно, то глухо, рыдая над деревьями, кустами и покойником, лежавшим навзничь и глядевшим уже матовыми глазами на зеленый шатер леса, который он покидал навсегда. И который оплакивал его.

Я скрывал свою горечь, но самобичевание стискивало мне горло.

Глава десятая

Плен

В то время как члены нашей группы отнеслись к смерти индейца совершенно равнодушно, у меня из головы она не выходила. Я снова задумался о своей судьбе, о будущем. Не хотелось бы остаться недопонятым вами: в бою я мог бы быть беспощадным, но так... при таких обстоятельствах, ради заведенных кем-то волчьих законов?.. У того человека, быть может, была жена, дети, ожидавшие его возвращения...

Что натолкнуло меня на подобные мысли, я и теперь не могу уяснить себе. Может, врожденный страх перед кровопролитием? Или воспитание, полученное дома? Или же одно из прочно усвоенных правил нравственности: быть нетерпимым к несправедливости? А может быть, моя горестная юность, шопронский дворник-обидчик, парень, отбивший у меня Ютку, предмет моей первой любви? Я искал ответы на эти вопросы, но не находил. Одно было очевидным: все, чему я научился на курсах спецвойск, сразу сошло с меня как с гуся вода. Убивать-то я умел, но желания убивать у меня не было ни малейшего.

Джо слегка просчитался, и мы лишний день могли пользоваться услугами Педро.

Но вот наступила наша последняя ночь на берегу реки. Ребята, кажется, были совсем спокойны. Кроме меня и Власека, пожалуй, никого не волновало, что ждет нас впереди. Танака, Тудореску, Ганс, Андраш, Рикардо — в общем, кроме нас двоих, все превратились в суперсолдат, слепо выполняющих приказ. О, они выполнят его! Выполнят, если даже им прикажут высадиться на болотах, где кишмя кишат кайманы!.. Выполнят, если нужно будет пристрелить мирного индейца, ловящего рыбу!.. Выполнят, если надо будет пристроить кусочек взрывчатки Си-5 в рабочей столовой или, скажем, в одном из цехов Ясбереньского прокатного комбината!..

Меня, как я уже говорил, эта история с индейцем совершенно выбила из колеи. Я был в смятении. Внешне, разумеется, я сохранял спокойствие: мы хорошо научились (нас научили) владеть собой. Умелый диверсант должен быть и неплохим актером! Власек тоже не выказывал своего отношения к происшествию; он сделался лишь еще молчаливее. Но я инстинктивно почувствовал, что мы оба думаем об одном и том же.

— Ну, ребята, давайте прощаться! — весело заявил Джо, когда мы по истечении последнего дня плавания, подарив Педро наш плот, собрались на суше.

Мы в недоумении уставились на него. «Не иначе, как Джо спятил! Можно ли в здравом уме такое сказать!» — подумал я, но и на лицах остальных можно было прочесть ту же мысль.

Мы стояли на полянке близ реки. Свои убогие пожитки подвесили на ветки, чтобы муравьи, почуяв запах сушеного мяса и ремней, не облепили их мигом. Нигде и в помине не было признаков цивилизации, а Джо...

— Скажи, старина, не объелся ли ты, часом, той рыбы, что с вечера оставалась? — любопытствовал Рикардо, обратившись к командиру с несвойственной ему нежностью.

— А что такое? — удивился Джо.

— Да так... просто думал, ты того...

Мы ждали, что Джо подскочит и швырнет в него чем попало. Мы знали его как человека быстрого на руку, когда дело касалось нарушения дисциплины. Но, вместо того чтобы расправиться с Рикардо, он залился смехом.

— Вот вы о чем! Значит, решили, что я...— Он не мог договорить, его сотрясал смех. Наконец он взял себя в руки.— Нет, голубчики! Тут другое,— и он достал из нагрудного кармана сложенный конверт, где хранился приказ.— Слушайте! Согласно врученной мне инструкции, я даю вам следующее задание, оно и является итоговым. Операция «Белый Тату» была учением в обстановке, создающей полное ощущение боевой. До сих пор, ребята, вы были поистине мужественны! Но самое трудное еще впереди! Отсюда вы должны добраться...— в руках Джо снова появилась карта,— вот сюда! Видите? Это примерно в четырех днях пути отсюда. Достигнете конечного пункта, а там вас уже ожидает уют. Но...— Он умолк и стал испытующе разглядывать нас.— Восстановите в своей памяти все, что вы проходили о допросе при поимке! Вам предстоит миновать три очага сопротивления, отстоящих один от другого на расстоянии одного дня пути. Кого поймают, тому несдобровать!

С тех пор как нам открыли назначение нашего путешествия, у меня из головы вообще не шел образ убитого индейца.

В ушах отдавался колокольный звон, производимый птицей-звонарем, перед глазами мелькала игривая полосатая ленточка в черных волосах.

О небеса! И это ради учебного похода? Так просто, из-за ничего?..

— Ты хочешь что-то сказать? Давай выкладывай! — обратился ко мне Джо.

Я знал, что совершаю промах. И все равно не стал таиться.

— Меня занимает индеец. Спрашивается, для чего понадобилось его убивать? Ведь, в сущности, он такой же человек!..

Джо прищурил глаза.

— Я тебя не понимаю, Фрэнк! Что-то ты мне не нравишься! Мы не будем няичиться с кисейными барышнями! И главное, кто! Первый из первых в школе!..

Его слова как бы вторили мнению Рикардо. Я чувствовал, что должен дать объяснение, иначе наживу беду.

— Слушай, Джо! Ты, мне кажется, мог получить обо мне за время пути вполне ясное представление...

— И еще до этого, благодаря твоей характеристике!

— Но в пути тем более! Если дан приказ, я его вполне не рассуждая! Посмей кто-нибудь стать на нашем пути, я с ним мигом разделаюсь! До этой точки — порядок. Война есть война. Наша война — война особая. Но во время маневров, так просто, упражнения ради... Ты ведь знал, что это наше путешествие предпринято не всерьез?

Выражение лица у Джо смягчилось. Взгляд стал даже добродушным. Он очень серьезно посмотрел мне в глаза и положил руки на мои плечи.

— Я-то знал, а вот Андраш не знал. Он должен был стрелять. А мертвеца уже все равно нельзя было воскресить. И я смолчал. Сделать выговор твоему соотечественнику, поступившему умно, в соответствии с предписанием? Ты ведь знаешь наше правило: нигде не оставлять живых свидетелей. Тогда ты не провалишься, не погибнешь, выполнишь задание. В ином случае навряд ли тебе будет сопутствовать удача.

«Но ведь это был только учебный поход, Джо!» — хотел я возразить. К счастью, я заметил, что он зорко следит за тем, как я реагирую на его слова. Я знал, что хороший курсант должен хорошо играть. И я сыграл. А он окончательно успокоился и повеселел.

— Операция «Белый Тату», понимаешь ты, точь-в-точь как настоящие боевые действия. Скоро вы убедитесь в этом на собственной шкуре. Наш поход должен был быть по плану совершенно секретным. Индеец наткнулся на нас; желая того или не желая, он мог нас разоблачить. Во время настоящего боя это влечет за собой смерть, во время учебы — снижение оценки. Так для чего нам рисковать как в том, так и в другом случае? Правда, по-моему, было бы целесообразнее, если бы Андраш вышел на берег и, подкравшись к непрошеному свидетелю, беззвучно обезвредил его...

«Господи! Да этот тип протестует всего лишь против метода убийства, а не против самого факта!» В тайнике души, где я накапливал материал, оттапливающий меня от них, одним доводом стало больше.

— Не было времени! — вмешался Андраш. — Звук выстрела либо привлечет его соплеменников, либо нет. Но живой человек всегда выболтает!

— Правильно! И поэтому тебе не влетело за твой щелчок! Так или иначе, индеец должен был умереть! Ты посуды сам, Фрэнк, один индеец отдал свою жизнь, зато двенадцать отборнейших солдат овладели наукой! Цивилизованный мир только выиграл от этой сделки!

— Я понял! — вскричал я, словно освободившись от большой тяжести. Таким возгласом человек дает волю теснившему до этого его грудь страданию.

Джо с довольной улыбкой смотрел на меня.

— О'кэй, парень! А то я уж было начал волноваться. Вот видишь, как хорошо, что ты доверился мне и поднял эту проблему! Выяснили — и точка!

Выяснили. А шипы-то еще глубже вонзились в мою душу.

Вам, вероятно, приходилось слышать об обезболивании родов. В недавнем прошлом на эту тему много писали и говорили. Ну так вот, обезболить роды нельзя, но боли можно облегчить при правильном поведении и дисциплинированности роженицы.

Здесь простая психопрофилактика: слабонервные люди, в особенности дети, с содроганием думают об уколе или прививке.

Само по себе болевое ощущение с момента укалывания, нанесения царапины незначительно в сравнении с пережитым за минуты ожидания страхом.

Вы спросите, какое отношение имеет все это к моему повествованию? Сейчас вам станет ясно.

В один из ранних периодов нашего обучения, задолго до того как на нас возложили операцию «Белый Тату», нам основательно и долго говорили о том, каков вражеский плен и как, каким образом следует вести себя в случае провала.

Наши преподаватели охотно прибегали к демонстрации кинофильмов как средству воздействия. Узкая целлулоидная лента, действуя одновременно на зрительный и слуховой органы, показывает и рассказывает.

Она подменяет переживания наяву, проникает в мир чувств. При этом фильм «терпелив», хорошо поддается формовке, нужны только умелый режиссер, оператор и подходящие для каждого случая действующие лица.

Конечно, и это я осмыслил лишь позднее, перебрав в уме прошедшие годы, память о которых и поныне терзает меня бессонными долгими ночами. Когда в Форт-Браге нам показывали подобные картины, меня бросало в жар, я скрежетал зубами, молился, чтоб никогда не попасть в руки врага, которого я ненавидел, хоть и не знал, где он и кто он.

Преподавали нам офицеры Си-Ай-Си.

— Главный наш враг — коммунизм, — разглагольствовал лектор. — На свете, к сожалению, имеется довольно много коммунистических стран, от Чехословакии до Китая. Уже и на наших берегах появилась одна — я имею в виду Кубу. И в Африке многие государства настроены благожелательно к коммунистическим странам, а то и примыкают к их лагерю. Вам придется повозиться с угнетенными странами и вразумить их — ради того, в конце-то концов, с вами тут проводят занятия, это будет вашим боевым заданием. Запомните: у суперсолдата никто никогда не должен дознаваться об обстоятельствах его переброски и ее цели, об именах, адресах связанных с ним лиц и их задании. Основа вашей деятельности — секретность, соблюдение ее — важнейшее условие!

У лектора было неглупое лицо, строгий взгляд. Этот офицер во многом напоминал мистера Раттера. Правда, он выглядел несколько старше, зато казался суровее и жестче. Говорил он настолько тихо, что на его лекциях нам приходилось напрягать слух. А свои наставления он складывал из холодных слов, точно из ледяных кубиков.

— И хорошенько запомните следующее: кого пытаются, того убивать не намерены. А отсюда — один из более полезных советов, какие я могу дать вам: когда вам будут грозить смертью — не сдавайтесь, ведь вы должны знать, что из мертвеца ни слова не вытянешь. У вас захотят выудить ваши секреты, поэтому смерть вам не грозит. И еще вы должны запомнить: для противника ваша жизнь имеет значение только до тех пор, пока у вас есть тайны. В ту минуту, когда вы их выдали, — все...

вам конец! Но только тогда, только в этом случае! Молчать — значит жить! Вы меня поняли, не так ли?

Перед нами нестрели кадры фильмов. Теперь они вторгались в наше сознание, достигая цели чуть ли не с математической точностью и не менее изощренно, чем предшествующие, подготавливавшие нас духовно к подрывной деятельности.

Эти фильмы также начинались с эпизодов второй мировой войны. Используя заснятые немцами и американцами кадры, они показывали нам все самое страшное, что можно сделать с человеком. Фашисты действовали зверскими методами, и это сомнений не вызывало. Но какое у нас было основание не верить в то, что и на допросах в следственных органах стран советского блока применяются подобные же методы? Ведь в конечном-то счете каждого из нас, пожалуй, привела в Америку неприязнь к социализму или, точнее, приверженность буржуазным порядкам. Вот мы и верили во все виденное на экране: вера эта еще тогда начала укрепляться в нас, когда мы шли к границам. В общем, демонстрируемые нам в качестве учебного материала картины мы считали абсолютно правдивыми.

На экране — Корея и Вьетнам. Вьетнам, конечно, коммунистический. Конголезские события были еще в разгаре, но в нашем распоряжении уже имелась копия фильма о жестокостях приверженцев Лумумбы. Должен сказать, я видел ужасающие вещи. Мне и не снилось, что часть кошмаров, виденных на экране, придется когда-нибудь пережить наяву. И совсем при иных, непредвиденных обстоятельствах, ничуть не похожих на те, о которых нам говорили наши преподаватели.

Все эти фильмы именовались документальными, и им должно было слепо верить! Но попадались и так называемые реконструктивные фильмы, изготовленные в лаборатории Си-Ай-Си на основании рассказов перебежчиков, главным образом из Венгрии. И было в них все что угодно: начиная от пыток электрическим током и кончая мясорубкой, перемалывающей людей живьем. Здесь были собраны и наглядно показаны все существовавшие когда-либо легенды о самых жутких способах истязания.

Можно не добавлять, с каким чувством покидали мы после этих кинофильмов помещение клуба. Мы были подавлены, нас угнетало сознание того, что все виденное нас же и ожидает впереди: нечего сказать, перспективы! Режиссура в то же время не преминула позаботиться о воспитании в зрителях решимости, отваги и ненависти к врагу, который страшен, беспощаден и жесток.

— Приходится лишь жалеть те народы, чьи правители подобным образом узаконили злодеяния! — подчеркивал наш преподаватель. И мы, боясь за себя, чувствовали сострадание к другим, переживали за угнетенных и готовились к возмездию.

Врач-психиатр, читавший заключительные лекции, прибегал к хитроумным, хоть и не новым приемам.

— Вам приходилось когда-нибудь испытывать боль, не правда ли? Боль бывает иногда сильней, иногда слабей. Штука эта, разумеется, неприятная. Но если подумать хорошенько, то выходит, что чувство страха перед болью сильней и тяжелей, чем сама боль, верно? Удаление зуба длится тридцать секунд. Сидеть же перед тем в приемной врача приходится, бывает, по полтора-два часа. Сколько раз успеет пациент за это время мысленно пережить боль удаления? Когда вы попадаете в плен, происходит то же самое, только чуть в большей степени. Ведущие допрос будут стараться усугублять ваши муки психическим воздействием; вы сто раз переживете мысленно ту боль, которую почувствуете только раз.

Никому из нас не хотелось попадать в плен, но мы жадно ловили каждое слетавшее с его уст слово, будто от этого зависело наше спасение.

— Главное, не бояться. Это наиболее эффективная самозащита! — продолжал врач. — Плюньте на разные там запугивания! И вы увидите, все неприятности сразу же станут более терпимыми. И боль имеет свою степень. У нее тоже есть так называемый *superlativus*, то есть предел! Тело истомлено, оно цепенеет, теперь уже с ним могут вытворять все что угодно: больше оно не болит. Надо только уметь продержаться до той минуты!

Нас познакомили и с другого рода пытками, более утонченными, чем физические истязания. Тут использо-

валось все: и заманчивые обещания, и человеческие страсти, и тоска по семье.

Но удивительней всего было то, что они даже не упомянули о тех вещах, которые мне много позднее пришлось увидеть собственными глазами в концентрационных лагерях Южного Вьетнама. Умолчали также и о французских парашютистах, хотя о них в то время много писали в газетах. Мы же не спрашивали. Отчасти потому, что были безразличны, отчасти потому, что знали: спрашивать об этом бесполезно.

Вот что было у меня — да и, наверное, у каждого — на уме, когда Джо, разделив нас на пары, разослал в различных направлениях.

— Ну, что ты скажешь? — обратился ко мне Сэм. То, что было у него на душе, да и на лице, тоже едва ли походило на вдохновение. В сказанных им словах сквозили злорадия и подавленность.

Я больше всего остерегался сейчас попасться ему на удочку. Я чувствовал, что-то мне подсказывало, что возникшую у Джо подозрительность в отношении моей персоны мне не удалось полностью рассеять, и Сэма он выделил мне в напарники для контроля. И на его вопрос я ответил соответственно:

— Ты по поводу предстоящего? По-моему, интереснейшее дело! Достойное нас! Послушай, старина! Если нам это удастся, то ни один солдат на земле не сможет с нами тягаться!

Чем больше распалялся я, тем кислее становился Сэм.

«Видно, коту сало доверили!» — подумал я, но откровенней не стал: слишком обжегся я уже на этих разговорах «по душам».

В первый же вечер мы чуть не попали в западню. Солнце заходило за кронами деревьев. Каких-нибудь полчаса — и на нас камнем падет тропическая ночь.

— Пора бы подумать о ночлеге, — проворчал американец, который охотней всего тут же улегся бы в свою подвесную кровать.

— Что ж, найдем подходящее место и будем устраиваться!

Как старшему по званию, мне было вверено командование. Я согласился с Сэмом: ведь если нас, неподготовленных, настигнет темнота, то в лучшем случае мы сможем отдохнуть лишь на суку какого-нибудь дерева. А это ложе не из удобных, что и говорить, к тому же ненадежное. Множество пород змей именно ночью отправляется на охоту; у веревок подвесной кровати змея остановится, вспугнутая непривычным запахом материала, но сук — часть ее царства. Уж там она вонзится в тебя свое жало, в особенности же если застанет врасплох, спящим. Но тем не менее я злился на то, что Сэма посадили мне на шею в качестве контролера. Я то и дело принимался дразнить его.

Он ничего не возражал, только бурчал что-то.

Я продолжал поддразнивать своего спутника, и это могло бы худо кончиться, если бы перед нами не появился вдруг майконг — я запомнил это название шакала во время гватемальских маневров.

Он удивленно гладел на нас. Мы же следили за ним. И так несколько минут. Запах какого-то растения, видно, раздражал нос Сэму, потому что он негромко чихнул. А шакал так испугался, что пустился наутек.

Однако вместе с тем он оказался нашим ангелом-хранителем. Пробежав несколько метров, он вдруг неистово завыл. На миг остановился и, смочив языком лапу, провел ею по морде. После этого тряхнул шкурой и еще стремительней помчался прочь.

— А это что еще за чудеса? Что с этой тварью? — удивился Сэм.

Я почувал недоброе.

— Пойдем посмотрим! — стал я уговаривать его. Он нехотя поплелся за мной.

Когда мы обнаружили обрывки сплетенной из тончайших металлических нитей сети, я тотчас понял, в чем дело.

— На дерево! Живей! — крикнул я своему напарнику.

Он меня удивительно быстро понял. Точно преследуемые, стали мы взбираться, помогая друг другу,

на ближайшее высокое, как колокольня, муравьиное дерево.

Мы ловко замаскировались среди ветвей, пристроившись на толстом суку. Сэм перестал ворчать; едва дыша, он сидел подле меня, как испуганный мальчуган.

Только мы устроились, как лес ожил. Сначала дюжинами замелькали карманные фонарики, затем лес стали прочесывать огромной силы прожекторы.

Мы замерли, боясь дышать.

Под нами, среди деревьев и кустов, появились люди в знакомой форме «эм пи».

Военная полиция США в джунглях Южной Америки! Ну и что же? Ведь и мы тут, суперсолдаты группы войск специального назначения.

По меньшей мере полтора часа рыскали «эм пи», тревожа лесную глушь. Еще хорошо, что они не догадались посмотреть вверх.

Наконец «эм пи» убралась восвояси и вокруг нас восстановилась тишина.

— Ну, братец, на этот раз нам удалось выйти сухими из воды! — сказал я, и мы оба облегченно вздохнули.

Ночь пришлось коротать на ветвях. Да и куда мы могли податься в этой крошечной тьме?

Утром мы проснулись разбитые, несмотря на то что все же как-то спали. Ощущая боль во всем теле, мы спустились с дерева, которое, хоть и спасло нас, но так плохо приютило! Сделав огромный крюк, мы обошли каверзанное место. Но этот случай напомнил нам о том, какие опасности подстерегают нас на пути, и еще больше заострил наше внимание.

В полдень мы позволили себе заслуженный отдых. Он нам, замечу, очень был нужен. Позади остался трудный день, а предстоял еще трудней.

Сэм убил змею неизвестной нам породы. Мы ее поджарили и съели. Я, как уже говорил, такого рода жаркому не отдавал должное, но на безрыбье, как говорится... Дело в том, что попытка поймать что-нибудь на удочку около заболоченного кругом озера не увенчалась успехом. Закидывать удочку можно было только с единственного места, стоя на стволе гигантского свалившегося дерева.

Я скорее, чем Сэм, покончил с обедом, так как съел меньше приготовленного «лакомства». Пока мой спутник доедал змею, я взял удочку и решил еще раз попытаться поймать что-нибудь. Но моя попытка опять не дала результатов. Не видел я тут даже мальков, не говоря уже о крупной рыбе.

Я осторожно стал сползать со ствола дерева, не испытывая ни малейшего желания, поскользнувшись, плюхнуться в болото. Меня ни сколько не прельщала встреча с американскими крокодилами — эти окаянные отродья без конца показывались на поверхности. Уверю вас, мне меньше всего хотелось столкнуться с ними тут, в этой топи. Но человек именно тогда и попадает в беду, когда больше всего ее остерегается. По крайней мере так получилось со мной.

Я уже почти достиг твердой безопасной почвы, когда до моего слуха донеслось тоненькое, слабое мяуканье.

Кошка? Здесь?

Как это ни странно, но это был именно писк котят. И он снова раздался. Судя по звуку, котят было несколько.

«Ну, это нужно посмотреть», — решил я.

Писк доносился из-под ствола, и я пошел туда. Я рассчитывал найти потомков лесного кота, хотя на болоте это диковина. Каков же был мой ужас, когда, заглянув под ствол, я увидел там детенышей каймана.

«Это, безусловно, удобоваримей змеятины!» — тут же подумал я. Эта мысль навела меня на другую: похитить, забрать одного, самого юного каймана.

«Ох, будь осторожен!» — нашептывал мне внутренний голос.

Но я опоздал и с тем и с другим — и с осторожностью и с похищением.

Сбоку, совсем близко от меня, зачавкало болото. Поднявшийся на поверхность кайман впился в меня выдуленными глазами. Он был по меньшей мере пятиметровой длины. С первого же взгляда я подметил, что передо мной уже издавшее виды, опытное существо. Глаза его горели холодным огнем, оно упорно глядело на меня, как бы желая подчинить своей воле.

Вдруг одновременно раздалось мычание вола и рычание ягуара. Я плохо соображал, но все же догадался, что этот неописуемо грозный, «комбинированный» крик принадлежал самке каймана. Нападение ее было внезапным, невероятно расторопным при таких размерах.

Нож мой висел на поясе в футляре, но мне и в голову не приходило предпринять что-нибудь для своей защиты. Не понимаю, что со мной произошло, только я пальцем не шевельнул для своего спасения.

Я стоял как истукан, ничего не предпринимая. Только мозг мой продолжал работать:

«Погиб! Пропал ты, Фери!»

Опомнился я лишь тогда, когда из-за моей спины кто-то выскочил и кишулся прямо на чудовище.

— Сэм! — вскрикнул я, когда страшная пасть, дрогнув, зашелкннулась.

«Все! Сэм погиб!» — И я зажмурил глаза. Но тотчас же снова открыл их. Теперь-то я уже схватился за нож с твердой решимостью отстоять Сэма, который ради меня вступил в неравный бой, или по меньшей мере хоть отомстить за него! Но мой порыв оказался излишним. Пресмыкающееся раскрыло пасть, однако зубы больше не щелкнули. Нож американца, засунутый в глотку зверя острием кверху, добрался до его мозга. Кайман был мигом парализован и вскоре замер.

— Что с тобой стряслось? А, Фрэнки? — Сэм никогда еще не называл меня ласкательно. Теперь он приблизился ко мне с такой нежностью, будто только я один — а не мы оба — спасся только что от смерти.

Я не мог выговорить даже слово благодарности. Только подошел к нему и молча обнял его.

— Брось глушить! — буркнул он, но его хриплый голос выдал волнение и растроганность. В великане, значит, вопреки муштре сохранились крупинцы сердечности и доброты.

— Спасибо тебе, Сэм! — собравшись наконец с силами, сказал я.

— «Спасибо, спасибо», — чего там! — заворчал он опять с прежней угрюмостью. — Совсе не ради тебя я это сделал. Не думай! Просто не весело оставаться одному!

Я попытался уловить в его тоне правду. Но не удалось. Так и поныне я не знаю, почему он меня спас: из товарищеских побуждений или просто из эгоизма?

Но как бы там ни было, с этой минуты я считал его своим другом.

Маленьких кайманов мы перебили. Два хвоста поджарили, и ужин получился куда лучше, чем был наш «змеиный» обед. Теперь-то, после пережитого испуга и опасности, которой мы подверглись, и я ел с аппетитом.

Сытые, в добром расположении духа, пустились мы снова в путь. Шли крайне осмотрительно; было бы нелепо предполагать, что все «враждебные» лагеря, о которых нас предупредили, расположились друг от друга на расстоянии дневного перехода. К тому же понятие «дневной переход» слишком неопределенное. Можно нарваться на такой опутанный лианами и заросший кустарником участок леса, где за целые сутки с трудом проделаешь несколько миль.

На этот раз своим счастьем мы были обязаны ротозейству патруля. Давно уже перевалило за полдень, но до вечера времени было еще хоть отбавляй. Мы добрались до обширной кустистой равнины. Верные своему обычаю, прижались к окаймлявшим ее деревьям и долго изучали окрестность. А беда тем временем подстерегала нас в лице ягуара, неожиданно появившегося перед нами. Некоторое время мы с ним пристально смотрели в глаза друг другу. У нас в руках были зажаты ножи — с их помощью мы пробивались через чащу. Бояться нам было нечего, мы сознавали свое превосходство над зверем. Ягуар, по-видимому, разделял наше мнение, ибо только облизнулся и заспешил прочь; раза два оглянувшись, он исчез в чаще леса.

— И этот ушел не солоно хлебавши! — сказал Сэм.

— А тебе жалко? Ведь его трапезу должны были составлять мы с тобой! Я, правда, не знаю, какое мясо он предпочел бы, постное или жирное? Ежели его вкусу соответствует последнее, то он оказал бы честь тебе! — пытался я вывести из себя Сэма.

Я ждал, что он подымет перчатку. Но вместо этого он схватил меня за руку и так ее сжал, что я чуть было не вскрикнул.

— Смотри!

Он головой указал вдаль. Примерно в миле от нас, между густыми ветвями раскидистого дерева поблескивало стекло.

— Бинокль! — закричал Сэм упавшим голосом.

— Точно!

— Что мы предпримем? — Он ожидал от меня распоряжений.

— Пока ничего. Надо узнать, кто там: свои или враги? Чей бинокль? Если это наши, то почему они гнезятся на дереве? А может быть, это патрульные заехали туда, чтобы осмотреть окрестность?

— Как бы там ни было, их лагерь должен находиться совсем недалеко отсюда.

— Факт! И если мы пойдем вслед за патрулем, то меньше всего рискуем быть пойманными!

Ожидание было тягостным. Нам пришлось переменить место, так как туда, где мы второпях залегли, стала подбираться колонна огненно-красных муравьев. Надо заметить, что с кайманом, ягуаром, анакондой еще можно помериться силами, но берегись, человек, если ты окажешься на пути колонны муравьев этой породы.

В течение полчаса мы с двух сторон подпирали спицами ствол каучукового дерева. И вдруг наконец-то! Шатер буйно разросшихся ветвей на дереве, за которым мы наблюдали, заколыхался. Оттуда вспорхнули легионы синих, зеленых и желтых попугаев. Их крик даже на таком расстоянии показался нам отвратительным.

— Так им и надо, этим «эм пи»! — сказал Сэм. Голос его звучал непривычно весело.

Мы отчетливо видели, как, спустившись с дерева, трое «эм пи» широкими, размашистыми жестами чистили свою одежду.

— Ох, и отделили же их птички! — пробурчал со злорадством великан. Не смущайся он меня, наверное, запрыгал бы от удовольствия. Впрочем, он и так, спрятав нож, в восторге потирал руки.

«Видно, и этого тошнит от военных полицейских!» — установил я, и у меня возник один план.

— Послушай, дружище! — И я наклонился к уху Сэма.

Он слушал, слушал мой шепот, и вдруг глаза его заблестели, а щеки надулись, будто во рту у него был арбуз.

— Божественно, Фрэнк! Даю тебе честное слово, это божественно! Колоссально! — Видно было, что он охотней всего завизжал бы от удовольствия.

— Что это будет за номер! Грандиозно!

Я уже и раньше замечал, что, стоит его чем-нибудь расшевелить, он начинает сыпать всегда одинаковыми наречиями. Значит, моя идея пришлась ему по душе.

Те трое вдалеке не глядели ни вправо, ни влево — чересчур были заняты собственными персонами. Стояли спиной друг к другу и очищали мундиры, загаженные вспугнутыми попугаями.

Мы бесшумно, как будто всю жизнь только и делали, что выслеживали патруль, пошли за ним. Куда патруль — туда и мы, словом, шли до тех пор, пока с его помощью не попали на след, ведущий к лагерю «эм пи».

Вот и второй лагерь «эм пи»! На расчищенной поляне разместился целый городок, около ста палаток. Вечерело, и большинство солдат уже готовились ко сну, тем не менее нетрудно было определить, что лагерь находится в состоянии боевой готовности. Мы установили также, где помещается командование «эм пи».

Мы забрались на дерево и спрятались в его листве — наш опыт подтверждал, что, осматриваясь, даже самый настороженный человек редко догадывается поглядеть вверх, выше головы, и, пожалуй, никогда не вспоминает о том, что и над головой тоже может кто-то скрываться.

Глядя чуть ли не в рот «эм пи», мы чувствовали себя в полной безопасности. Мы впитывали глазами мельчайшие подробности: ограждение с техникой, в каких направлениях идут сигнальные провода, через какой промежуток времени сменяется караул и пускается в обход патруль.

Нас все живо интересовало. Замеченное откладывалось в нашей памяти настолько прочно, что мы с закрытыми глазами могли бы начертить схему всех секретных точек в лагере «эм пи».

За неимением другой пищи мы ели спеченные еще к обеду плоды пальмы бабуны; пара пригоршней тропических каштанов неплохо утолила наш голод. Да, эти плоды были точно такие, как наши каштаны! Ну, а если и не совсем такие, спасибо им за то, что они хоть напомнили их.

Стемнело внезапно, без всякого перехода. В лагере засветились прожекторы; через определенный промежуток времени они прочесывали окрестность. И это было нам на руку, так как благодаря прожекторам мы могли проверить, произошли ли какие-либо изменения в расположении «врага». Осуществление нашей отчаянной затеи требовало знания даже малейших деталей.

Лагерь долго не затихал. У нас слипались глаза, мы здорово устали и, наверное, давно бы свалились с дерева, если бы не пояса, которыми мы привязали себя к ветвям, да сила воли. Ну и, конечно, энтузиазм. Его мы черпали в своей идее... Да, мы сотворим такое, о чем долго будут говорить в американской армии. Это, несомненно, будет выдающимся событием.

Наконец, «эм пи» угомонились.

И вот час настал!

Полночь. Очередная смена караула. Теперь в нашем распоряжении целых два часа. Когда прошел один час, мы тихонько покинули свою цитадель, имевшую лишь одно достоинство: она послужила нам абсолютно надежным убежищем.

Часового взял на себя Сэм. Обычно флегматичный, Сэм распался, как тлеющий костер, который раздули. Своими медлительными движениями он всегда напоминал мне сонного медведя. Я считал его неловким, неуклюжим. Однако происшествие с кайманом убедило меня в обратном. А теперь я был просто поражен, с каким изяществом нырнул он в темноту.

— Будь осторожен! — шепнул я ему вслед. — Смотри, не бей сильно! У «эм пи» волос не должен упасть с головы!

— О'кэй! — Хотя я и не видел его лица в темноте, но чувствовал, что у него сейчас рот до ушей... — Ладно, полкулака пошлю в увольнительную, бить буду двумя пальцами! Тебя это устроит?

— Если ты избежишь военного трибунала, то вполне! Не забывай, что «эм пи» — не индеец!

— Ладно, не зуди! — проворчал он, удаляясь.

Ожидание казалось мне невыносимо долгим.

Как мне быть, если Сэма поймают? Идти на ручку? В этом случае я рискую выполнением задания! А ведь это самое главное! Может быть, просто довериться судьбе? Нет, это невозможно! Он ведь ради моего спасения не дорожил собственной шкурой! Но что с ним случилось? Где его черти носят? Шума никакого не слышно, значит, о поимке и речи пока нет!

Не успел я подумать об этом, как со стороны лагеря в сдержанном crescendo зазвучал призывный крик птицы-гончара.

Это сигнал мне. Я успокоился.

Значит, значит... Сэм оглушил часового, путь свободен!

Светящийся циферблат моих часов показывал час двадцать минут.

«В нашем распоряжении еще сорок минут! Это не так много, но хватит. Итак, за дело!»

Команда эта, естественно, относилась ко мне самому. И я поспешил к своему другу.

— Ты прихватил? — шепнул Сэм.

Я молча прижал к его груди две здоровенные дубины, которые приготовил, ожидая его сигнала.

— Скорее! — торопил он меня, поддерживая бесчувственного «эм пи», пока я подсовывал дубины тому под мундир и, пристроив их под мышками, подпирал ими тело. «Эм пи» стоял, будто на костылях. К шее его я приспособил палочку, которая, упираясь концом в шлем, поддерживала голову.

Вблизи «эм пи» никак не казался бравым, но издали, со сторожевых башен, например, часовой был как часовой.

Все же, когда вспыхнул ослепительно белый свет и мощная струя его упала на нас, мы почувствовали себя неважно. Оставалось броситься в траву и исчезнуть в ней. Мы знали, что струя света достигнет земли возле технической установки, проскользнув над нами. И все же в голове нет-нет, да и мелькала фраза: «Никогда

нельзя быть уверенным», — а это такая фраза, от которой порой начинают колотиться сильнее даже самые мужественные сердца.

Воронка света в самом деле доверчиво миновала нас. Часовой тоже неплохо сослужил нам, ни на миг не держав на себе слепящий сноп лучей.

— Давай!

Бесшумной, кошачьей поступью стали мы красться в глубь лагеря. Шли напрямик к офицерской палатке. Единственный «эм пи» у входа для нас не явился препятствием.

Зато в самой палатке нам пришлось потрудней. Внутреннее расположение предметов в ней с дерева мы, конечно, не могли видеть, так что явилась необходимость посветить крошечным, впервые пущенным в ход карманным фонариком. Сэм держал на всякий случай наготове «мешочек с песком». Мешочком служил носок, песком — земля. Мы еще в начале пути договорились прибегать к этому средству лишь в крайнем случае.

Палатка состояла из двух частей. В первой мы наткнулись на майора, во второй, или во «внутреннем покое», на подвесной кровати безмятежно спал генерал. Мундиры обоих офицеров в образцовом порядке лежали тут же.

Нам даже искать не пришлось: рядом с майором оказался письменный стол с документами и чистой бумагой. На одном из листов мы крупными буквами написали: «Господа! Можете считать себя мертвецами!» И подписали номер своей группы, а также подномер, который Джо перед отправкой дал нашей паре.

Сэм, пока я писал, нашел шариковую ручку, заряженную красными чернилами, и находка эта натолкнула его на новую выдумку. Он быстро разобрал ручку и алыми, цвета крови, чернилами намалевал широкие красные полосы на шеях офицеров. При свете наших фонариков было полное впечатление, что они убиты.

— Бежим! — И я ткнул в бок друга, который никак не мог налюбоваться своим «произведением».

Работая с точностью часового механизма, мы располагали достаточным временем: до следующей смены караула оставалось еще двадцать минут.

Последние несколько часов ночи нам пришлось просидеть на дереве, но, ей-богу, стоило! Хорошо удавшаяся шутка привела нас в прекрасное расположение духа. Мы даже забыли о том, что лес ничем не снабдил нас к завтраку.

Зато полдень воздал нам сторицей голодное утро. Я убил пекари, и мы по-царски пообедали. Чувствовали мы себя непревзойденными смельчаками, способными обвести вокруг пальца весь мир. Эта-то самоуверенность и погубила нас.

После обеда мы устроили себе заслуженный отдых. Солнце было уже низко, когда мы двинулись дальше. С утренней зари и до полудня шел дождь, но к заходу солнца все вокруг опять стало сухим, как порох. Лес, по которому мы шли, сильно поредел. А небо к ночи прояснилось, сквозь кивающие в вышине ветви поблескивали звезды.

— Придется и ночью идти! Света луны нам вполне достаточно! — сказал я.

Сэм сразу пришел в уныние.

— Как же так, а спать кто будет?

— И не стыдно! — засмеялся я. — Неужели ты за день не отоспался?

— Представь себе, что нет! После таких-то трудов...

— Поверь мне, дружище! Ночь куда приятней и надежней. Правда, вполне может случиться, что нам придется с каким-нибудь зверем помериться силами, зато «эм пи», эти славенькие «эмпики», ночью сладко спят в своих кроватках. К тому времени, как они проснутся, и духу нашего здесь не будет. Завтра же мы с шиком явимся к конечному пункту задания, а там останется выкупаться, отоспаться, прилично закусить и ждать, пока приползут остальные!

— О'кэй! Я согласен! — снова оживился Сэм и стал собираться.

Замечу, что мы ни на минуту не забывали об опасности и принимали все меры предосторожности, разинями нас никак нельзя было назвать. Да и все обошлось бы благополучно, если бы мы не подходили ко всем «эм пи» с одной меркой!

Негустой лесок оставался нам верным защитником дотемна. В пути мы повстречались лишь с дикобразом, который взвелошил при виде нас свои длиннющие иглы. Позднее мы наткнулись еще на одного майконга. Но этот уже не удирал от нас в паническом страхе, как недавно его собрат, а остановился на почтительном расстоянии и стал наблюдать за нами.

— Ты только посмотри на этого наглеца! — смеясь, шепнул мне Сэм.

Нам и в голову не пришло задаться вопросом: почему зверь так спокоен при встрече с нами? На этот вопрос последовал бы логичный ответ: потому, что ему уже не раз приходилось видеть подобных нам существ. Мы слепо верили в свою проникаемость и в непроницаемость ночи, а также в то, что «эм пи» не особенно расположены к джунглям, тем более к ночным.

В этом месте травянистый покров и подлесок сельвы были реже и ниже, чем те, сквозь которые нам приходилось до сих пор пробиваться. Это открывало возможность при ярком свете луны лучше разглядеть окрестность.

Мое внимание привлек один куст. Вообще кустов вокруг было немало, но этот... он показался мне каким-то странным, не похожим на прочие, хоть ничем особенным и не отличался. Это был обыкновенный куст, а вот не подходил он к месту, на котором стоял — и все тут. После такого открытия, мне стало как-то не по себе.

Я размышлял, сказать ли об этом Сэму. Воялся, что он осмеет меня за мою мнительность. И решил пока что ему не говорить. «Что же все-таки в этом кусте необычного?» — гадал я, шагая рядом с Сэмом, пока куст не поднялся и не превратился в двух «эм пи», которые бросились к нам.

— Стой! Руки вверх! — крикнули они.

Не было нужды нам с Сэмом сговариваться — мы и без того поняли друг друга. Не успели солдаты военной полиции и оглянуться, как мы уже исчезли... то есть, исчезли бы... Если бы перед нами не разверзлась словно бы сама преисподняя. По крайней мере так нам показалось, поскольку тогда мы еще не представляли, что значит настоящий ад!

Взвилась искристо-белая ракета. Где-то совсем близко послышались голоса, топот бегущих ног. По всему лесу один за другим зажигались огни, устилая светом землю между деревьями.

Мы бежали изо всех сил, словно бы в самом деле спасались от смертельной опасности.

Возможно, будь лес погуще, мы бы и удрали. Но так! Скучные заросли не могли нас укрыть, а «эм пи» были так близко, что забираться на дерево не имело смысла: все равно заметили бы.

Наши преследователи действовали ловко и организовано. И вот нас со всех сторон облепили огни фонариков, вокруг хрустели ветки, шуршали листья.

Мы пытались пробиться, хотя видели, что ускользнуть невозможно: сильные прожекторы разгоняли ночную тьму джунглей. И все же мы часа три играли с ними в кошки-мышки. Потом сдались. На меня и на Сэма надели наручники и вдобавок наградили несколькими увесистыми оплеухами.

Откуда ни возьмись появился джип, и нас затолкали в него. Солдаты, что сидели в машине, обходились с нами грубо, бесчеловечно.

Сэм сделал попытку смягчить их:

— За что же, братцы, такие строгости? Ведь мы как-никак солдаты одной армии, не так ли?

— Попридержи язык! — Это все, что они ответили.

Чудной Сэм! Разве можно добрым словом смягчить механизм? Знай их Сэм так, как я, он бы воздержался от подобных попыток.

Но он не знал их и потому не терял надежды.

— Попридержаться-то я попридержу, только мне очень неудобно в такой позе... Было бы лучше...

Он получил такой сильный пинок сапогом, что застонал. Потом сжал губы и больше не произнес ни слова. Я видел по его глазам: он жалеет, что вчера только понарошку перерезал глотку их генералу.

«Вражеский» (понимай: военно-полицейский) главный штаб походил на все остальные. Когда мы въезжали на территорию лагеря, то заметили несколько барачков. За ними — небольшой, обнесенный колючей проволокой и сильно освещенный участок, туда нас и загнали.

Там уже было нашего брата человек шестьдесят-семьдесят. Нас встретила мертвая тишина. Мы тотчас же поняли, что разговаривать запрещено. Быстро оглядевшись, я определил обстановку, она была весьма неутешительная. «Пленные» лежали на голой земле под открытым небом, подложив руки под голову, и смотрели на звезды широко открытыми глазами. У некоторых изо рта сочилась кровь. Это, по-видимому, те, что протестовали против бесчеловечного обращения.

Мы тоже легли. О сне не могло быть и речи. Отчасти потому, что мы были сильно взволнованы, а главное потому, что наши мучители позаботились, чтобы мы бодрствовали до утра. Их динамик не умолкал ни на минуту. Он то едва уловимым шепотом, то женскими воплями, издаваемыми, судя по голосу, молодыми, дрожащими от отчаяния потерять невинность девушками, рисовал в нашем воображении интимные, приправленные смехом сладострастия подробности овеваемых тайной спален. Репертуар безо всякого перехода менялся, и мы могли слышать теперь стоны, крики бьющегося в предсмертном страхе человека, наконец хрипы, уступающие затем место тишине.

У меня спина покрылась мурашками. Да разве только у меня! Трепетал весь лагерь! То ли нервы отказали, то ли от страха? А не все ли равно!

Целый час «наслаждался» я концертом. Потом меня знаком вызвали и повели в один из тех барачков, которые я видел при въезде на территорию лагеря военной полиции. Там ожидали уже несколько моих товарищей по несчастью. Они стояли, прижавшись лбом к стене.

— Разуться! — рявкнул солдат.

Мы, недоумевая, подчинились. Попробовал бы кто-нибудь ослушаться!

Нас загнали на площадку за дощатым забором.

В два ряда, друг против друга, там стояли «эм пи». В руках они держали нагайки.

«Пляска под свист нагаек!» — ужаснулся я.

— Встать в строй! — тут же услышал я приказ.

У выхода на огороженную территорию стояла вооруженная охрана, по углам площадки, на небольших воз-

вышениях, громоздились пулеметы. Здесь, как видно, не рассуждали.

Включили магнитофон. Заиграл оркестр. Зазвенели балалайки, грянула зажигательная русская плясовая.

При иных обстоятельствах я, наверное, заслушался бы, но теперь я лишь представил себе, как пляшут вприсядку.

Ох, и досталось же нам!

— Развлекайтесь, ребята! — заорал сержант.

«Эм пи» только того и ждали. Щелкнули нагайки. Мы подпрыгнули. Последовал другой удар, затем третий, четвертый... двадцатый... сотый... Полчаса прошло или полтора? К тому времени как каты выбились из сил, наши ноги были сплошь в крови.

— Вот вам для поддержания духа! Чтобы память лучше была! Ежели этого вам будет мало — еще поучат, и не так!

Я надеялся, что нас отведут обратно. Хоть отдохнули бы распухшие, окровавленные ноги.

«Что за зверье!» Я с лютой ненавистью наблюдал за охраной, когда мы проходили между направленными на нас дулами. Никогда бы не подумал, что наши солдаты, пусть военной полиции, осмелятся на такое... Но они осмелились и на многое другое!..

Нас ввели в один из барачков. Вся постройка состояла из единственного огромного зала. Куда ни глянь — везде солдаты военной полиции. О побеге — мысль о нем, что скрывать, не оставяла меня — даже речи не могло быть.

С этой минуты, захлестнутый событиями, я стал, можно считать, неодушевленным предметом. Делал все, что велели делать.

— К столбу повернись! — распорядился хриплый голос.

Я повернулся. «Хуже пляски под свист нагаек все равно уже не будет». Но как я ошибся!

Видеть я ничего не видел. Только чувствовал, что возятся у моих лодыжек. Их стягивали веревками. Передо мной вырос здоровенный молодчик. Он притащил увесистый камень, бросил его на пол и чуть было не попал в мою ступню. Когда камень упал, весь барак

дрогнул. И вот этот камень прикрепили к моим запястьям.

Кто-то свали сильно меня толкнул.

— Как звать тебя?

Я молчал, даже не из-за того, что так надо было, скорее, от злости. Сжав губы, я подчеркнул этим свое презрение.

В ту же секунду пол ушел у меня из-под ног, и я, оттягиваемый камнем, повис головой вниз. Особые страдания причиняла мне глубоко впивавшаяся в запястья веревка.

Подшел худощавый человек в штатском. Он остановился передо мной. Вернее, подо мной, хотя головы наши и находились примерно на одном уровне, только моя, до предела налитая кровью, неестественно свисала вниз.

Штатский засыпал меня вопросами.

Я молчал.

Он держался в рамках приличия, даже вежливо. Только в словах его сквозила злоба.

— Так мы с вами ни до чего не договоримся! Вы принуждаете меня обратиться к людям и просить их научить вас разговаривать!

Так как я и на это не ответил, он кивнул одному из палачей. Тот подошел и сорвал с меня рубаху. Двое его помощников поднесли металлический ящичек величиной с обувную коробку; он, видно, был очень тяжелым, так как несшие его сгибались. Четвертый палач стал натягивать резиновые перчатки.

Что это они, уж не собираются ли вспороть мне живот?

Мои глаза на опрокинутой голове вытаращились.

В демонстрируемых нам фильмах встречались и такие кадры, так что я не удивился бы, если бы они и испытывали на мне этот способ.

Да, особой бодростью духа в те минуты я похвастаться не мог.

— Ну как, вам еще не надоело играть в «молчанку»? Нет? В таком случае приступайте, ребята!

Из ящичка с двух сторон были выведены два кабеля.

Их пластырем прилепили к моему голому телу. Точнее, к той части его, где предполагается вход в желудок.

Мои внутренности пронизала невыносимая боль. Сердце, печень, почки и, конечно, желудок запрыгали, будто собрались оторваться и выскочить из тела, каждая частица которого содрогалась.

— Ну как? Если надумали говорить, я велю снять с вас все это! — уговаривал меня штатский.

«На кой черт тебе эти пытки?! Скажи им все, что они захотят — и дело с концом!» — уговаривала меня моя истерзанная плоть.

«Как бы не так! — отрезало мое настоящее «я». — Нет, пусть они увидят, что у меня и теперь еще есть силы для сопротивления!»

— Ух, и твердый же орешек попался! — ослабилась допрашивавший меня тип и снова подал знак палачам.

По телу у меня пробежали мурашки. Ощущение было такое, словно мне начали массировать мышцы. Я даже нашел это приятным. Простофиля на моем месте уже поверил бы в то, что его пожалели. Но не я. Следующий миг показал мне, где раки зимуют!

Легкое онемение внезапно перешло в острую боль и подергивание всего тела. Казалось, настал мне конец! Это была боль смерти. Это было слишком.

Сколько времени забавлялись они таким образом, я не знаю. По их исчислению, может, десять минут, по моему — годы. Сила тока колебалась: то слабела и тогда лишь щекотала, то, внезапно усиливаясь, просто выдирала мне нутро.

Когда палачи убедились, что все их попытки тщетны, они меня отвязали. Я упал и распластался на земляном полу, как раздавленная лягушка.

— Ну как, герой? И это все, на что вас хватило? Встаньте да оглянитесь вокруг!

Штатский говорил иронически, но неизменно вежливо, зато «эм пи», не церемонясь, мигом поставили меня на ноги. При иных обстоятельствах их хватка была бы мне ничем, теперь же болью отдавалось всякое прикосновение.

— Осмотритесь как следует! И подумайте, будет ли у вас настроение для дальнейших экспериментов? У нас

еще великое множество всевозможных орудий. Не собираетесь ли вы их все испытать на себе?

— Меня водили по залу.

По уложенным на полу бревнам двое парней катили железную смоляную бочку. Их усилия говорили о том, что бочка отнюдь не пустая. И этот способ был мне известен, так же как и остальным, кого в качестве жертвенных животных забросили сюда, дабы каждый на собственной шкуре испытал все виденное на экране. Но пережитое нами наяву далеко превзошло фантазию режиссеров.

— Остановитесь, покажите-ка этому петушку, что в этой бочке! — распорядился штатский.

Толкавшие бочку парни — их таким образом «развлекали» — были тоже «пленные». Заслышав приказ, они поставили бочку и сняли с нее крышку.

И надо же было узреть мне в ней именно Сэма. И в каком виде! О, в каком виде!

Он купался в собственном поту. Отделявшаяся от стенок бочки смола большими лепешками облепляла его тело. А свободные от смолы участки кожи пестрели кровоподтеками и ссадинами.

— Как поживаете? — склоняясь над ним, спросил штатский.

— Тьфу! — Сэм поднял измученную, избитую голову и плюнул ему в глаза.

— Bravo! — Штатский вытер слюну, при этом голос его оставался по-прежнему бесстрастным. — Ну раз так, то продолжайте, ребята!

Меня оттянули прочь и приволокли к вырытой в земле яме. Подняли люк.

Я обомлел. Передо мной чернела дыра размером не больше квадратного метра, высотой 70—80 сантиметров. Дно ее покрывала вонючая жидкая грязь, от которой теперь, в эту знойную пору, подымались тяжелые клубы пара. Существо, которое я увидел в этом аду, скорее было мертвым, чем живым. Несчастный даже не сидел, а просто свалился в тягучий ил, раскинув руки и ноги и опустив голову в слякоть.

— Ну что, вы уже одумались? — вопрос относился ко мне.

— Никак нет! — Я сам удивился: голос мой звучал четко и твердо. Я думал в эту минуту о Сэме, о молодчине Сэме, который плюнул в глаза этому подлецу.

— Хорошо! Только пеняйте потом на себя.

Меня повели во двор через заднюю дверь. При этом меня толкали и пинали без всякой нужды: я и так шел покорно. Затем меня поставили перед узким железным шкафом. Он напомнил мне индивидуальный шкафчик для одежды в Вепе, в государственном хозяйстве, куда я был направлен на работу.

— Влезай! — скомандовал сержант, исполняющий обязанности старшего палача.

Подталкивая сзади, меня с трудом втиснули в шкаф, которой не подходил к моим размерам.

Тропическое солнце стояло в зените. На воле и то жара была нестерпимая. Когда же за мной захлопнулась железная дверца, я почувствовал, что теряю сознание. Раскаленные стенки шкафа жгли мое голое тело, воздух не просачивался в щели. Просто чудом я не задохнулся. Страшнее пытки и не представишь. А ведь это только цветочки. Вскоре после того, как меня заперли в шкафу, истязатели включили какой-то механизм, который сперва через каждые полминуты, затем ежесекундно стал ударять по жести. С тех пор я ненавижу джаз, удары в барабаны мне и поныне напоминают тот дьявольский тамтам!

Казалось, прошла целая вечность. Наконец дверца отворилась, и я выпал из шкафа. Я так и остался лежать на земле. Мне все было безразлично. Теперь могут делать со мной все что угодно.

На меня вылили ведро воды. От этого я немного ожил.

— Здоровяк! Гляди, выдержал три часа двадцать минут!

Голоса проникали в мое сознание как бы сквозь густое сито, откуда-то из другого мира.

Три часа двадцать минут? Мне это показалось вечностью!

— Ну что, будем говорить? — Надо мной склонилась ненавистная физиономия штатского.

— Нет! Нет! Нет! — Мне казалось, я выкрикивал это, а на самом деле едва шевелил губами, и ему пришлось склоняться к самому моему рту, чтобы разобрать мои слова.

Он насмешливо скривил губы.

— Ах так?

«Что еще будет? И до каких пор это будет продолжаться? До каких пор?»

Меня несли — встать на ноги я не мог, — сознание возвращалось ко мне лишь постепенно.

«Все равно! Ничего не скажу! Негодяи! Негодяи!» Я знал, что рано или поздно выберусь отсюда. И тогда живьем не уйду от меня ни одному «эм пи»!

Я очутился в кресле в уютной комнате.

— Да, нелегкие часы вам пришлось пережить! Пожалуйста, кушайте и пейте! — За уставленным едой столом сидел незнакомый штатский.

— Ну, пожалуйста! — приглашал он меня еще любезнее. — Смелее приступайте! Составьте мне компанию.

У меня во рту собралась слюна, но этот трюк я тоже знал. Я хотел рукой показать, что не хочу, но моя рука бессильно упала.

Он сделал вид, будто принял это за согласие.

— О, мой бедный друг! Так измучить человека! Ведь вы даже рукой шевельнуть не можете! — С этими словами он взял со стола блюдо, на котором лежал кусок поджаренного мяса, и подошел ко мне.

— Угощайтесь! Или, если вы сами не в состоянии, я вас покормлю. Помочь? — Описав вилкой в воздухе дугу, он поднес лакомый кусочек прямо к моему рту.

Но я отвернул голову.

Он стал искушать меня душистым прохладным напитком. При мне опустил в стакан кусочек прозрачного льда. Когда я и от питья отказался, он, медленно смакуя, сам осушил стакан.

Увидев, что все его попытки напрасны, он прекратил поединок.

— Вы человек упрямый! Смотрите, не пожалейте! — сказал он на прощание.

Я ждал новых пыток. Но ошибся.

Меня провели в другую, еще более уютную комнату.

Отдых сделал свое, и я снова мог стоять на собственных ногах. Над столом, на стене, я увидел звездный флаг Штатов: значит, это официальное помещение. Я был встречен капитаном военной полиции.

— Сэр! — сказал он, после того как предложил мне сесть. — Вы выдержали испытание. От имени верховного командования приношу извинения за все причиненные вам неприятности. Может, вам будет легче от сознания того, что они означают окончание вашего обучения. И не какое-нибудь окончание, а отличное! От души поздравляю!

Он подошел ко мне и протянул руку. Я хоть и неохотно, но тоже подал свою.

— Я вижу, вы чуждаетесь меня. Вероятно, вы в обиде на нас, солдат военной полиции. А ведь и мы тоже только выполняем приказ. Не надо, не надо сердиться. Он положил передо мной бланк.

— Прочтите. И подпишите этот лист, где сказано, что вам здесь не нанесли никаких оскорблений и что вы не намерены мстить никому из нас. Подпишите и можете считать себя свободным! Доставим вас в джипе в вашу часть, и дело с концом. — Он заметил, что я раздумываю, и тотчас достал свою авторучку. — Вот тут, тут напишите свою фамилию и номер вашей группы!

— Фамилию и номер группы? — Моя рука застыла, не дотянувшись до пера. Я отрицательно мотнул головой. — Ничего не подпишу!

— Ну что вы в самом деле дурака валяете? Не видите разве, что здесь официальное место! Вы находитесь перед лицом начальства! Именем министерства обороны приказываю: подпишите!

— Мною не распоряжается ни вы, ни министерство обороны!

— Что вы говорите? — Его тон выражал живейший интерес. — А можно узнать, кто же, в таком случае, вами распоряжается?

Я не поддался на его провокацию. Я оставался непоколебимым и тогда, когда он стал неистовствовать и грозиться, что велит отвести меня обратно в застенки.

Впоследствии я узнал, что тех несчастных курсантов, которых удавалось разыграть «представителю ми-

нистерства», в самом деле вернули к месту истязаний и снова принялись испытывать их волю железной бочкой, электрическим током, железным шкафом и прочими «прелестями» голгофы.

Мое же упорство принесло более «сладкие плоды». Меня вертолетом доставили до Педро, откуда я самостоятельно должен был пуститься в обратный путь по оккупированной «врагом» территории.

Я возвращался уже другим человеком. Горе было бы тому «эм пи», который попался бы мне на пути!

В «плен» меня взять им больше не удалось!

Глава одиннадцатая

Борьба с вьетконгом

Охрана авиационной базы Биен-Хоа немало удивилась бы, заглянув за занавески на окнах машины генерала Маккара. На комфортабельных сиденьях расположились молодые люди в штатском. Их было трое. Ничто, ровным счетом ничто, не выдавало в этих господах военных, да и возраст их не подходил для такой великой чести, чтобы генерал самолично послал за ними свою машину.

Однако часовые не видели, кто сидит развалившись за занавесками. К тому же для них достаточно было видеть машину и адъютанта рядом с шофером, чтобы ворота как по волшебству настезь раскрылись и раздалась команда: «Смирно!»

Приветствовали меня, Андраша и Джона Фирна, американца, с которым я познакомился еще в Форт-Брагге. Так он представился тогда, а как звали его на самом деле — один черт знает. Был он в звании лейтенанта и служил в учебном центре спецвойск. Он был назначен командиром нашей группы, направленной в Южный Вьетнам.

К этому времени я был уже сержантом первого класса. Хотя в южноамериканском военно-полицейском лагере меня измотали до полусмерти, обратный путь я преодолел и сдал выпускной экзамен. Наше «покушение»

на генерала прославило нас и принесло свои плоды: меня и Сэма повысили. Великан, которого я в последний раз видел в смоляной бочке, вскоре успокоился. Оклад сержанта, трехнедельный отпуск, виски и женщины явились бальзамом для его больной души. Меня же и воспроизведение в сержанты не заставило забыть пережитое. Но размышлять об этом не было времени.

Отпуск свой я провел в кругу семьи. Мать обняла меня, поцеловала, ну и, конечно, прослезилась. Как ни удивительно, но она за все три недели ни разу не спросила у меня о проведенных вне дома месяцах. Только изредка — я это заметил — тайком изучала мое лицо. Что она искала на нем? Следы страданий, выражение жестокости, а может, старалась уловить признаки человечности? В то время газеты стали пописывать о нас. Заметки не ускользнули от внимания американцев. Но разве можно проникнуть в недра материнских мыслей? Я делал вид, будто ничего не замечаю, но чувствовал, что мать читает по моему лицу, как по открытой книге, о моей жизни и жалеет меня за мою участь.

Что до отца, то он держался совсем иначе. Он вдохновенно прижимал меня к груди, с пафосом говорил о нашей роли в защите свободного мира. В словах его сквозила гордость мной. Ему и в голову не приходило, что в глубине души я питаю отвращение к своему ремеслу. Скажи я ему об этом — он бы расстроился и осудил меня.

Братья обрадовались моему приезду, но пропасть между нами заметно расширилась. Они поздравили меня с достигнутыми успехами, с тем, что я их догнал на стезе науки. Но их мир — это было одно, а мой — другое.

Я очень любил и люблю своих близких и все же почувствовал чуть ли не облегчение, когда три недели истекли и подошло время отправляться назад, в часть.

Ну да что говорить! Все это ушло уже в область предания! Настоящее — Южный Вьетнам и Биен-Хоа. А будущее? А будущее кратко изложил нашей семерке необыкновенно энергичный, кстати тоже в штатском, генерал Маккар.

Наша команда будет состоять из семи человек — пока нас трое, остальных адъютант доставит позднее.

Итак, на лейтенанта Фирна было возложено командование, меня назначили его помощником. Задание было строго секретное и чрезвычайной важности с точки зрения американской позиции на Дальнем Востоке. Это все, что мы знали, явившись к генералу.

— Вам было дано две недели для ознакомления с Южным Вьетнамом. Теперь вы уже имеете ясное представление о политической обстановке в стране. Вы могли убедиться, что население со все более возрастающей неприязнью относится к режиму президента Дьема. Как вам известно, мы сделали попытку сменить ненавистный народу режим. Но эта попытка чуть не кончилась худо. Мы вынуждены были срочно прекратить действия, чтобы не вспыхнуло народное восстание. У нас не остается иной возможности, как поддерживать президента Дьема и громить партизан!

На стене висела огромная, в несколько квадратных метров, карта страны. Подойдя к ней, Маккар продолжал:

— Повстанцы именуют себя вьетконгцами. Они невидимы, хотя представляют собой настоящую армию. Они появляются в самое неожиданное время и в самых неожиданных местах. Уничтожат какую-нибудь южно-вьетнамскую воинскую часть или гарнизон и снова исчезают в джунглях. Попробуйте поймать их! В настоящее время наша цель — уничтожить их гнездовья: мы сжигаем все те места, где происходило какое-нибудь партизанское выступление. Население способствует этим скотам, и мы должны отбить у него охоту к этому покровительству!

Он со злобой потряс кулаком, точно перед ним была голова какого-нибудь вьетнамского крестьянина. Губы у него сжались, вытянувшись в узкую полоску.

— Вам надлежит, — говорил он жестко, — выполнить огромной важности, двойное задание. Во-первых, вы должны узнать джунгли и туземцев и создать ячейки в тылу вьетконга. Во-вторых, где-то в джунглях, в районе Далата скрывается один из партизанских отрядов. Порой партизаны добираются до столицы и держат под угрозой ведущую на север военную дорогу... Так вот, выследите их и уничтожьте!

Он умолк и испытующе глядел на нас.

— И еще — чуть было не забыл — помните, в случае вашего успеха мы сможем забросить во Вьетнам еще несколько отрядов спецвойск.

По ночному небу плыло четыре бомбардировщика по направлению к Ме-Туоту. Было более целесообразным высадить нас именно тут, а не около самого гнездовья партизан.

— А то как бы не почуяла птичка кошку да не упорхнула! — пояснил подполковник, ответственный за нашу операцию.

На борту пятой машины, следовавшей за бомбардировщиками, везли нас — группу «партизан», направляемых на операцию под названием «Могучий баньян».

Брезжил рассвет, когда мы приблизились к цели нашего путешествия. Сквозь облака уже пробилась первая розоватая полоска.

— Самое подходящее время! — заметил подполковник, лично провожавший нас, чтобы убедиться в нашем благополучном приземлении. — В эту пору сон самый глубокий. Через час крестьяне уже покинут свои жилища и отправятся на рисовые поля.

— Прибыли! — крикнул нам пилот. — Теперь смотрите! Ох и зрелище будет!

Мы летели над долиной. Уже легко можно было разглядеть рисовые поля, графленные оросительными каналами на отдельные участки, убогие домишки, ютившиеся у подножия гор среди редких пальм.

Бомбардировщики спустились ниже нас. Разделившись на пары, они стали кружить над деревнями. Снизу вдруг высоко взвились яркие языки пламени. Сначала в одном месте, затем в нескольких местах, и вот пламя охватило уже всю окрестность, которая вскоре превратилась в сплошное огненное море. Вероятно, огонь не пощадил и рисовые поля.

— Напааа! — восторгался подполковник. — Куда он попадает, там даже камни горят!

Мы не спрашивали, для чего им понадобилось уничтожить две деревни. И так было все ясно. Ведь нас за-

благовременно посвятили в план: пожар и несчастья отвлекут внимание людей. Им будет не до парашютов, раскрывающихся над лесом.

Плод чьей фантазии сей стратегический план? Генерала? Подполковника? Этого, конечно, нам знать не полагалось. Не исключено, что они переняли метод южно-вьетнамского генерального штаба. Как бы то ни было, вся наша семерка успешно достигла земли, не воспользовавшись оружием, которое было у нас наготове.

Нас высадили на полянке среди джунглей. Парашюты мы уложили и закопали. Вовсе не потому, что намеревались еще раз воспользоваться ими, — мы их спрятали от зорких глаз партизан.

— Где парашют — там и парашютист! — произнес Джон многозначительно.

Между прочим, он, подобно Джо, держался с нами дружески и тоже велел называть себя просто по имени. Это был типичный американец. Плечистый, закаленный, с волосами как щетина. Когда он смеялся, то напоминал ожившую рекламу зубной пасты. Жевательную резинку он не вынимал изо рта ни на секунду. Мне казалось, что он держал ее во рту и когда ел, и когда спал. Этого добра он прихватил с собой дюжины три, равномерно распределив по карманам.

Из знакомых ребят в эту экспедицию попали только Андраш и Рикардо. Шумливого и вечно жестикулирующего Курта прикомандировали к нам из Кореи, а голубоглазого с кротким взглядом Хорста — из Катанги. Алекс — как он рассказал нам во время одного из более или менее спокойных привалов — родился в Техасе. Таким образом, «конгломерат национальностей», столь почитаемый в войсках специального назначения, в нашей команде олицетворяли два американца, два немца, два венгра и один кубинец.

Словом, мы окунулись в джунгли.

Глухая чаща ползла в горы и проваливалась в долины. Здесь проходила с севера на восток или, если угодно, с востока на север горная цепь Транг-Сон. Пожалуй, мы прибегнем все же ко второму определению, ведь двухнедельное знакомство со страной нас убедило,

что офицерский корпус президента Дьема может мечтать о передвижении войск только к северу.

Трое суток пробирались мы сквозь джунгли. Растительность здесь была намного гуще, чем в прибрежных лесах Амазонки. Фестончатые листья гигантских папоротников склонялись над нашими головами, наших плеч касались плотные, мясистые стебли с протянувшейся посередине, как струйка крови, красноватой полосой.

— Надо бы осмотреть окрестность, — сказал я и подошел к дереву, ветви которого терялись где-то в небе.

У меня над головой раскачивался толстый, как рука, воздушный корень. Я легко дотянулся до него и стал взбираться по нему, как по шести. Когда я устал карабкаться, то подцепил ногой корневой отросток и, устроив подобие петли, сделал передышку.

Таким образом я поднялся метров на тридцать, но макушки дерева все еще не достиг.

«И не надо!» — решил я.

Взбираться выше было бы рискованно. Великан, оболюбанный мной в качестве вышки, перерос джунгли. К тому же лес шел здесь под уклон, так что я мог и с этой точки видеть далеко. И я увидел именно то, что мне было нужно. До края глухого леса оставалось с полдня ходьбы.

— В долине поля и деревня! — доложил я, спустившись с дерева.

— Ну, да! — кивнул Джон, беззвучно смеясь. — Это и на карте обозначено. Не пойму, зачем тебе понадобилось лезть под самые небеса!

— И ты это только теперь говоришь? — не на шутку обозлился я: в такую жару взбираться на дерево, которое выше любой колокольни! Я тяжело, со свистом дышал.

— А ты спрашивал? Я не успел и рта раскрыть, как ты уже исчез в облаках. Впредь запомни, Фрэнк! Мы должны тщательно взвешивать каждый свой шаг. Да послужит тебе уроком в дальнейшем этот твой акробатический номер.

Он, несомненно, был прав. Злость во мне сменилась чувством неловкости: я же в самом деле действовал с бухты-барухты, а еще помощник командира...

— Благодарю, урок пошел мне на пользу! — проворчал я нехотя, решив с этой минуты хорошенько обдумывать наперед каждый свой шаг, каждый свой приказ.

Нас окружали амарантовые деревья, какие-то незнакомые породы с разноцветной корой, каучуковые и железные деревья, которых нож не берет.

Но вот мы вышли на тропу, вытоптанную слонами. Направление ее совпадало с нашим. Идти нам стало теперь легче, мы избавились от необходимости бороться с бесконечными лианами, вырубать которые было не так-то просто. Но когда тропа расширилась и превратилась в настоящую дорогу, мы насторожились: нам несдобровать, если вдруг появится стадо диких слонов. Разве можно знать, когда и отчего взбеленится вдруг эдакое существо весом в несколько тонн? Стрелять же теперь было бы весьма некстати — это преждевременно выдало бы наше присутствие.

Джунгли кончились внезапно, безо всякого перехода. Мы не успели опомниться, как перед нами уже были рисовые поля. Куда ни глянь — повсюду поблескивала вода, на мелких клочках земли пахали крестьяне. Перед плугами шествовали буйволы. Картина была удивительно живописная.

Лес надежно прикрывал нас, зато жизнь равнины открылась перед нами как на ладони. Обработанная земля подступала чуть ли не к нашим ногам. Мы повеселели, когда увидели приближающихся к нам по узкой тропинке трех молодых девушек.

— А правда ничего, симпатичные? — тихонько прищелкнул языком Курт.

Они в самом деле были хороши. Дойдя до края заливного поля, у самого леса, они поставили свои корзинки на землю и поправили платки на голове. Одна из них мне особенно понравилась. Она со своим тонким смуглым лицом вполне могла бы украсить букет наших половецких девушек. Ее черные волосы, связанные на затылке, широкой струей ниспадали из-под платка. На ней, как и на остальных девушках, была блузка со стоячим воротом. В моем воображении девушка воскресила образ — как это ни смешно — недавно виденной мной Фудзиямы, с вершины которой снежный покров ниспадал такими же

изящными складками, как материя с груди этой вьетнамской красавицы.

— И правда, очень хороши! — прошептал и Рикардо, будто слова молитвы.

Я посмотрел на него. Его горячий взгляд южанина пылал восхищением и желанием. Я случайно перевел глаза на Хорста. Немец, одеревенев, уставился на одну из девушек. Лицо его было неподвижно и, как маска, ничего не выражало, зато руки!.. Пальцы его то сжимались, то разжимались на кожухе автомата и шейке приклада. Я с неприязнью отвернулся от него: с этой минуты он стал мне противен.

Девушки взяли из своих корзинок по пучку рассады. Когда они засучили брюки и показались их изящные ноги, я не утерпел и глотнул. Я почувствовал себя так же, как в лагере пыток «эм пи»: пища была передо мной, а голод утолить было нельзя.

— Отступать! — скомандовал Джон.

Мы отошли в гущу папоротников и саблевидных трав.

Лишь только мы продвинулись на несколько шагов, как Рикардо разразился проклятиями.

— В чем дело? — обернулся я.

Можно было и не спрашивать. Я увидел, как к его руке присосались две лесные пиявки. И третья, в тот момент когда я подошел, шлепнулась туда же.

— У-у, паршивка! — пробормотал сквозь зубы кубинец, смахнув ее. — А ты сними с меня этих двух, пока во мне осталась хоть капля крови!

Пока я отрывал насосавшихся уже четырехсантиметровых кровопийц от его руки, к нам подскочил Джон.

— Я вас всех предупреждал: застегивайтесь как следует. Рикардо, я не потерплю нарушений дисциплины! Так и знай! Не потерплю! Еще один такой случай... — он сделал небольшую паузу и в упор посмотрел на кубинца, — и марш домой! Не бывать тебе в Сайгоне!

Я ни на минуту не сомневался, что свое слово он сдержит.

Мы продвигались параллельно долине. Только далеко за полдень один-единственный раз мы увидели в лесу

крестьян. Вышли они откуда-то из дебрей и направились к деревне, туда же, куда держали путь и мы.

Разумеется, нам меньше всего хотелось встретиться с ними, поэтому мы скрылись за листьями пальмы латании — каждый такой лист мог бы вполне служить зонтом — и переждали, пока крестьяне скроются из виду.

Было бы нелепо разводить огонь так близко от населенного пункта, даже если бы нам попалась первоклассная дичь. А в сыром виде мы ее есть все равно не станем, лучше с голоду пропадем. У нас еще оставались мясные консервы, пришлось есть их холодными, но все равно мы прикончили свои запасы с большим удовольствием.

— Ничего, в деревне у нас будет друг! — подбадривающе сказал Джон.

Он впервые сказал об этом, и все мы с удивлением посмотрели на него.

— Поди-ка сюда! — отозвал он меня в сторону.

— Ты это всерьез? — спросил я, присев рядом с ним на ствол старого рухнувшего дерева. Я полагаю, что, будучи его помощником, присутствовал на всех без исключения совещаниях и инструктажах, поэтому слова Джона несколько меня озадачили.

— Да, всерьез! Но до настоящего момента об этом знал один только я. Собственно, «друг» — это условно. Как мы назовем его, будет полностью зависеть от нас, от нашей ловкости. Точнее, от твоей! Тебе придется вести переговоры!

— Слушаюсь! — ответил я, тотчас же уловив ход его мыслей: данное задание может выполнить только сам командир или же его помощник. А раз так, зачем командиру рисковать?

— Его зовут Фам Кан Тан. Это самый богатый здесь крестьянин. Партизаны его терпят потому, что он не требует у них назад ни одной пяди земли, больше того, он регулярно вносит им дань.

— Но ведь... — начал я недоуменно.

— Фам Кан Тан. Я повторяю его имя для того, чтобы ты заучил его, голова садовая! У него и теперь еще — будь покоен! — добра столько, сколько и у полдеревни не соберешь. А если он удерет?.. Уж не думаешь ли ты, что Дьем и его компания возместят ему убытки?

Судя по доносам, он ненавидит вьетконгцев. Значит, он кровно заинтересован, чтобы в районе восстановился прежний порядок.

Когда стемнело, я в сопровождении Андраша отправился в деревню. Я выбрал себе в телохранители именно Андраша. После нападения пиявок Рикардо жаловался на боль в руке. Алекса, как я заметил, Джону не хотелось отпускать от себя. К немцам же я относился неприязненно. Впрочем, против Курта я ничего не имел, но Хорст, как я уже говорил, вызвал во мне отвращение.

Деревня оказалась довольно бедной. Преимущественно крытые пальмовой листвой бамбуковые хижины будто потягивались на своих ногах-сваях. Я увидел лишь одно глинобитное строение; нетрудно было догадаться, что оно принадлежало Фам Кан Тану.

Мы приближались к деревне с наветренной стороны и поэтому натерли тело особыми душистыми травами, чтобы собаки не почуяли запах человека и не подняли лай.

Этот метод оправдал себя. Мы беспрепятственно дошли до глинобитного дома. Андраш, следовавший до сих пор за мной шагах в двадцати, теперь догнал меня.

— Я лягу под плетнем, — шепнул он мне.

— Тоже придумал! А если тебя ужалит какая-нибудь очковая змея? Что тогда? Полезай-ка лучше на дерево! Оттуда тебе будет видно меня, и ты будешь в безопасности!

— Ладно!

Я подождал, пока он исчезнет в листве.

Передо мной было несколько окон: узнать бы, за каким из них хозяин? Но как? Я взял горсть мелких камешков и стал по одному бросать их в первое окно. Я бросил уже шестой камешек, все они тихо, но достаточно явственно касались стекла (стекло тоже свидетельствовало о состоятельности и барских замашках владельца), а в доме по-прежнему было темно и тихо.

«Что могло случиться? Может, их убили партизаны?»

Темнота и неизвестность вызывают множество предположений и опасений. Я уже стал беспокоиться за господина Фама и его семью, за самого себя, да и за Андраша тоже.

«Не иначе, как их ухлопали! — думал я. — Может, партизаны и сейчас притаились где-нибудь здесь, в глубине сада! Но в таком случае почему они до сих пор не напали на нас?»

Меня тревожила эта тишина. Наконец я решился. Будь что будет — проберусь в дом.

Я еще крепче сжал автомат, держа его наперевес, чтобы быть готовым ко всему. Еще при отправке я твердо решил в плен не попадать. Бороться до последнего заряда. Последний заряд я предназначал для себя. А если и для этого не останется времени, то... я взглянул на свой безымянный палец, где, почти скрывшись в оправе, крошечный кристаллик отражал огни звезд.

Секунда — и меня не станет!

Напрасно старался я смочить языком пересохшее небо, оно сохло еще больше.

«Ты волнуешься как никогда! — сказал я себе укоризненно. — Ну и что ж, ведь это уже не игрушки!»

К длинному крыльцу, тянувшемуся вдоль фасада, вело несколько ступенек. Я подымался по ним очень осторожно, чтобы они не скрипнули.

«Как хорошо, что в Форт-Брагге меня и этому искусству научили!» — И я добрым словом вспомнил своих преподавателей.

Дверь была примитивная, но массивная.

Я был уверен, что проникнуть в дом можно только через какое-нибудь окно. Могло ли мне прийти в голову, что господин Фам не запер свою дверь на ночь и не заложил ее вдобавок железной щеколдой? Я чисто инстинктивно, по привычке горожанина, нажал на ручку.

Вы не представляете себе, как я растерялся, когда дверь передо мной отворилась и темный дом разверз свое невидимое нутро. Я ничего не видел, но чувствовал, что напротив меня стоит человек.

«Партизан!» — мелькнуло у меня в голове. Одновременно — так бывает, когда по радиоприемнику попутно с основной передачей слышишь на ближних волнах передачи других станций, — моя мысль сопровождалась иными предположениями.

«Убили всех домашних и устроили засаду! Здесь произошло предательство! Они были предупреждены о моем

приходе!» Все это мгновенно пронеслось у меня в голове.

И вот рядом со мной, не дыша, стоит в темноте человек, тот самый человек!

Возможно, в его руке уже подымается нож.

Я бросился вперед. Схватил неизвестного и уложил с помощью приема дзюдо. Бамбуковый пол задрожал и стал мерно покачиваться от его падения.

Я готовился встретить сопротивление и снова опешил, что так гладко все сошло. «Тот» даже не пытался защищаться. Я держал его за руку, сжимая ее изо всех сил, и думал: что же мне дальше делать? Убить? Оглушить и потащить к нашим ребятам? Может, он будет неплохим «языком»?

Человек тихо, умоляюще пробормотал что-то на непонятном языке. Наверное, по-вьетнамски. Я не разобрал ни одного слова.

Взошла луна, из-за моей спины заглянула в открытую дверь и все вокруг осветила.

«Да ведь он в нижнем белье!» — ужаснулся я. И тут же все понял: эдак я чуть было не умудрился отправить на тот свет хозяина дома! Это называется хватить через край! Мне было досадно и в то же время смешно.

Стонавший под моими коленями человек, увидев меня при свете луны, еще больше перепугался. Да и не удивительно, он меня видел впервые, вдобавок я белокожий.

Я поставил его на ноги и нежно стряхнул с него пыль.

— Мсье Фам? — спросил я по-французски, затворив дверь. Я знал, что он говорит на этом языке, и поэтому избрал его для переговоров.

— Да! — ответил он дрожащим голосом также по-французски. Он все еще очень боялся меня.

— Я хороший друг! Мадам Гран Ле Чи передает вам привет!

Эта дама имела неподалеку поместье, кроме того, была женой министра внутренних дел и родственницей президента Дьема.

Услышав это имя, он овладел собой и поклоном поблагодарил за известие.

— Где можно поговорить с вами по душам? — спросил я.

— Ты француз? — ответил он вопросом на вопрос.

— Я американец!

— Американец?

В доме было темно — ведь я закрыл дверь. Но по тону его, по тому, как он повторил слово «американец», я почувствовал, что он успокоился.

— Ступай за мной, господин! — предложил он услужливо. — Фам хочет быть полезный слуга! Подожди, несу свет!

Говорил он на ломаном французском языке и ходил так бесшумно, что только дрожание пола выдавало его удалявшиеся шаги.

Вернулся он с фонарем. И первым делом задвинул на дверях засов.

— Для чего ты оставил дверь открытой? Ведь ты мог подвергнуться нападению?

— Я думал, вьетконгцы придут за оброком.

— Вьетконгцы? — Его сообщение меня обрадовало. Значит, этот человек знает о них! И он откровенен со мной! Мое доверие к нему тоже возросло. Он определенно будет полезным помощником.

— Господа ищут партизан? (Я солгал ему, будто нас очень много тут, дабы он не боялся выдать мне свои секреты!) Искать вам их не надо! Они почти все тут, в деревне, да еще в соседней деревне. Во всех деревнях! Днем они пашут и сеют, как и другие порядочные люди. Зато ночью!.. Ночью они становятся кровавыми, как тигры.

— Успокойся, недолго они будут тут хозяйничать! — подыграл я ему.

— О господин! Твоими бы устами да великий император Яде говорил!

— Император Яде? — удивился я. — А мне сказали, что ты католик.

Он смутился.

— Очень правильно сказали, очень! Это у нас такая поговорка! Ты, господин, понимаешь, такие, как я, старики еще хорошо помнят предания! — Его голос снова стал тихим и покорным. Этот голос опять молил о пощаде, будто хозяин снова был прижат моими коленями. — Господин мой, очень прошу тебя, не расскажи об

этом госпоже Тран Ле Чи. Она может не так истолковать мои слова и лишить меня своей милости.

«Ах вот оно что! Почтенный Фам, оказывается, в равной мере поклоняется Христу и Будде, в зависимости от обстоятельств, но это не мое дело!» Однако тот факт, что он боялся, как бы я не выдал его, дал мне преимущество.

— Будь покоен. Я не доносчик. И для чего мне вредить человеку, который нам друг? — Я решил, что будет неплохо, если, помимо собственных интересов, еще и страх будет побуждать его служить нам.

У старика от души отлегло.

— Ты, наверно, голоден, господин? — вспомнил он вдруг обычай встречать желанного гостя.

— Сейчас-то нет, но, уходя, после того как мы с тобой наговоримся, я охотно отнесу своим товарищам рисовых лепешек.

Он разбудил жену и старшую дочь и велел им заняться стряпней.

— Все будет как надо, господин! А теперь слушай внимательно!..

Мы с Андрашем едва тащили добро, которым нас снабдили на дорогу. В пути в виде исключения я поручил ему ответственность за нашу безопасность, настолько мои мысли были заняты сообщением почтенного Фама.

— Отряды состоят из деревенских, господин, — толковал он, — но их голова, которая выдумывает все злодеяния, можно сказать, никогда не выходит из джунглей! Этого преступника зовут Дак Тинк. О, попади он мне когда-нибудь в руки!

— Ты его знаешь?

— Знаю ли я этого висельника? Ты еще спрашиваешь! Да я его сопляком еще знал! Он отсюда. Тут жила и семья, породившая его!

— Жила?

Он смущенно оскалил зубы.

— Ну да, пока они не поспорились с госпожой Тран Ле Чи. Воющий мужик грубил госпоже! Возмущался, видите ли, налогами!

— Ну а дальше?

— Тому, кто восстает против богом данных господ, долго не прожить! Их насмерть забили! И отца Дак Тинха, и мать его. А он сам избежал наказания только потому, что как раз был в лесу, на охоте! Так и остался в чаще. Это случилось, мой господин, шесть лет назад, говорят, он с тех пор даже выучился в лесу. Он теперь душа вьетконгцев в нашем районе!

— А в деревню он никогда не приходит? У него здесь никого не осталось?

— Приходить-то, конечно, приходит, но кто может угнаться за тучами да за ветром? Мужчины охраняют его, следят, как бы не заманили его в ловушку. Да и милиционеры за него. Но...— он замаялся, как человек, который решает, сказать или нет,— но кое-кого он на самом деле тут имеет. Невесту. Прекрасную Ме.

— Какая она из себя? — спросил я, почему-то подумав о половецкой красавице.

Я рад был, что по моему лицу скользнул лишь слабый луч фонаря, так как меня бросило в жар. Передо мной, как наяву, возникли маленькие, живые холмики Фудзиямы. И потому я несколько не удивился, когда он ее описал. Скорее обрадовался: ведь таким образом мы должны будем заняться ею официально. Это я охотно возьму на себя!

— Мне одно только не ясно: раз вы знаете об этом, почему его кто-нибудь не выследил?

— Потому что чаще всего сама девушка ходит к нему в убежище.

— Можно бы пойти следом за ней!

— Ты, видно, господин, еще мало времени находишься в наших краях, раз не знаешь даже такого пустяка: что деревня и дороги принадлежат государству, а джунгли — вьетконгцам. Туда за ними не пойдет ни один солдат!

Вот какие дела занимали мои мысли, когда я с перекрученным посредине мешком на плече крался следом за Андрашем. К тому времени как мы прибыли к месту нашей стоянки и я отчитался обо всем Джону, у меня уже был готовый план действий.

Правда, вначале Джон не соглашался со мной — он не намерен был делить с кем бы то ни было грядущую славу. В течение целой недели прятались мы в лесу, тем временем наши дозорные следили за домами и за работавшими в поле крестьянами.

— Надо бы похитить малютку! — предложил Хорст.— Уж я бы из нее вылушил, где их логово!

Я посмотрел на Джона, ждал, согласится он или нет.

Он отрицательно мотнул головой.

— Ты не знаешь Востока. Да если она умрет в твоих руках, то мы можем собирать манатки и отправляться в обратный путь. Не поймать нам тогда не только какого-нибудь партизана, но даже детеныша партизанского! Что же ты тогда скажешь генералу?..

Это были неприятные дни. Под вечер из гущи листья лезли на нас москиты, да в таком количестве, что мы боялись дышать: как бы не вдохнуть парочку этих вредных маленьких бестий. Не будешь же все время ходить окутанный сеткой, а без нее москиты превращали нашу жизнь в сущий ад. Мы грызли хинин, как дети конфеты, только с несколько иной миной. Об охоте не могло быть и речи. Приходилось довольствоваться остатками подношения почтенного Фама и теми зверьками, которых мы ловили капканами. Но даже при таком способе мы должны были соблюдать предосторожность, чтобы следы капканов не выдали нашего присутствия. Ели мы жареную змеятину, гиббонов. И еще пав — насколько прекрасно оперение этих украшающих джунгли птиц, настолько жестко и безвкусно их мясо. Мы немного пришли в себя лишь тогда, когда послали фазанов, которых нам удалось наловить с помощью петли. Мы изжарили их, облепив землей. В деревне легко можно было бы раздобыть кур, уток и даже свинью, но этим мы привлекли бы к себе внимание, так что от подобной роскоши пришлось отказаться.

По истечении недели и Джон вынужден был признать, что эдак мы ничего не добьемся. Со времени нашей здесь высадки мы впервые установили связь со ставкой генерала Маккара.

На другой же день, с зарей, мы отлично видели, как с края леса под прикрытием бронемашин на сквер-

ную, ведущую к деревне дорогу свернула военная автоколонна. Было еще очень рано. Крестьяне, проснувшись от страшного рева моторов, сонные повыскакивали из своих хижин, ошеломленно глаза на этот парад.

Люди в одежде цвета хаки действовали по точно разработанному плану. Часть вездеходов, миновав строения, прогрохотала за садами и оцепила деревню. Остальные въехали во дворы. Солдаты сразу же расквартировались. Командующий офицер созвал деревенский совет.

Секрет, который офицер вверил совету — кстати, через час он стал уже достоянием всех жителей деревни от мала до велика, — состоял в том, что партизан собираются заманить в западню. И в самом деле: в разных точках деревни появлялись засады, с удивительной быстротой поглощавшие людей в одежде цвета хаки. Жители могли свободно ходить по улицам, но покидать деревню кому бы то ни было запрещалось. Об остальном позаботился почтенный Фам. От него мы узнали, что за Дак Тингом установлена слежка — это и есть та крупная рыбка, ради которой расставлены сети.

До наступления сумерек мы трижды услышали стрельбу за деревней. Алекс, державший связь с майором дьемовцев, сообщил нам, что были пойманы парни, пытавшиеся удрать в лес. Это их расстреливали.

Наша группа целый день находилась в боевой готовности. Нам теперь было не до деревни — главное, чтобы наше присутствие не обнаружили, на это и направили мы свои усилия, происходящее вне леса нас не волновало. Мы рассчитывали на то, что партизаны не удерут, а притаятся в своей лесной норе и что эту-то нору мы сегодня же найдем.

Часы тянулись томительно долго. Мы завидовали дьемовцам, на долю которых выпала куда более безопасная задача.

Какое нам, спрашивается, до всего этого дело? Это им, выраженным в одежду цвета хаки, надо бы тут отсиживаться, пробираться в джунгли и вступать в бой! Но они прохлаждаются в своих комфортабельных укрытиях, где им варят пищу на крестьянских очагах, а мы...

Целый день вместо еды мы жевали молодые побеги бамбука. Разговаривать было нельзя, шевелиться тоже,

лишь в крайних случаях. Ставка была большая, рисковать мы не могли!

Так прошла и ночь. Без каких бы то ни было происшествий. У нас уже появились сомнения: не просочилась ли какая-нибудь весть из деревни?

Москиты в кровь искусают мне лицо, руки, в то время как, сжавшись в комок, я сосредоточил все свое внимание на одном-единственном доме. Защищаться от нападения москитов было невозможно, они шли на меня тучами. В довершение всего к моей засаде стал приближаться тигр. Шел широкими мягкими шагами, и я, наверное, даже не заметил бы его, если бы он не фыркнул. Он двигался с той стороны, откуда дул ветер, поэтому не подозревал о моем присутствии. А увидел он меня, вероятно, в ту же секунду, когда и я его. Глаза зверя сверкнули злым, зеленым огоньком.

Как быть? Идти на него с ножом ничего не даст. Выстрелить — значит провалить операцию! Принять героически смерть, став его безмолвной жертвой? Дудки!

Тигр — я ухом уловил его движение — готовился к прыжку.

Меня вдруг осенила мысль. Я взял карманный фонарик в рот и зажег его.

Глаза зверя расширились. Он зарычал, и в его голосе я услышал испуг. Едва я понял это, как тигр исчез.

Я вытер покрытое испариной лицо. Тигр струхнул, но и я грешен. Было приятно облегченно и глубоко вздохнуть.

Уже светало, когда — наконец-то! — раскрылась дверь, с которой я со вчерашнего дня не сводил глаз. Из нее выскользнула закутанная во все черное женская фигура. Даже теперь нельзя было не заметить, как она стройна. Дом, где жила девушка, был совсем близко расположен к джунглям, охрана же получила приказ не замечать ее выхода. Видеть всех, кроме нее!

Она ступала осторожно, чуть пригнувшись. Когда под ногами у нее вдруг что-нибудь хрустело, она, вздрогнув, останавливалась, сгибалась еще ниже и выжидала. Из гущи деревьев неожиданно вылетела запо-

здавая ночная птица. Она громко, пронзительно крикнула. Девушку передернуло, будто от удара.

Войдя в лес, она ускорила шаг. Шла по лесному бездорожью решительно, целеустремленно, видно, не впервые. Временами останавливалась и, спрятавшись за каким-нибудь деревом, оглядывалась и прислушивалась. Платок, который укутывал ее при выходе из дому, она сбросила еще тогда, когда вошла в лес: он только мешал бы ей продвигаться среди лиан и ветвей.

Мы следовали за девушкой по разработанному заранее плану, прикрывая друг друга, в течение трех часов.

Шла она быстро, не останавливаясь. Шла удивительно легко, ибо — для нас это было неожиданностью, хотя мы долгими сутками бродили по чаще, изучая ее тайны, — даже в самых непроходимых зарослях находились маленькие, едва заметные лазейки. Отодвинет она ветку (возле которой мы уже не раз проходили), а за ней в кустарнике вдруг откроется проход, через который свободно может протиснуться человек.

Я восхищался прекрасной Ме. С одним-единственным, даже не очень длинным ножом в руке одна-единишенька в джунглях!

Вдруг она отпрянула. Перед ней висела чуть ли не двухметровая змея. Я отчетливо разглядел охватывающее иссиня-черное туловище змеи желтые кольца.

«Аспид! Одна из опаснейших для жизни тварей! Если она не в духе — девушке конец!» — мелькнула в моем мозгу страшная мысль. Самое интересное, что в эту секунду я переживал за Ме, не думая о том, что с ее гибелью мы потеряем след.

Девушка, как я уже сказал, отскочила назад. Лицо ее было скрыто от меня, но, стоя у нее за спиной, я видел, что она медленно, с предельной осторожностью подняла перед собой руку, сжимавшую рукоять ножа.

«Вот умница! — похвалил я ее мысленно. — Она старается не раздражать змею!»

И в самом деле змея спокойно и лениво потянулась, затем не спеша уползла в кусты.

На исходе четвертого часа ходьбы мы дошли до маленькой поляны. Девушка остановилась на краю ее и с помощью пальцев свистнула птицей.

Она стояла как раз возле баньяна, ствол которого не могли бы обхватить сцепленные руки нескольких человек. Этот гигантский ствол раздваивался, потом концы двух его разветвлений сгибались и образовывали свод.

На свист из дупла вышел немолодой широкоплечий человек с морщинистым лицом.

— Что случилось, Ме? С чем ты пожаловала?

— Тхан! Тхан! Большая беда! В деревне солдаты! Они ищут вас, хотят заманить в западню!

— Ступай скажи Мальчику! — Он слегка притянул ее к себе и тут же отпустил.

Мы ждали, что будет дальше.

Ме пересекла поляну и остановилась у группы деревьев.

Подняв голову, она крикнула что-то.

Из гущи ветвей в вышине спустилась веревка, сплетенная из лиан. Тогда мы только заметили, что зеленый шатер скрывает хижину.

— Чертовски удачная выдумка! — едва дыша, шепнул мне на ухо Джон.

Остальные члены нашего отряда тем временем присоединились к нам и ожидали команды.

Из хижины показался жилистый, с мягкими, как у паптеры, движениями, юноша. Когда он спустился по лестнице и спрыгнул на землю, девушка подошла к нему и взяла его за обе руки. Лишь на мгновение коснулись они друг друга лбами — это означает у них поцелуй, потом заговорили. В это время мы смогли разглядеть парня: на нем была зеленая, цвета травы рубаха с отложным воротником, которая очень шла к его смуглому, умному и открытому лицу. Дак Тинх, вне всякого сомнения, был привлекательным мужчиной.

— Алекс, уладь дело со стариком под баньяном! — шепотом раздался приказ.

Американец кивнул. Зажав нож в зубах, он бесшумно исчез.

Мы дождались, когда он, высунувшись из дупла в корнях баньяна, кивком дал понять, что все в порядке. Итак, часового убрали.

Остальное казалось делом пустячным. Но что будет с девушкой? Ее мне не хотелось видеть распростертой вместе с другими окровавленными и неподвижными телами, знаменующими конец нашей операции. Дак Тинх, как бы в ответ на мои мысли, кивнул Ме и стал карабкаться вверх по лиановой лестнице. Движения его были быстрыми, ловкими, ему мог бы позавидовать любой акробат.

Это вышло весьма кстати.

Заметив, что за моей спиной стоит Хорст, я скомандовал:

— Займись девушкой!

И только тогда, когда немец с готовностью бросился выполнять приказ, я пожалел, что отдал его, но отступить было уже поздно. К тому же стремительно разворачивающиеся события отвлекли мое внимание от девушки. Я успел только увидеть, как немец вырос за ее спиной, затем...

Из-за густой завесы из листьев показался Дак Тинх. Он заметил нас, к тому времени уже миновавших середину поляны, заметил также, что Ме бьется в чьи-то руках.

Он выкрикнул громкую, краткую команду и, ухватившись за лиановую лестницу, стал спускаться. Если бы я не видел этого собственными глазами, никогда бы не поверил, что человек способен так быстро работать руками и ногами! Он уже был на середине лестницы, когда Джон нажал на курок автомата. Из ствола вырвалось пламя.

Страдальческое «Ох!» — и сжимающие лианы пальцы разжались. Тело пантеры превратилось в тяжелый куль. Оно упало в траву и осталось лежать неподвижно.

В хижине среди ветвей засуетились. Алекс швырнул в самую гущу зелени связку ручных гранат, среди которых были и зажигательные. Дерево-великан вспыхнуло. Оно горело гигантским факелом!

В тех, кто пытался бежать, мы стреляли. Те, что остались наверху, сгорели.

Вся эта страшная драма разыгралась в течение каких-нибудь пятнадцати минут.

На всякий случай мы поставили Андраша к все еще объятому пламенем дереву. В хижине, конечно, уже не было живых, мы в этом не сомневались, и все же не стоило рисковать.

Мы приступили к осмотру убитых, стали обыскивать одежду на них. Мало ли, вдруг обнаружим какой-нибудь документ, что-нибудь такое, что может нам пригодиться?

Склонившись над Дак Тинхом, я краем глаза увидел, как Хорст, подойдя к нашему командиру, что-то шептал ему на ухо.

Я знал, чего ему надо. Меня охватила ярость. Я до боли в руках сжал оружие и выпрямился.

Мой взгляд встретился со взглядом Джона. Он, оказывается, следил за мной. Палец же Хорста, будто невзначай, лег на курок автомата.

Я вынужден был молчать, терпеть, не произнося ни слова, мирясь со своим бессилием.

Я снова нагнулся над телом, все еще украдкой поглядывая на них.

Немец, глупо улыбаясь, сделал под козырек и исчез в направлении баньяна. Рикардо поглядел ему вслед, встал и, ни слова не говоря, пошел за ним.

Карманы Дака Тинха были пусты, совсем пусты. Я без всякой надобности поворачивал тело, осмотрел след заряда, аккуратно и насквозь просверлившего его. На меня смотрели погасшие, уже остекленевшие глаза с недавно еще привлекательного молодого лица, но застывшее на нем выражение не отражало ни скорби, ни боли.

Женский крик взмыл и затрепетал в воздухе. Мы прислушались. Крик оборвался.

«Наверное, ей заткнули рот!» — подумал я.

Сколько времени прошло? Не знаю. Мне казалось, целая вечность.

Возвращался Рикардо, весело насвистывая.

— Ну как? — обратился к нему Джон. Он не улыбался — видно, и у него на этот счет было свое, нелестное для этих двоих, мнение. И все же это он, он позволил!

— Подумать только! — начал Рикардо громко и хвастливо. — Вот не ожидал, что наткнулся среди этих

дикарей на такую порядочную девушку! Можете себе представить, ходила сюда, в джунгли, к своему парню и...

Щелкнул выстрел. Один-единственный. Из дупла вышел Хорст. Лицо его было, как всегда, кротким, синие глаза спокойно, с детским выражением принимали наши взгляды.

Охотней всего я убил бы эту тварь.

— Ишь ты, бежать захотела! — сообщил он. Но все мы знали, что он лжет, что говорит это так, для отвода глаз. Никто, однако, не придавал этому значения.

Никого не интересовала больше так восхищавшая нас еще вчера прекрасная Ме, которая теперь, безжизненная и оскверненная, лежала под гигантским баньяном.

Операция «Могучий баньян» для нас была закончена. Но роль в ней солдат Дьема только теперь началась.

Они покинули крестьянские жилища и стальным кольцом окружили селение.

И тогда заговорили пушки. Они стреляли зажигательными снарядами.

Мы взглянули на часы: первый залп раздался ровно в двенадцать часов дня, а грохотали пушки, причем беспрерывно, до пяти часов вечера.

Расправа все еще продолжалась, когда мы вернулись на край джунглей, откуда нынешней зарей любовались самым мирным на свете зрелищем.

Деревни больше не было, она превратилась в дымящуюся грудку развалин. Собственно, я и поныне не могу понять, во что так долго и так остервенело стреляли из своих пушек эти трусливые солдаты в форме цвета хаки?

Когда смолкли залпы, выползли ленивые, но грозные бронемашинны. Если бы в этом крошечном аду и уцелела случайно чья-нибудь жизнь, ей бы теперь не было пощады.

Деревня погибла. Жителей перебили, даже младенцев. Погиб и Фам Кан Тан вместе со своими домочад-

цами. Когда-нибудь, возможно даже скоро, поселится на его земле другой владелец, придут сюда другие крестьяне, и все начнется сначала. Но теперь?.. Теперь?!

Мы связались с генералом Маккаром. Он горячо поздравил нас, не в пример подполковнику, исполнявшему при нем обязанности начальника штаба. Подполковник не высказал никаких восторгов. Он отдавал нам приказания сурово и холодно.

— Остаться в джунглях! Ни при каких обстоятельствах не вступать в контакт с этими там, желтыми! Они уже получили приказ убраться, а за вами будет выслан вертолет. Он заберет вас еще до наступления темноты!

В самом деле, кузова объезжавших развалины бронемашин с чудовищной быстротой проглотили дьемовских вояк.

А спустя полчаса густые облака пыли уже вылетали из-под прыгающих по разбитой дороге машин.

Солнце уже приближалось к макушкам лесных великанов, когда появился долгожданный вертолет.

Все, что мы могли сделать в наших условиях, — это платками подать ему условные знаки. Он пошел на снижение.

Мы облегченно вздохнули.

День этот был тяжелым, скверным, и нам хотелось поскорее убраться из этих мест. Хотя бы в Сайгон или в какое-нибудь благоустроенное здание Биен-Хоа, где можно хорошенько вымыться, переодеться в чистое и — давненько я не делал этого! — выпить. Выпить до полного беспамятства!

С вертолета нам спустили веревочную лестницу. Джон установил очередность посадки:

— Фрэнк, Рикардо, Алекс, Курт, Хорст, Андраш.

Себя он оставил напоследок, но я видел по его физиономии, что он охотно бы поменялся со мной местами, если бы не строгое правило. Он чувал, вероятно, то же, что и я, что и все мы ощущали необъяснимым инстинктом солдат.

Мы с Рикардо были уже в машине, Алекс карабкался по лестнице, когда из лесу раздался выстрел. Затем еще один, и еще. Пошли целые очереди.

— Скорее, скорее же, ради бога! — в панике закричал пилот.

Алекс прыгнул к нам.

Мы выставили в дверь дула автоматов и стали отстреливаться. Залаял и автоматический пулемет с вертолета.

Внизу один из нашей группы, раскинув руки, упал. «Прямое попадание в сердце», — установил я машинально.

В следующую минуту закричал, дико ругаясь, Курт. Затем на его губах появилась красная пена и он затих.

Умолк и лес. Мы снова и снова осветили кусты, ветви деревьев, но нигде выстрелов больше не было.

Мы спустились по лестнице.

Джон был мертв, Курт тоже. Андраш сжимал левую руку: между пальцами сочилась кровь. Не беда. Он живой — это главное. На краю леса мы увидели лишь кровавые следы. И больше ничего и никого.

Мертвых товарищей мы забрали с собой. Машина поднялась над джунглями.

Джунгли... Куда, возможно, еще вернемся мы, куда после нас придут и другие, такие, как наш, отряды... не раз еще они будут прочесывать эту непроходимую чащу... опять здесь будут бои, польется кровь! Но, до тех пор пока будет жив хоть один вьетнамец — в это мы уже убедились, — здесь повелителем будет вьетконг.

Глава двенадцатая

На кубинской земле

После месячного пребывания во Вьетнаме нас отвозили в Америку. В Сайгоне остались две могилы — Джона и Курта.

— Вы были нашими пионерами! Молодцы! — прощался с нами генерал Маккар.— Вы избавили президента Дьема от одного из опаснейших главарей бандитов и открыли путь отрядам войск специального назначения. Что и говорить, здесь нужны именно такие

богатыри, как вы. Только вы можете одержать победу в борьбе с сорняком джунглей!

У меня на языке вертелись слова, что этот «сорняк» я считаю непобедимым. Но рассудок, как и всегда, снова взял верх над порывом.

Время шло, а образ Ме не покидал меня. Он и теперь меня преследует. Перед моим мысленным взором то и дело встает ее милое половецкое лицо, чарующие черты которого будто создал вдохновенный художник, копна ее ниспадающих на спину пышных черных волос, два холмика Фудзиямы...

Джон понес должное наказание, но Хорст и Рикардо спаслись. Я еще в Сайгоне решил, что при случае напомню им душло баньяна...

На отдых нас отвезли в Форт-Брагг. Но этот отдых длился недолго. После него...

Андраш уехал в Корею. Алекс в качестве «коммивояжера» был направлен в Аргентину. Рикардо попросту исчез, мы представления не имели куда. Кроме меня, остался Хорст, но я его сторонился как прокаженного. Я его презирал, более того — ненавидел.

Тем тягостнее было мне, когда в один прекрасный день я получил новый приказ и перед нашим полковником навьютяжку стояли трое: Хорст, Рикардо, неожиданно появившийся откуда-то, и я. Было ясно, что нам придется выполнять вместе какое-то задание. Бок о бок, друг за друга... Ох, трудно будет! С этими мне будет очень трудно. Я это знал, но должен был подчиниться. К сожалению, солдат не волен подбирать себе партнеров.

— Вам дается три дня. За это время с помощью макета вы изучите географию Кубы, а также снимки, сделанные воздушными разведчиками. Куба, по всей видимости, скоро станет театром наших боевых действий. Вас мы засылаем вперед. Все остальное вы узнаете перед отправкой.

Так гласила инструкция.

Мы детально изучили географию острова, начиная от провинции Пинар-дель-Рио до находящейся в самом дальнем его конце Ориенте. Изучили и основные сельскохозяйственные культуры страны; мы твердо знали,

что Вегас славится табаком, а Ла-Хина и Пинос — апельсинами и грейпфрутами, что кофе возделывается в Oriente, а сахарный тростник — чуть ли не повсеместно. Это было для нас очень важно потому, что при проведении операций растения часто оказывали нам большую услугу: они прятали нас, были нашими помощниками и отчасти орудием борьбы.

— Подоженные плантации сахарного тростника отвлекают внимание жителей, вызывая при этом панику, — пояснял Рикардо. Его, как уроженца Кубы, назначили нашим инструктором и руководителем.

— Вы и представить себе не можете, что за прекрасная и величественная гора, наша Сьерра-Маэстра! — говорил он в другой раз, и в его голосе чувствовалось волнение.

Какая-то внутренняя необъяснимая сила подстрекала меня разобраться в характере Рикардо, фанатично любившего и в то же время ненавидевшего свою родину.

«Здесь нет, в сущности, никакого противоречия, — пытался я найти ключ к разгадке психологии этого человека. — Скорее всего, он волею на режим, изгнавший его».

Мое неуязвимое второе «я» тут же взбунтовалось.

«Режим, говоришь? Только на режим, по-твоему, он волею? Но ведь он собрался жечь, разрушать, то есть навлечь беду на своих же ни в чем не повинных перед ним земляков. Из каких побуждений? Уж не из патриотизма ли?»

«Да какое тебе, собственно, дело до психологии Рикардо? Что тебя подстрекает снова и снова мысленно к нему возвращаться?»

«Дело в том, что ты сам такой же, как Рикардо», — сам собой вынырнул откуда-то ответ.

«Глупости!» — пытался я защищаться против этой мысленной реплики.

«В таком случае попробуй, докажи обратное! Ну? Так в чем же дело? Может, ты равнодушен к своей Венгрии? Нет? Ну вот видишь! А пошел бы ты на нее, ежели бы...»

Я насилу оборвал этот внутренний спор. Он стал мне неприятен, очень неприятен. Слишком много в нем было горечи.

Всю свою волю я сосредоточил на том, чтобы по-лучше изучить поле нашей предстоящей битвы. Я старался самому себе доказать, что выступаем мы снова потому, что от этого зависит наша жизнь, судьба, возможная карьера. Но я знал, что, в сущности, спасаюсь этим аргументом от самого же себя.

Вдобавок еще и от Магди пришло письмо. Я его даже не распечатал. Аккуратно сложив, спрятал в бумажник. Боялся, что ее строчки — о чем бы они ни говорили — снова взбудоражат меня.

Когда мы познакомились со всем необходимым для выполнения нового задания, нашу группу отвезли в Панаму. Около недели провели мы в предоставленной нам на базе Рио-Хато удобной квартире. Были приняты строжайшие меры к тому, чтобы оградить, изолировать нас от личного состава местного гарнизона. Общаться нам было дозволено лишь с несколькими офицерами и еще с одной личностью в штатском, заботившейся о нашем быте.

На аэродром нас троих отвезли в ночное время. Самолет, ожидавший нас на бетонной площадке, напомнил распространенное в Соединенных Штатах воздушное такси. Взлетная полоса освещалась прожекторами; нельзя было не увидеть красующийся на корпусе и крыльях самолета панамский государственный герб.

«Ух, брат, это пахнет большим свинством!» — чуть было не слетело у меня с языка. Подмеченная деталь окончательно укрепила во мне мысль, возникшую еще с самого начала приготовления в путь, что переброска эта будет куда серьезней, чем наши вьетнамские похождения.

— Вот вам пилот! В течение нескольких часов ваша жизнь будет в его руках. Но вы можете полагаться на него: он парень что надо! — С этими словами майор, отдававший последние приказания, представил нам терпеливо ожидавшего человека в форме пассажирского флота.

Мы поздоровались с ним за руку. При этом ни он, ни мы не назвали себя. Это был высокий, статный парень, рукопожатие его было крепкое и решительное.

Едва мы сели в самолет, как загудели моторы. Машина рванула с места, пробежалась по земле и, набирая скорость, взмыла вверх.

Этот наш полет ничем не отличался от предыдущих. Только необъяснимая тревога охватила меня на этот раз сильнее, чем когда бы то ни было.

Что за дурацкое предчувствие? Я слышал о том, что солдат чует свою судьбу...

«Дурак ты, Фери! — ругал я самого себя. — Ты точно старуха из твоего родного захолустья, которая все еще верит в привидения и приметы, в ведьм и сны!»

От «захолустья» мои мысли перескочили в Шопрон, отсюда — к Магди.

«Надо бы тебе прочитать ее письмо. Ты его не прочел, не ответил ей, а ведь, кто знает, будет ли у тебя еще возможность...» — заняло у меня где-то внутри.

«Вот опять зловещие предчувствия! Черт бы их побрал! Надо что-то предпринять, отвлечься... Нехорошо, когда солдат перед выступлением распускает нюни!»

Я посмотрел на своих товарищей. Оба они сидели молча, углубленные в собственные мысли. Видно, и у них было подобное настроение...

«Надо что-то предпринять против этой ужасной тоски. Но что?»

И тогда заговорил Рикардо.

— Эй, ребята! Вы видели когда-нибудь настоящих кубинских девушек? Нет? А ведь на нашем острове — самые яркие цветы! Сколько их ни расцветает — все для любви! Да-да, для любви!

Он говорил весело, чуть снисливо, как хозяин, показывающий гостям свои владения, но голос его на этот раз был беззвучным и бесцветным, не таким, как обычно.

«И Рикардо, значит, взволнован, в смятении. Только хабрится», — заключил я, почувствовав в то же время благодарность к нему за эти попытки расшевелить нас, отвлечь от гнетущих мыслей.

И Хорст оживился.

— Давай, давай еще о девушках! — попросил он. — Времени у нас хоть отбавляй! И вообще, — добавил он, — пусть каждый из нас расскажет какую-нибудь свою любовную историю!

— Блестящая идея! — воскликнул Рикардо. — Так-то будет веселее! — И он тотчас же приступил: — Мне, конечно, очень трудно решить, какую именно рассказать. Мы, южане, понимаете, народ горячий. Точнее выражаясь, темпераментный. Сколько времен года — столько женщин. Разве это не прелесть? — Он сделал короткую паузу, роясь, как видно, в своей памяти. — Пожалуй, я начну с Изабеллы. Только не думайте, что она была у меня первая, где там! Просто Изабелла оказалась орешком куда более крепким, чем ее предшественницы, а для мужчины, ясное дело, всегда желаннее неприступная. В общем, в жилах Изабеллы текла кровь испанских покорителей. Это было существо заносчивое, и даже очень! Приходилось брать ее, как средневековую крепость, хотя она была молода. Всего двадцать один год. Стройная, высокая, красивая.

— Ну а потом?

— Потом? — Мы даже в темноте видели, как Рикардо махнул рукой. — Оказалось, что крепость эту уже до меня брали, и не один раз... Я ее оставил. Скажите на милость, кому нужны развалины?

— И это все? — в тоне немца явственно слышалось недоверие и разочарование.

— Нет, нет! — поспешил продолжить Рикардо. — Скорее всего, она преуспевала в этой области опять же из-за своего национального престижа: не может же она, южанка, в чем-либо отстать от других! Но самой стоящей была все же Мельба.

— Ну так рассказывай! — Нам не терпелось услышать, в чем же именно заключались ее достоинства.

— Да разве словами передашь! Ее нужно было видеть! Быть может, родился я художником, мою картину, написанную с нее, хранили бы в самой знаменитой галерее земного шара. Она была мулаткой, немного темней креолок. Стройная, как королева пальм! А такой груди, скажу вам, я не встречал больше!

Я услышал, как немец глотал слюнки.

— Мельба была учительницей одной из школ в Санта-Клара. Да и я тоже был не из последних, так что не пришлось разбиваться в лепешку. Она вовсе и не собиралась строить из себя недотрогу. Любила ради любви.

Она наслаждалась в объятиях. А сама-то как умела обнять! Боже милостивый, как умела обнять!

Он умолк. Скорее всего, потому, что воскрешал в своем воображении те удивительные минуты. Мы с нетерпением ждали продолжения, но все же мешать ему не решались.

— Ни до, ни после не выпадало на мою долю такой поченьки! — Всегда циничный, кубинец тут благоговейно затих. — Мельба доставляла мне неземные наслаждения, — продолжал он. — Правда, она и взять умела у тебя все возможное. Последовали бесподобные дни. Какие там дни. Недели, месяцы!

— Что же с ней теперь? Чем все кончилось? — спросил я, едва узнавая свой голос, который звучал так же хрипло и взволнованно, как и у самого Рикардо.

Я снова вспомнил Магди. У нас с ней не было ночей, я только грезить мог о них, о чарующих ночах, и ничего больше. И все же Мельба, о которой говорил Рикардо, как ни странно, воскресила в моей памяти образ любимой девушки. Быть может, потому, что и Рикардо искренне любил? В эту минуту кубинец был близок мне, я даже забыл историю под баньяном.

— Чем кончилось? — Рикардо передернул плечами. — Бросила меня: нашла себе любовника получше. А ведь это была единственная женщина в моей жизни, которую я хотел бы назвать своей женой.

Воцарилось длительное молчание. Его нарушил Хорст.

— Твоя очередь, Фрэнк! Рассказывай!

Это было глупо, но я поведал им о Магди. Для чего, зачем я это сделал? Возможно, я подпал под впечатленье рассказа Рикардо, к тому же нераспечатанное письмо подстегивало мою фантазию, иначе я не могу объяснить, что вместо легкомысленного похождения я открыл перед ними свое самое сокровенное. А ведь уже одно присутствие Хорста должно было призвать к сдержанности. Я мог знать наперед, что он опоганит мои чувства.

Рикардо молча слушал меня, зато Хорст...

— Что за нудная история! — и он, прикрыв рот рукой, демонстративно изобразил зевок. — А ведь венге-

рочки ничего вроде, и даже очень. Давайте лучше я вам расскажу, и именно о них. Думаю, мои истории больше заденут ваши чувства, чем этот... — он сделал паузу, подыскивая выражение, затем насмешливо добавил: — душещипательный роман!

Меня бросило в жар. Будь мы в другой обстановке, ему бы это так не прошло! Но теперь приходилось держать себя в руках. Когда я немного успокоился, до моего сознания дошли вдруг слова Хорста... о венгерках... Выходит, он уже побывал в Венгрии? Это меня заинтересовало. Он ничего об этом раньше не говорил.

— Дело было еще в сорок пятом, — начал он. — Мне было семнадцать. Гитлерюгенд. Нас обучили пользоваться фауст-патронами и повезли в Венгрию. Для какой-то попытки прорваться, так по крайней мере говорили наши офицеры.

Он внезапно повернулся ко мне. Оказывается, он имел отличное представление о моих чувствах, это я понял из дальнейшего его рассказа.

— Впрочем, я не был нацистом, — почему-то сделал он отступление, — это я говорю лишь для того, чтобы вы знали: я ничего не скрыл перед властями, занимавшимися перемещенными лицами.

— Перестань ты зря квакать! — вышел из себя Рикардо. — Или давай ближе к делу, или замолчи!

— Слушаюсь! — оскалил зубы Хорст и с готовностью продолжал: — Словом, нас повезли в Венгрию. В район Штейнамангера. Как вы его там называете? — обратился он ко мне.

— Сомбатхей, — ответил я неохотно. Я отдавал себе полный отчет в том, что при данных обстоятельствах дальше обострять отношения невозможно: мы слишком зависим друг от друга и неизвестно, что еще ждет нас впереди.

— Зом-бат-хели! — произнес на свой лад немец. — Так значит, тут я и познакомился с Аннуш. Она была крестьянкой. Для своих шестнадцати лет она выглядела довольно развитой. Вообще я считаю, что истинный знаток не будет разбазаривать себя на самок. Ничего нет смачнее цыпленка!

— Дело вкуса! — буркнул Рикардо.

Но Хорст невозмутимо продолжал:

— Тело у нее было как резина. Бывало, пойду за ней на конюшню, пощупаю... Грудь прямо пружинила в руках. Охотней всего я тут же уложил бы девушку, но... Мать ее стирала моему капитану, убирать ходила к нему. Я не посмел силком. Ей-богу, думал, тронусь из-за этой Аннуш. Желание разрывало все мое тело... В то время я был еще неопытным младенцем, простофилей в любовных делах. Наконец представился случай. Буквально в последнюю минуту. Мамашу я отослал под каким-то предлогом, чтобы она мне не мешала в атаке. И представьте себе, соплячка заупрямилась! Ни в какую! Я весь покрылся потом от страха, что вернется мать, а я ничего не успею. Гладил ее, ласкал, чтобы у нее появилось настроение. Наконец пообещал ей жениться. «Послушай, Аннуш, — говорю, — завтра же пойду к своему командиру и выпрошу у него разрешение жениться. На такой-то срок ты мне можешь поверить?» — Каково же было мое удивление, когда она прошептала: «Да». И, несмотря на это, я должен был с мольбой снимать с нее каждую тряпочку. Малютка была чиста, как только что родившийся ягненок. Увы, недолго! К тому времени как вернулась муттер, все было кончено.

— Ну, и женился? — спросил я, хотя наперед знал ответ.

— Ты задаешь идиотские вопросы! — заржал Хорст. — Еще накануне в полдень нам был дан приказ ночью уйти. Но, должен признаться, судя по твоему описанию, малютка во многом походила на твою Магди, — заключил он многозначительно.

Мое лицо, видно, стало багровым. На висках забились жилы, казалось, они вот-вот лопнут. Я должен был прижать ладони к вискам.

— Мразь! — прошипел я по-венгерски.

— Что ты сказал! — Рикардо, видимо, заметил что-то по мне, так как положил свою руку на мою.

В эту минуту пилот обернулся к нам.

— Хэлло, мальчики! Мы уже летим над Кубой!

Мы в миг забыли обо всем — и об увлечениях, и об антипатиях. У нас дыхание сперло. Мы сидели теперь молчаливые, собранные. Возможно, даже ни о чем не думали или, наоборот, слишком много мыслей пронеслось в наших головах, но, как бы там ни было, в моих воспоминаниях последние четверть часа полета были пусты, бесплодны, бесконечны.

— Сейчас прибудем! — пробормотал Рикардо, когда молчание слишком уж придавило нас.

Тоже мне «предсказатель»! Едва успел он произнести последний слог, как дрогнуло сердце нашей стальной птицы. Один за другим последовали воздушные толчки.

— Нас обнаружили! — побледнев, воскликнул Хорст. И куда делась его удаля!

Началась пляска смерти. По нашему самолету стреляли. Выстрел следовал за выстрелом. У этих бородастых парней, видно, пушек было немного, но целились они дьявольски точно.

Нас опять трянуло, на этот раз особенно сильно. Мы чуть было не слетели со своих мест. И тут же явственно услышали треск со стороны носовой части самолета.

— Спокойствие, мальчики! — зазвучал из репродуктора голос пилота. — Попали в нашу старую рухлядь, но особой беды нет. Мы вышли из поля действия их рогаток. Я попытаюсь посадить эту махину где-нибудь на твердой почве, а там уж все будет зависеть от нас. На худой конец вас будет не трое, а четверо, только и всего, — если вы, конечно, захотите принять в артель подобного мне дилетанта!

Хотя в последней его фразе и чувствовалась горечь потерпевшего поражение человека, тем не менее предсмертное остроумие и хладнокровие летчика вызывало восхищение. Мне стало даже неловко: ай да суперсолдаты с блестящей тренировкой, чуть было не струсили, в то время как этот человек, которого спустя несколько часов ожидал домашний очаг, принимает беду не моргнув. Долговязый парень еще больше вырос в моих глазах.

— Какие у тебя планы? — спросил его Рикардо.

— Посадить машину! — услышали мы лаконичный ответ.

— А как ты думаешь, где мы теперь?

— Точно не знаю, у меня не было времени для штурманских наблюдений, но, мне кажется, восточнее Камагуэя.

— Повернуть можешь?

— Рискованно. Можно потерять высоту.

— Но ведь это необходимо! Чем ближе подберемся мы к берегу Карибского моря, тем больше шансов на спасение. Болото нас укрыло бы!

— О'кэй!

Теперь только обратили мы внимание — до сих пор не до этого было, — что ночную тьму уже сменил предутренний рассвет. Мы все трое прикинули к окну.

— Ух ты! — Восклицание Хорста выразило общие чувства. Мы увидели, как низко летим. Вот-вот заденем верхушки деревьев. И куда ни глянь — повсюду лес, лес и лес.

— Я вижу поляну. Сейчас попробую сделать посадку! — сообщил наш пилот, наш отец и бог. Оправдались слова майора в Рио-Хато: от этого человека зависела наша судьба, наша жизнь.

— Вот, начинается болото! — Следя взглядом за пальцем Рикардо, мы тоже заметили блеск воды сквозь ветви. Значит, болото находилось неподалеку от поляны.

Как летели минуты, никто уже не замечал. Мы были поглощены собственным стремительным полетом.

Сплошной ковер зеленой листвы создавал впечатление, что под нами бушует хлорофилловый океан.

Но вот мы достигли ближнего берега этого лесного океана. Колеса, подпрыгивая, прошуршали над землей.

Ох, с какой бешеной скоростью летят на нас деревья, обрамлявшие впереди поляну! О небеса! Мне показалась эта поляна обширной! А она так мала! Мала! Боже мой, до чего же мала! Надо бы написать Магди ответ. Последнее письмо... Треск, гул. Будто рухнула вселенная. Полетели стекла, в окна ворвались ветви. В лицо мне врезался осколок. Под скулу. Затем на меня опустилась глухая тишина. Я почувствовал, что за шиворот мне льется кровь. И больно. Страшно больно. Ну,

если больно, значит, жив! Жив! Жив! Жив! А что с остальными?

Первым я увидел Хорста. Он сидел возле своего кресла на полу, обрезаая на себе лямки парашюта. Разглядел и Рикардо. Он прокатился вперед до самой перегородки. Лицо его искажала страдальческая гримаса. Он лежал на спине, левой рукой ощупывая правое плечо. Под пальцами на его гимнастерке темнело большое пятно.

— Что с тобой? — спросил я.

— Перелом! — скорее прошипел, чем проговорил он.

Тут я вспомнил про пилота. Бедняга! Исключено, чтобы он уцелел!

Я раздраженно крикнул копошившемуся на полу Хорсту:

— Помогите Рикардо! Я взгляну на нашего атамана!

Я искренне жалел долговязого парня, проявившего во время беды такое мужество. Ведь в конечном счете мы только ему обязаны нашим спасением.

Я чуть было не упал в его кабину: когда я взялся за ручку двери, изнутри ее распахнули.

Это было невероятно: тот, кого я оплакивал, стоял передо мною целехонек и невредим. Только лоб его разделила надвое царапина. И все.

— Бог милостив! — воскликнул я. Мое восклицание походило на молитву.

— Ладно, ладно! — проворчал немец. — Будут тебе не такие «милости», если мы еще проваландаемся тут!

В самом деле, взволнованные всем происшедшим, мы забыли о действительности. Забыли о своем истинном положении, которое едва ли можно было назвать благополучным.

Хорст прав. Если мы хотим избежать плена, то должны немедленно уходить.

Я склонился над Рикардо. Перелом имел довольно скверный вид. С трудом я снял с него одежду, клочья которой врезались в рану. Он стиснул зубы. И даже не застонал. Меня поразила выдержка этого человека.

Для того чтобы двинуться с места, нужно было первым делом оказать помощь раненому. Я быстро отдавал приказания Хорсту:

- Воды!
- Наломай веток!
- Пинцет!
- Коробку с перевязочным материалом!

Дело подходило к концу, когда взгляд мой упал на руку, протягивавшую мне ножницы. Она показалась мне незнакомой. У Хорста совсем не такая рука!

Я посмотрел вверх, и мой взгляд встретился с серьезным взглядом пилота.

— Мы теперь одно целое! — Он почувствовал необходимость сказать что-то.

Меня охватила приятная теплота. Хорошо было сознавать, что он с нами. Я не мог бы объяснить почему, но ему я доверял больше, чем немцу.

— Ну, можем идти! — сказал я, поднявшись.

— Еще нет, — остановил меня Хорст.

Я тотчас же сообразил, в чем дело.

— Ты прав! Нужно сжечь машину!

Эта задача не была для нас проблемой. Спустя несколько минут пламя уже поползло вверх по фитилю.

Мы собрали свое снаряжение. Вещи Рикардо поделили между собой. С него было достаточно и того, что он шел на собственных ногах.

Мы пробирались по кедровому лесу. Под ногами хлопала вода. Значит, начинается царство болот.

Вдруг взрыв сотряс воздух. Ветки тревожно зашептались, будто перед грозой.

Мы оглянулись. Над лесом поднимались густые, темные клубы дыма, заволакивая небо.

— Прощай! — вздохнул долговязый парень. Видно было, как близко к сердцу принял он гибель своей машины.

Лес был редковатый. Мы едва успели прохлюпать несколько метров по болотистой почве, как с высоты до нас донесся знакомый колокочатый гул.

— Вертолет! — установили мы, произнося это слово шепотом, хотя в этом не было нужды: слуха находящихся на вертолете людей все равно наши голоса не достигли бы.

Мы поспешно спрятались в гуще кустарника. Отсюда наблюдали, как вертолет, вращая своими большими,

как крылья ветряной мельницы, винтами, спускался все ниже и ниже.

— Он уже над обломками нашего самолета! — сказал Рикардо.

Мы переглянулись и кивнули. Теперь все зависит от того, в каком виде сейчас эти обломки, насколько самолет успел обгореть за это время. Ежели вид его удовлетворяет кубинцев, то, быть может, они не станут разыскивать пассажиров.

— Будьте покойны, от него одно воспоминание осталось. Без сомнения, они решат, что мы погибли во время вынужденной посадки!

Достаточно было взглянуть на Хорста (это он взял на себя миссию уничтожения самолета), чтобы поверить в наше спасение. От сердца у нас отлегло, и мы продолжали маскироваться в кустах. Нам интересно было, что предпримут те, на вертолете.

Вертолет долго парил над горящими останками машины, потом кружил над лесом.

От гула мотора разболелась голова. Может быть, причиной этому была близость кубинцев, но мы, злобно бранясь сквозь зубы, проклинали шум. Наконец после длившегося, казалось, целую вечность осмотра местности они взмыли и исчезли в северном направлении.

— В путь! — распорядился я.

Но едва прошли мы с десятков шагов, как в страхе остановились. Не веря своим ушам, смотрели не мигая друг на друга. Где-то совсем недалеко от нас мяукала кошка. Мяуканье доносилось сверху: вероятно, животное застряло в ветвях, так как кричало испуганно, в отчаянии.

Раз кошка — значит, где-то поблизости селение. А мы-то вообразили, что находимся в глуши!

— Назад! — тревожно произнес Рикардо.

И тут я заметил в ветвях грифельно-серую с черным хвостом птицу.

— Вон кто мяучит! — указал я на птицу с невыразимым облегчением.

— Это просто-напросто дрозд-пересмешник! — тотчас узнал птицу Рикардо. — Я и не предполагал, что они даже сюда добираются из Флориды!

Да, это была обыкновенная птичка. Второй раз уже маленький пернатый звукоимитатор поиздевался над нами. Но я на него не сердился. Я был счастлив, что мяукала птичка, а не кошка.

Хорст, обозлившись, схватил палку потолще и швырнул в птицу. Конечно, не попал: птица уже упорхнула, испуганная и, наверное, возмущенная. Но ее кошачьего голоса мы больше не слышали.

Мы продолжали месить грязь, которая становилась все более густой и вязкой, с трудом вытаскивали из нее ноги.

Вдруг в вышине опять раздался рокот мотора.

— На этот раз уже не один, а несколько вертолетов. — Слух нашего опытного летчика тотчас же различил гул нескольких машин. Видеть их мы пока что не могли — в этом месте кроны кедров сомкнулись шатром над нашими головами, — но, судя по гулу, летело три-четыре вертолета. Значит, кубинцы насторожились.

— Ух, проклятые. Не хотят рисковать, — высказал ту же мысль и Хорст.

В самом деле! Вертолеты летали над чащею во всех направлениях. Хоть нас и отлично скрывали ветвистые вершины деревьев, мы еще глубже забирались в кусты, как только вертолеты оказывались над нами. Они летели так низко, что ясно различались человеческие фигуры на них и даже направленные дулами книзу пулеметы.

Это была охота за кровью. За нашей кровью.

Мы часами месили болото. Настоящее болото, с настоящими комарами и пиявками. Шедший впереди проверял длинной палкой глубину бурой жижи — мы боялись попасть в трясину. Вожак часто сменялся.

С болота подымались рои комаров, точно дым из заводских труб. Сначала столбы эти прорывались к небу, затем начинали стелиться вширь. Комаров все прибывало. Ощущение было такое, что мы идем среди жужжащего тумана. Только туман этот кусался, безжалостно кололся. Напрасно пристроили мы к своим шапкам сетки — маленькие кровопийцы выскивали щели и добирались до нашей кожи.

Пиявки развлекались несколько иным способом. Ноги, бедра были им недоступны. Эти места защища-

лись ботинками и брюками, которые мы не снимали, помня об этих тварях. Но местами мы погружались в жижу по самый пояс, а то и грудь. Вот тут-то в мгновение ока они обнаруживали разрез рубахи, и, пока нам удавалось выбраться из ямы, с полдюжины пиявок до отвала напивались нашей крови.

Едва ли продвигались мы в час больше чем на полмили. Вдобавок лесная глушь и болото шли рука об руку, и нам приходилось прорубать проход в гуще ветвей и осоки.

— К югу! Только к югу! — шептал кубинец, с трудом дыша. — Полоски болотистой земли сравнительно нешироки, мы скоро выйдем к морю.

Очередь идти первым была за Хорстом.

— К морю, говоришь? — остановившись вдруг, переспросил он. — Ты сказал, к морю?

— Чего ты удивляешься? Не знал, что ли?

— Зна-а-а-ал... — протянул он так, будто вспомнил что-то неприятное, о чем не решается сообщить нам. — А какие у нас с вами дела у моря, скажите на милость? Мы ведь посланы с определенным заданием. Не так ли?

Вот он и высказался.

А ведь из нас троих никто не забыл об этом. Даже в горячке спасения жизни. Да разве могли мы забыть о том, что задание надо выполнить, притом любой ценой! Не так нас обучали! Но... Мы ведь тоже люди. Вон, даже Рикардо, которого на эту операцию вдохновляло более кровное, чем нас, дело, даже он и то подумал первым делом о сохранении жизни.

Заявление Хорста воскресило в моей памяти один давний разговор... В Шопроне связисты играли в кегли. После жарких состязаний осушались солидные кружки с пивом и шла оживленная беседа на международные темы. Кто-то заговорил о перевооружении немцев.

— Эх, чего там! — махнул рукой комендант поселка: кеглями он не увлекался, зато выпить кружку другую пива за приятной беседой был не прочь. — Разве клика Аденауэра считалась когда-нибудь с немецким народом! Поверьте, немцам опротивела уже война!..

Дядюшка Йенэ, седовласый старший инспектор, прервал его:

— Плохо, браток, знаешь ты германскую породу! Среди немцев много еще таких, которым достаточно услышать трубный звук, и они уже прядут ушами, как боевые кони! А дай ты им возможность маршировать, прилепившись друг к другу, и они уже на седьмом небе! К ним, поди, и ангел рождественский в мундире навевается!..

«Неужели и Хорст из этих! — раздумывал я. — Стоит по колено в болоте. Последний кусочек шоколада съеден, добычи пока что никакой. Над головами — оснащенные пулеметами вертолеты, под ногами — трясина, впереди... кто знает, что нас ждет впереди? И он не желает идти к морю. А ведь море — это спасение! Узнать бы, что это! Отвага? Солдатская честь? Или просто ограниченность? Может ли быть, чтобы этот образованный человек был настолько примитивен, что не чуял грозящей опасности? Как назвать ту силу, которая сильнее инстинкта самосохранения? Он, конечно, прав в том, что пока мы еще живы! Наш мозг еще работает, руки, ноги у нас — за исключением Рикардо — также целы. Но в конце-то концов нас для того и вышколили, сделали суперсолдатами, чтобы мы были боеспособными при любых обстоятельствах! Мне кажется, что надо найти синтез двух точек зрения. Остаться в живых и выполнить задание! Или, вернее, выполнить задание и остаться в живых!»

Я сражался с самим собой. Задание заданием, но жертвовать бессмысленно жизнью я не имел ни малейшей охоты.

Рикардо здоровой левой рукой нащупал в кармане карту.

— Буссоль! — распорядился он. После аварии он впервые принял снова командование.

— К северо-западу от нас находится бухта. Мы должны ее обогнуть. Вот тут, видите, — мы быстро окружили Рикардо, — где она наиболее глубоко врезается в тело материка, надо будет изменить направление — идти на запад. Мы должны проделать примерно сто пятьдесят миль, чтобы скрыться в горах Лас-Вильяс. А там уже...

— Совершенно верно! — кивнул Хорст. — Там нам уже море по колено!

— А с ним как быть? — указал я кивком на нашего пилота.

— Вот задача! — Немец почесал в затылке.

— Пойдет с нами! — решил Рикардо. — Что ему еще остается делать?

— Идет, ребята! Порядок! — Долговязый янки одарил нас такой улыбкой, будто мы вручили ему пригласительный билет на народное гулянье. — Я постараюсь не напортить вам своим присутствием...

Мне стало его жаль. Ведь у нас впереди тяжелейшая дорога и не менее тяжелое дело. Как же он, привыкший передвигаться по беспрепятственным воздушным путям, перенесет испытания земли, кажущиеся ужасными даже нам, закаленным суперсолдатам?

— Может быть, он как-нибудь доберется до моря? — предложил я нерешительно.

— Нет-нет, — оборвал он меня. — Одному нет спасения из этого ада. К тому же... — он пожал плечами, — я наемный солдат... Я ведь подписывал то же, что и вы. Помните?.. «Я, американский солдат, — цитировал он по памяти, — готов принять любое назначение в любую часть света и выполнить любое задание!» Я не являюсь каким-то особо примерным солдатом. Но — ежели на то пошло — мне заплачено, хорошо заплачено. За риск, за возможные непредвиденности, одна из которых теперь свершилась... Ну, так решено? Уговор есть уговор, даже если это плохо кончится для меня!

Мы продолжали плестись по болоту. Атаки комаров не ослабевали ни на минуту. Не хватало уже сил отди-рать пиявки от тела. Жажда высушила нам рты, губы потрескались. Над грязью сверху была вода, но, идя, мы сами же мутили ее, так что не могли сделать ни одного глотка. Солнце палило. Впрочем, может быть, и не так сильно, как нам казалось: вода многократно отражала его диск, а влажные, зловонные испарения болота делали солнечное тепло невыносимым.

— Остров! — воскликнул янки радостно. И тут же, опомнившись, повторил вполголоса, почти шепотом: — Остров!

Я взглянул на него. Он успел состроить безразличную мину, но после такого радостного восклицания это было уже напрасно.

Насколько ему тяжелее, чем нам! Мое к нему расположение от этого открытия еще больше возросло. Его я, безусловно, считал самым лучшим парнем из нас четверых.

Остров, однако, оказался не миражом, а осязаемой действительностью, он принял нас, совсем обессиленных, на свою спину. Мы были приятно удивлены еще и тем, что остров оказался довольно обширным и богатым растительностью.

— Сто шагов вдоль и сто поперек! — сообщил Хорст. Верный своей педантичности, он тотчас же измерил наше новое владение.

— Кругом болото! — заключил Рикардо, и это было важно с точки зрения нашей безопасности.

Я тоже принес не менее отрадную весть.

— Райское изобилие! — показал я им свою шапку, наполненную яйцами в мягких скорлупках, похищенными у яйцерицы, видимо из семейства игуан.

— Разве они съедобны? — покрутил носом наш пилот, по-видимому никогда не пробовавший подобных вещей.

— Что за вопрос! Они просто божественны! — изливал свои восторги Рикардо.

Он тотчас же приказал мне достать нашу единственную кастрюлю.

— Вскипяти воду! — снова распорядился он. Сам же стал шарить среди кустов и деревьев, обрывая то листок, то ягодку.

— Будет, братцы мои, такой супчик, что сам Кеннеди пальчики облизал бы! — При этих словах кубинец подмигнул янки.

В ожидании пиршества — к тому же не мешало восстановить силы — мы прилегли у огня. Разговаривать охоты не было, все молчали.

Вдруг Вилли, наш пилот, вне себя от страха вскочил на ноги. Цветущее лицо его теперь стало мертвенно-бледным.

— Что это? Что это? — проговорил он, едва дыша. — Земля трясется!

Тут и мы заметили колебание. Рикардо и Хорст прыгнули в кулак. Даже в своем теперешнем плачевном положении мы не могли подавить рвавшийся наружу смех, настолько комичным казался нам испуг неопытного соучастника нашего похода. Что до нас, то мы уже встречались с подобным явлением.

Я достал свой крепкий, надежный нож и опустил на колени возле вздрагивавшего и все больше и больше вздымавшегося песчаного холмика.

Мы не ошиблись. Костер мы разожгли как раз над ложем дремлющего крокодила, зарывшегося в болотную слякоть под слоем сухой земли. Шум наших шагов и огонь разбудили облаченную в панцирь глыбу.

Крокодил лениво вылезал на божий свет, длительный покой расслабил его мышцы и рефлексы.

Не дожидаясь, пока он окончательно очухается, я бросился на него и дважды воткнул нож ему под переднюю лапу — это наиболее уязвимое у крокодила место.

Великан передернулся пару раз, взметнул хвостом землю. К счастью, не так сильно — попадание было точное, не то было бы, если бы я промахнулся.

Наша добыча представляла собой гигантский пятиметровый экземпляр с узким сморщенным носом.

— Ну, мы надолго обеспечены мясом! — ликовал Рикардо, едва сдерживаясь, чтобы не пуститься в пляс. Признаться, и я был рад: больше нам голод не грозил!

Что и говорить, болота — не джунгли в смысле гостеприимства. Значительно скромней и реже покрывают они для странника стол, заставляя довольствоваться своими скудными «деликатесами» даже таких брезгливых эдоков, как я.

Мы улеглись спать тут же, на острове. Было бы безумием на ночь глядя пускаться в путь к неведомым опасностям. Времени у нас было вдоволь, в этом смысле мы могли считать себя миллионерами...

Теперь мы все чаще наталкивались на мелкие островки. А на пятый день мы вышли из болот.

— Прошу вас, будьте осторожны! — простонал Рикардо. — День ото дня ему становилось все хуже — такой тяжелый путь ему был не под силу.

— Я пойду вперед, на разведку! Осмотрю окрестность! — предложил Вилли. Заметив, что мы в нерешительности, он поспешно добавил: — До сих пор все делали вы, и мне как-то неудобно.

— Хорошо! — принял решение Рикардо. — Ступай! Вилли повеселел. Приложив руку к фуражке, он тут же исчез в кустах.

— Следовать за ним! — коротко распорядился Рикардо.

Меня обрадовал его приказ.

«Гляди-ка, сколько скрытой доброты в этом взыскательном южанине!» — подумал я. Во время этой операции в моем отношении к нему произошло равновесие: он стал притягивать меня в такой же мере, в какой до сих пор отталкивал!

Вскоре мы достигли края девственного леса. Перед нами расстились обработанные поля. Посевы риса сменялись посевами бататов и маниока. Вдалеке темнела зелень сахарного тростника. Примерно в трехстах-четырехстах метрах от нас стояло несколько крытых соломой типичных хижин кубинских крестьян. Хижины казались вымершими. Их хозяйева, видимо, трудились в поте лица на полях.

Вилли, вместо того чтобы вернуться, неторопливо шел в сторону селения. Крикнуть ему мы не решались, оставалось выжидать, что будет дальше. Он же шел беспечно, вразвалку. Правда, правая рука его была в кармане.

«Он держится за пистолет!» — понял я и пожалел, что мы не снабдили его французским ножом. Защищаться, если до этого дойдет, он смог бы и им, а шума не наделал бы.

У меня появилось дурное предчувствие. Меня нервировала эта зловещая, напряженная тишина.

Ух, как медленно ползет время. Ему осталось еще пройти пятьдесят метров! Еще десять! Уже только три! Хоть бы он вернулся! Почему он не уходит оттуда?

Долговязый янки дошел до первой хижины. Толкнул дверь. И пропал в доме.

Он долго не появлялся, и это начало уже не на шутку волновать меня.

Внезапно из открытого окна вырвался пронзительный женский крик и тут же замер.

Снова воцарилась тишина.

Но и в этой тишине продолжал звенеть у меня в ушах душераздирающий крик. Это было зловещее, пугающее безмолвие.

Наконец в дверях появился Вилли. Он нес женщину, обхватив ее одной рукой, другой рукой он зажимал ей рот. Мы видели, как она билась в его руках. Видели и то, что Вилли беспомощен, что не знает, как ему быть.

— Пристукни ее, обезвредь, идиот! — шипел рядом со мной немец.

Из гуши сахарного тростника стрелой вылетела девушка.

— Мама! Мама! — кричала она.

В руках девушка сжимала винтовку, на бегу заряжая ее.

Женщина же, которая, как нам показалось, потеряла сознание, неожиданно вцепилась в руку янки.

Сначала он силой пытался отодрать впившиеся в него пальцы, затем — другого выхода у него не было — ударил ее пистолетом по голове.

В эту минуту девушка прижалась к стене дома и направила ствол винтовки на Вилли.

Почти одновременно прозвучали два выстрела, тихий и громкий. Вилли выстрелил на миг раньше, благодаря чему на несколько минут продлил свою жизнь.

Стройное тело медленно сползло на землю, тонкие пальцы растерянно искали опору.

Из зарослей сахарного тростника с диким криком выскочило с десяток крестьян в широкополых соломенных шляпах. У каждого в руках была винтовка.

Долговязый янки стоял, точно к земле прирос, и полными ужаса глазами смотрел на них. Затем, круто повернувшись, большими прыжками помчался прочь.

Я очнулся оттого, что рука Хорста судорожно сжимает мое запястье.

— Не глупи! — шептал он. — Одно неосторожное движение — и мы все погибли!

Только тут я осознал, что делаю: лихорадочно, бессознательно подняв свой автомат, я целюсь в крестьян, которые потоком стекаются со всех сторон.

Раздались выстрелы. Один... другой... Целые очереди. Вилли внезапно остановился. Раскинул руки и упал ничком на землю.

— В самое сердце! — определил тоном специалиста немец.

— Назад! — скомандовал Рикардо. — Заметать следы!

Мы пробирались шустро, как ящерицы, стараясь при этом уничтожить всякие, даже мельчайшие, признаки нашего присутствия. Теперь была важна не столько быстрота, сколько зоркость, чтобы не осталось даже намека на то, что наш несчастный товарищ не один скрывался в болотной глуши.

За спинами у нас раздался лай целой своры ищеек.

Мы только тогда отдышались, когда снова по пояс погрузились в болото. Оно спасло нас от преследования собак, терявших след у воды.

Если по топи вообще возможно бежать, то мы бежали. Бежали из последних сил, пока впереди, на расстоянии примерно двухсот метров, не увидели небольшое овальное пространство, заросшее кустарником. Мы буквально вгрызлись в гущу ветвей и листвы, зарывшись в ил по самые уши. Отсюда следили за сушей. Ждали, что будет.

Спустя несколько минут штук шесть собак примчались к болоту. Тут они остановились, затем, волнуясь, забегали по краю.

Вскоре показались крестьяне. С ними теперь уже были и милиционеры. Люди заспорили, горячо жестикулируя.

— Животные что-то чувствуют, — сказал один крестьянин.

— Это точно! — подтвердил другой. — Поглядите, как они шеряются!

— Брось ты, Эмилио! — заговорил милиционер. — Не нужно видеть опасность там, где ее нет. Поднимете напрасную шумиху, только народ зря взбаламутите. Разве у вас есть основание думать, что, кроме убитого янки, еще кто-то побывал тут?

— Вроде бы нет, — ответил крестьянин по имени Эмилио и тут же добавил: — Но что верно, то верно: че-

ловек этот не с луны свалился. А раз так, надо быть начеку. Или, может, ты хочешь быть в ответе за беды, что причинит нам враг, если он все-таки пробрался?..

— Гм... — задумался милиционер. — Вы гоняетесь за привидениями, Эмилио. Но пусть будет по-вашему. В самом деле, лучше сейчас лишняя тревога, чем потом... Пошли, я сейчас же позвоню в Камагуэй, пусть предупредят патруль и милицию!

Они стали удаляться от болота, громким свистом зова за собой собак.

Рикардо только теперь перевел нам все слышанное.

— Вот идиот! — ругал Хорст сквозь зубы несчастного соучастника нашей экспедиции. — Нат! Расхлебывайте чужое слабоумие!

— Мы могли бы спасти его! — вставил я тихо. — Никогда не прошу себе того, что мы оставили его в беде!

Немец в ярости уставился на меня.

— Может, ты еще и оправдываешь его? Кто ему велел заходить в дом? Может, я? Или Рикардо? Или ты? Да он просто кретин! Вот и получил по заслугам.

— Это правда! — поддержал его Рикардо. — Мне, конечно, жаль беднягу, но лучше уж так, чем если бы кому-нибудь из нас продырявили по его милости шкуру!

— Все равно мы могли бы спасти его! — твердил я свое.

— Спаси! — ехидно и цинично улыбнулся Хорст. — Хотелось бы мне знать, как бы выполнили приказ Центра четверо мертвецов!

«Приказ, задание!.. Одно у них на уме! А человек?.. Ничто?..»

Я повернулся к кубинцу.

— Хорошо, Рикардо. Но скажи, как бы ты рассуждал, если бы в интересах дела жертвой оказался ты сам. Или Хорст. Как бы ты, Хорст, посмотрел на это?

— Ерунда! — Немец пожал плечами. — Навряд ли я попал бы в такое идиотское положение!

Рикардо был иного мнения.

— Как знать, — ответил он нерешительно, — всякое может случиться. Это борьба, а борьба всегда требует жертв. Если ценой жизни одного солдата остальные мо-

гут выполнить свой долг, то... Возможно, мои слова звучат жестоко, не по-товарищески, но долг стоит такой цены!

Гнетущая тишина простерла меж нами свои щупальца. Но вдруг ее потревожил далекий гул мотоцикла. Он удалялся.

— Видно, послали нарочного в Камагуэй,— заметил кубинец.— Небось повез рапорт. Надо смываться!

И вот мы снова в пути. Снова комары, пиявки, жара, болото. И так многие сутки. Мы потеряли счет времени, да и интерес к нему. Наши мозги точно высушило солнце — в голове не было ни одной мысли.

«Вырваться! Вырваться! Вырваться!» — только это слово барабанило у меня в ушах.

Пришлось уменьшить дозы хинина — он у нас был на исходе, — а надо бы его глотать сейчас целыми пригоршнями.

Рана Рикардо начала гноиться. У него поднялась температура. Ему становилось все трудней и трудней идти. Мы были вынуждены поддерживать его.

В тот же вечер мы подошли к небольшому островку. Здесь и устроились на отдых. Клочок суши избавил нас от почевки на дереве, как это мы делали в предыдущие ночи, не находя для ночлега твердой почвы. Ночь была прохладной, и мы решили, что это обеспечит нашему больному более спокойный сон, благодаря которому миует кризис.

Но мы ошиблись. Когда раскаленный медный котел снова поднялся над горизонтом и пополз все выше по своему извечному пути, и без того тяжелое состояние Рикардо ухудшилось. В полдень он уже был в бреду. Лицо, все тело его горело.

— Как нам быть с ним? — спросил я Хорста.

— Оставим его тут — и дело с концом, — ответил он беспечно.

Я обозлился.

— Фу, какая низость! — вспылал я. — Неужели у тебя еще есть охота шутить?

Он странно посмотрел на меня.

— Я просто хотел тебя испытать! — криво усмехнулся он. На его изможденном лице со впалыми щеками гримаса улыбки показала мне оскалом волка.

Он сгреб вещи Рикардо и взвалил их себе на плечи.

— А ты тащи его! — бросил он мне и захлопал по болоту. — Потом я тебя сменю!

Целый день несли мы отяжелевшего Рикардо. То Хорст, то я. Тащили мы его и на следующий день. К вечеру, однако, и нас покинули силы. А тут еще вокруг стали выныривать крокодилы — как правило, трусливые, они вдруг осмелели.

Сначала свалился Хорст, растянувшись во всю длину, уронив лицо в бурю болотную жижу, затем плюхнулся я.

Ну вот, и пробил наш час!

Когда уже все казалось потерянным и длинномордые чудовища, обнаглев, стали подбираться к нам совсем близко, мы заметили невдалеке островок.

У нас хватило сил лишь на то, чтобы добраться до него, втащить на сушу и Рикардо, который был в беспомощности, и по очереди отпугивать толстой палкой нахальных крокодилов.

Весь день просидели мы, опираясь на спину друг друга. Лечь не решались: прожорливые чудовища только и ждали момента, чтобы напасть на нас.

Алый диск солнца собрался уже на покой, когда я встал.

— Поищу чего-нибудь перекусить! — сказал я Хорсту, который тупо глядел на меня.

Я обошел наш крошечный островок, но безрезультатно. Если бы не случайность, мы так и остались бы голодными, хотя, пожалуй, никогда еще так сильно не нуждались в пище — только она могла бы восстановить наши силы!

Опечаленный, возвращался я обратно, когда из-под ног у меня выскользнула почва. Будь я не так слаб и ступи энергично, не иначе как сломал бы себе ногу, а так я просто растянулся. Но печаль моя рассеялась, как только я разглядел причину своей аварии. Вряд ли у кого-нибудь в жизни выпадала подобная охотничья удача. Будто само провидение захотело воздать мне за все страдания. Оступившись, я угодил в нору крысоподобного зверя. Вероятно, от меня он и спрятался в свое

логово, этот бедный зверек. Теперь он с перебитым хребтом дрыгался под моей подошвой.

— Можешь полюбоваться,— сказал я с напускным равнодушием, швырнув свою добычу к ногам Хорста.— Не меньше семи килограммов.

— Что-то вроде бобра,— оживился немец.— Мясо у него должно быть неплохое.

— Какое бы оно ни было, мы, я думаю, не откажемся!

В самом деле, жаркое получилось на славу. Быть может, это была насмешка судьбы, но приготовленное блюдо казалось нам вкуснее жареной поросятины.

— Послушай-ка, Фрэнки! — заговорил вдруг Хорст, после того как начисто обглодал все косточки.— У меня к тебе есть одно важное дело!

Я насторожился. Никогда еще этот человек не называл меня ласкательно. Что он задумал?

— Фрэнки, выслушай меня, прошу тебя! Так дальше продолжаться не может!

— Что не может продолжаться? — Я был настолько измотан, что не мог сразу сообразить, куда он гнет.

— «Что, что!» — передразнил он меня.— Да то самое, насчет Рикардо! Пойми, и он издохнет, и мы вместе с ним. Еще вдвоем, здоровые, мы, может, как-нибудь добрались бы, но с ним? Тащить его на спине?..

— Ты последняя гадина, Хорст! — окончательно вышел я из себя.

— Нет, ты меня не понял, Фрэнки! — стал объяснять немец.— Я не о своей шкуре пекусь! Только о задании. Если мы тут погибнем, кто же выполнит его? А там, на Смок-Бом-Хилл, рассчитывают на нас!

Смок-Бом-Хилл, о котором он упомянул, означал резиденцию центра особых методов ведения войны в Форт-Брагге. Гора Дымящихся Бомб — вот как звучало в переводе название той части лагеря, где помещался центр особых методов ведения войны.

Опять Хорст гнет туда же, опять о задании да о Центре, на уме у него только Гора Дымящихся Бомб! Ради этого мы пожертвовали Вилли, а теперь должны бросить на этот же алтарь и Рикардо? А завтра? Быть

может, завтра придет мой черед? В голове у меня стучало, мысли путались. Мне было тошно.

«Ну и подленький же ты типчик, Хорст! — заключил я про себя.— Коснись чего, ты не задумываясь убил бы и меня...»

Передо мной кружили лица: Аннуш, Ме, Вилли, Рикардо, а сколько еще тех, о ком я не знал? Но при этом я ни на минуту не упускал Хорста из виду.

— Фрэнки,— вкрадчиво заговорил он снова.— Рикардо ведь уже все равно. Нам же еще жить да жить, нас могут представить даже к награде. Поверь,— он кивнул в сторону кубинца,— и ему будет лучше!

Я выхватил из-за пояса нож и вонзил рядом с Хорстом в землю.

Хорст вздрогнул. Его глаза с угрозой сузились. Мы напряженно следили за движениями друг друга. Тишина била нас по нервам... Наконец Хорст, словно одумавшись, сказал:

— Ладно, я вижу, что и ты одержимый. Но не будем ссориться. Не хочешь — не надо. Мне, право, все равно.

Я тоже трезво рассудил: к чему дальше натягивать струну? Мы связаны друг с другом: что я один буду делать с Рикардо? Если Хорст покинет меня, мы здесь погибнем: и Рикардо и я. А вместе с Хорстом, может быть, и спасемся. Может быть...

— У тебя бледный вид, Хорст! — произнес я как можно более миролюбиво.— Приляг отдохни! Завтра при свете солнца тебе покажется все иначе.

Он сжал губы и лег навзничь. Я чувствовал, что необходимо переубедить его.

— Пойми же, Хорст. Рикардо и мы — едины. Наш с тобой долг оберегать его, оказывать всяческую помощь, вытащить отсюда. Ведь он живой, а пока человек жив, всегда есть надежда.

— Да,— ответил он, не поднимаясь.— Еще живой.— Голос у него был приглушенный, но взволнованный.— Ты же очень глупо делаешь, что надеешься. Ну, спокойной ночи!

Я тут же почувствовал, что он что-то задумал.

У меня глаза слипались от усталости, но я принял твердое решение бодрствовать. Во что бы то ни стало. В моей аптечке нашлось несколько таблеток актедрона, припасенного на крайний случай. Я достал эти таблетки вместе с хинином.

— Примешь хинин? — обратился я к немцу. У нас так было заведено: тот, кто раскрывал свою аптечку, предлагал лекарства остальным — это экономило время и энергию, что было очень важно.

— У меня свой есть! — ответил он.

В самом деле, он тут же принял свои таблетки. Значит, он мне не доверял.

«Что ж, каждый судит по себе», — сделал я вывод и мысленно похвалил себя за то, что принял актедрон. С полчаса боролся я со сном, затем стал бодрым, совсем бодрым. На меня садились комары и крупные ночные бабочки, но я заставлял себя лежать неподвижно.

Так прошло около часа.

Потом припустил дождь. Крупные капли застучали по одежде, по телу. Я терпел, не шевелился. Я чувствовал, более того, знал: что-то должно произойти. Хорст не из тех, кто легко смиряется.

«Но какая все-таки сила движет этим человеком? — думал я. — Долг? Солдатская честь? Возможно. Но разве может честный солдат покинуть раненого товарища?»

Тот же вопрос я задавал себе и в иной формулировке: «Можно ли назвать честным солдата, который бросает своего товарища в беде?»

«Но ведь мы солдаты особой части. Со специальной подготовкой и заданиями. И в интересах выполнения...»

«А с другой стороны, я и сам из такой части, и все же не мог бы... Нет, ничего-то я не понимаю...»

«Ты человек иной породы! — нашептывал мне голос. — Мягкой породы, ты им не ровня! Они безжалостны. Тот же Рикардо, будь он на твоём месте, бросил бы тебя не задумываясь на произвол судьбы...»

«Быть может, Хорст все же прав? Рикардо тоже говорил что-то в этом роде после гибели Вилли. Мы тогда, затаив дыхание, сидели в чаще и... как же это он сказал?»

Передо мной встала, как живая, вся картина. И в ушах зазвучали слова, сказанные Рикардо: «Если ценою жизни одного солдата остальные могут выполнить свой долг, то... стоит...»

«Да, он сказал именно так!»

«Значит, все они таковы. Кто лишний, тот пусть погибает! Главное — цель, остальное не в счет... Здорово они выдрессировали своих солдат спецвойск!»

«А вот и нет! Я никогда в жизни так не поступлю. Ни при каких обстоятельствах!»

Шум дождя заглушал все остальные звуки. И вдруг я услышал, что Хорст зашевелился. Я напряг мышцы, готовясь к прыжку.

Немец медленно, осторожно встал на колени. Он пополз не ко мне, а в ту сторону, откуда слышались стоны Рикардо.

В первую минуту я даже почувствовал некоторую долю благодарности к нему, что он не меня собрался прикончить.

«Да и понятно, — тут же подсказала мне мысль, — в тебе он еще нуждается. Что он сделает один?»

«Значит... он хочет поставить меня перед свершившимся фактом. К тому времени как я проснусь, Рикардо будет уже мертв. Покончил с собой, — пояснит Хорст. Быть может, к своим словам он приплетет сказку о том, будто Рикардо слышал наш вчерашний спор. Он, то есть Хорст, виновен лишь в том, что завел этот разговор. Поди докажи обратное.»

«Не сцепишься же ты с ним, Фери, из-за одного подозрения?! Надо его уличить.»

Непрерывный шум дождя помогал не только ему, но и мне.

Я осторожно встал на четвереньки, так, как это делают бегуны перед стартом.

Хорст тем временем уже добрался до больного. Его рука поднялась, когда... Когда я схватил ее...

Он завопил от боли. Этот дикий и в то же время жалобный вопль вполне мог принадлежать и медведю, и волку...

Нож он выронил, но сдаваться не думал. Он схватил меня за запястье. Сжал его с нечеловеческой си-

лой. Пожалуй, только отчаяние может придать такую силу!

Мы оба тяжело дышали. Катаясь и кувыряясь, поочередно беря верх, мы били, кусали, лягали друг друга.

Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

В кулаке я сжимал нож, а Хорст выкручивал, ломал мне руку.

Он хотел отнять у меня нож. А я теперь был уже не прочь сам ударить им. Ударить насмерть! Убить! Покончить с этим взбесившимся зловредным хищником.

Легкие мои работали с шумом, как мехи, со лба стекали едкие капли пота.

Наконец я почувствовал, что он стал сдавать. И тут одним резким рывком я высвободил свою руку.

Я ударил. Раз, другой, третий. Так, как этому учили меня еще в Форт-Брагге. Меня и его тоже.

Он еще хрипел, когда я поднялся. Я был слишком обессилен, чтобы бить точно.

Только теперь я вспомнил про Рикардо. Он издавал глухие клокочущие звуки, будто силился сказать что-то.

Я считал, что он лежит без памяти, но любопытство заставило меня подойти к нему.

Несмотря на тусклый ночной свет, лицо его можно было разглядеть: он смотрел на меня расширенными глазами. Потом веки его опять опустились, он снова впал в забытье.

Тыльной стороной руки я стер пот со своего лица.

«Как же мне теперь быть? Что он видел?»

В ту минуту для меня этот вопрос был важнее всего на свете. Если мы доберемся до дому, — а мы доберемся, так как я уже принял твердое решение с зари начать подтаскивать Рикардо к морю, — то он может меня выдать.

«Знает ли он, что я это сделал ради его спасения?»

А если нет? Если он увидел только конец драмы, когда я прикончил Хорста?.. Что теперь, и этого убить, что ли? В таком случае для чего понадобилась эта резня?»

Я склонился к Рикардо и погладил его лоб. Он был горячий, более того, раскаленный.

«Я спасу его. Это важнее того, что он скажет потом обо мне. Если, конечно, мы не погибнем оба. А там видно будет... только бы спастись!»

Труп немца я ногой столкнул в болото. Остальное сделают крокодилы. Сам без сна провалялся до рассвета.

Прежде чем идти, я разгрузил свой багаж, оставив лишь самое необходимое. Пришлось расстаться даже с нужными предметами.

Я взвалил себе на спину находящегося в беспмятстве Рикардо, привязал его и пошел к югу.

С этого места до моря — как позднее я установил — было пятнадцать миль.

Пятнадцать миль — сорок часов!

Болото, пиявки, удушливые испарения. В придачу хлещущий дождь.

Я тащил на спине человека. Человека без памяти, с отяжелевшим телом, человека, невыразимо тяжелого для меня — измученного и обессиленного.

Подошвы у меня распухли, нестерпимо болели — этой напастью наградило меня болото.

«Боже ты мой. Что за дорога... Окончится ли она когда-нибудь?»

Сколько раз я готов был уже перерезать веревки, связывавшие меня с Рикардо, и дать упасть ему в трясину или оставить его на одном из островков.

И не мог. Ведь из-за него я убил Хорста.

Когда передо мной наконец блеснули синие воды Карибского моря, я решил, что это видение, мираж или попросту бред моей воспаленной фантазии. Но тут я услышал — о счастье! — услышал плеск бьющихся о берег волн.

— Не может быть! Не может быть! — бормотал я, чувствуя, как по моему лицу обильно катятся слезы, теряясь в густой бороде.

— Рикардо! Слышишь? Рикардо! Мы спасены!

Я тряс несчастного, заставляя его вернуться к жизни.

Он приоткрыл глаза. Они были мутны. Он даже буркнул что-то бессмысленное.

Почувствовав вдруг прилив сил, словно после отдыха, я надул резиновую лодку, которую чудом дотащил до моря.

Глава тринадцатая

В западне

Карибское море отнеслось к нам благосклонно, более того — дружелюбно. Оно попросту спрятало нас в лабиринтах бесчисленных островков.

Однако, признаюсь, меня охватывала дрожь при мысли о возможной встрече с рыбаками или с кем-нибудь из местного населения близ берегов. Но удача пока что сопутствовала нам.

И все же море причиняло нам немало неприятностей.

Пищу я добывал с трудом. Мы продвигались очень медленно — я выбился из сил, мои руки настолько ослабли, что едва-едва управляли лодкой.

Замедленную скорость передвижения — если о ней могла вообще идти речь — я возмещал крайней осторожностью.

Подплывая к какому-нибудь маленькому, похожему на необитаемый островку, мы прятались в прибрежных зарослях и только с наступлением ночи продолжали путь.

Любой ценой надо было миновать водную границу Кубы.

Охотиться я не смел даже с помощью ножа или капкана — боялся, что увидят, обнаружат следы. Я ловил жуков, ночных бабочек. Что до крючков, то этого добра хватало в моем снаряжении. Итак, значит, я мог удить рыбу; правда, она не всегда попадалась, и тогда мы голодали, впрочем, с голоду не умирали.

Но на воде мы были жалкими, очень жалкими.

В безбрежном море, где соблазнительно заигрывая с нами, волны плескались о борт нашей лодки, у нас не было ни глотка питьевой воды. Я жевал припасенные листья деревьев, растирая, заталкивая их в рот Рикардо.

Единственное, что согревало мне душу, — это величиной с портсигар приемничек, который я взял у Хорста, прежде чем спихнуть его в болото. Этот приемник я из

предосторожности носил на сердце, берег его как зеницу ока. Только бы сохранить его до моря, а там...

А там вдруг выяснилось, что все напрасно. Приемник не работал. То ли еще у Хорста он испортился, то ли я повредил его, когда с Рикардо на спине, выбившись из сил, свалился в грязь, — не знаю. Факт тот, что, сколько я ни крутил аппарат, ни тряс, ни разбирал, он оставался нем. Ни одного треска не удавалось выжать из него. Раздосадованный, я швырнул приемник в воду, и он, описав большую дугу, исчез в волне.

Неизменно держа курс на юг, я лелеял надежду, что рано или поздно на нас набредет американское военное судно или нашу покачивающуюся на гребнях волн маленькую лодку заметит какой-нибудь летчик морской авиации.

Я составил план и на тот случай, если надежды обманут меня. Правда, этот вариант был довольно рискованный, но за отсутствием другого пришлось остановиться на этом. Я рассчитал по карте, что мы должны еще проплыть на юг двести с лишним миль, потом миль сто на восток, чтобы открытым морем попасть на Ямайку. Меня не случайно манило открытое море: там можно было не бояться кубинских сторожевых судов.

Времени для размышления у меня было вполне достаточно. У раненого Рикардо жар спал — большую службу сослужил в этом крепкий соленый воздух. К нему понемногу возвращалось сознание. Он лежал или покорно садился, если я его усаживал, глаза у него были теперь уже открыты, но в его тусклом взгляде не вспыхивало ни искры сознания.

Я пытался с ним разговаривать. Всячески тормозил его память. Но все было напрасно. Он не проявлял ни к чему никакого интереса.

Меня же мучил вопрос: видел ли он что-нибудь в ту ночь? Или все видел? Поймет ли, догадается ли, придя в полное сознание, что то, что случилось, случилось именно из-за него?

А что, если в его помраченном мозгу запечатлелось лишь зрелище убийства?..

И снова мелькнула мысль прикончить и его: эту мысль в тревоге перед грозящей опасностью не раз уже

подсказывал мне эгоизм. Но, когда я взглянул на это беспомощное подобие человека, на этот живой труп, который я на спине выволок из ада, мне стало стыдно.

«Он уже никогда не будет человеком», — успокоил я себя и тут же решил его не трогать.

Мы долгими днями качались на волнах. То, чего мы избежали в болотах, почти довершило море: томившая нас жажда предвещала гибель. Куда ни глянь — море... море... вода... она дразнила, усугубляя наши мучения.

Рикардо опять бредил. Я сам теперь мог только неподвижно лежать на дне лодки, грести у меня не было уже сил. Я сдался. Я вверил нашу судьбу прихоти воли.

Когда однажды утром в бледно-голубом небе раздался шум мотора, я решил, что это мне мерещится. Зато, когда на горизонте показался самолет, ко мне вернулись силы. Я вскочил и стал неистово размахивать над головой рубашкой. Он должен, должен заметить нас!

И он заметил. Пошел на снижение. Стал кружить над нами. На крыльях отчетливо виднелась пятиконечная белая звезда — военная эмблема Соединенных Штатов.

Я надрывался, кричал изо всех сил. Воображал, дурья моя голова, что эти вопли будут услышаны сквозь рев мотора.

В эти минуты я не способен был здраво мыслить. Сам не знаю почему, но я был уверен, что нас каким-нибудь образом да подберут. Когда же самолет, покругив, повернул назад, предоставив меня и Рикардо морю, я впал в отчаяние.

Потом... потом, примерно спустя час после исчезновения самолета, я заметил вдалеке дымок. Дымок приближался.

С крейсера (конечно, это был крейсер, принадлежавший американским военно-морским силам) спустили шлюпку.

Боже! Что это было за счастье смотреть, как идут, идут твои спасители!

На шлюпке оказался и врач. К тому времени как нас доставили на судно, врач уже произвел предварительный осмотр.

— С вами не будет беды! — сказал он мне. — Отдохнете несколько недель и восстановите силы. А вот с ним... — он рассеянно кивнул в сторону Рикардо. — Воображаю, что вы перенесли! Эта буйная голова, пожалуй, никогда уже не обретет памяти.

Стыдно признаться, но вместе с жалостью я почувствовал облегчение. Если кубинец будет молчать, мне не о чем больше беспокоиться. Судьба Хорста останется тайной, моей, и только моей!

С берега нас самолетом отправили — в который уже раз! — на место, в Форт-Брагг. Санаторий помог мне ликвидировать следы страшных переживаний. Потом я на две недели отправился к родным.

Туда и пришло предписание моих шефов о том, что мне пора к ним явиться.

Признаюсь, я с первого дня своего возвращения ждал этого. Мне не терпелось услышать похвалу: «Молодец парень! Мы поистине гордимся вами!» На повестке дня у меня стояло добиваться перевода в военную разведку. Если сейчас мне платили триста девяносто долларов в месяц, то с переводом в качестве инструктора в военную разведку я получал бы ежемесячно пятьсот долларов. Огромная разница! Кроме того, положила руку на сердце должен признаться, что с меня уже было достаточно испытаний.

Мои благодетели — иначе я не мог их назвать, так как с первого дня нашего знакомства я ощущал на каждом шагу их доброе расположение, — встретили меня поистине как друзья.

— Милости просим! Подумать только, две недели тут околачивается, а к нам и носа не кажет! Как это называется? — Мистер Робинсон с обычным радушием поспешил мне навстречу. Положив мне руку на плечо, он отстранил меня и стал разглядывать. — Нет, вы поглядите на него! Вот это герой! — Он повернул меня лицом к своему коллеге, будто я был по меньшей мере Голиафом, чудо-гигантом!

Мистер Раттер тоже был любезен, конечно, в меру своих возможностей. На его всегда кислой физиономии мелькнуло даже подобие улыбки.

— Bravo! Неплохо сработано!

Я глотнул. Это была похвала, но не та, на которую я рассчитывал. Для меня, пожалуй, было важнее заслужить признание мистера Раттера, чем его коллеги — добродушного и приветливого мистера Робинсона. Может, именно потому, что мистер Раттер был скупее на похвалу. А то, что трудней дается, больше ценится!..

От мистера Робинсона не укрылась тень, скользнувшая по моему лицу. Он обратился к мистеру Раттеру:

— Ну, будет тебе глядеть на мир сквозь темные очки! Это все от желудка у тебя! Подумай сам, вместо того чтобы вознести сейчас нашего подопечного до небес, ты портишь ему настроение! Я говорил тебе и опять скажу: ложись-ка ты на операцию!

И что за чудо. От этого выговора на лице мистера Раттера тоже расцвела улыбка.

— Ладно, ладно! Не ворчи ты вечно на меня. Я сейчас же искупаю свою вину.

Всякий раз, когда я бывал у них, они угощали меня. И теперь тоже. Мистер Раттер открыл потайной бар, достал бутылки, но дверцы бара оставил открытыми.

— Змеиной водкой мы, к сожалению, не располагаем, но, надеюсь, вы попробовали ее в Сайгоне... Что?! Что вы сказали? Нет? Вот тебе и на! Дружище! Вы упустили то, чего в жизни больше вам не наверстать!

Звякнули бокалы. Мы выпили.

— Что и говорить, здорово вы провернули дело, черт подери! Ох, и везет же людям! Я вам просто завидую, что вы побывали там!

Я никогда еще не видел мистера Раттера таким гордым. «Один — ноль в мою пользу», — решил я, с гордостью считая своей заслугой то, что у него развязался язык, и вообще все происходящее здесь. Несомненно, я тому причиной, мое умное и отважное поведение.

— Вы уже виделись со своим стариком?

Что за метаморфоза! Будто разговор продолжал со мной вовсе не мистер Раттер. Куда девалось его простосердечие и веселая непосредственность! Он сбросил свое добродушие, как маску. В голосе его не осталось и следа прежней сердечности.

«А жаль! — заключил я. — Такой вот, суровый и холодный, он совсем не симпатичный».

«Какое же его истинное лицо?» — задал я себе далеко не впервые этот вопрос, но опять не смог ответить на него.

— Пока что нет! — сказал я вслух. — Отец уехал куда-то, еще до того, как я добрался до дому!

— Жаль! — сказал мистер Робинсон. — Ваш папаша ждет не дожидается встречи с вами. Он счастлив, что у него такой сын. Мне кажется, из четверых своих детей он больше всего гордится вами!

Я с удивлением отметил, что это сообщение в такой же мере, как и радостным, было для меня неприятным. Весть о похвалах отца в мой адрес оставляла горький привкус.

«Отец видит во мне продолжателя своего дела!» — нащупал я вдруг объяснение, и это открытие снова заставило меня глубоко задуматься.

— Я его повидаю, непременно повидаю... Мне кажется, для этого останется время...

Но что-то, видно, выдало меня — может быть, голос мой звучал резче обычного, — потому что они насторожились. Я подумал, что они захотят узнать причину моей сдержанности по отношению к отцу.

Нет, они ни о чем не спросили. Только мистер Робинсон помрачнел, а мистер Раттер стал холоден как лед. Разговор, которого я так жаждал, сам не знаю, как это получилось, стал принимать характер разногласия.

— В таком случае давайте говорить начистоту. Пора открыть карты!

При этих словах мистера Раттера я, даже сидя в кресле, подтянулся: что за этим последует? Испытываемая до сих пор робость теперь сменилась чувством облегчения. Да, этот разговор давно назревал. И вот назрел!

— Послушайте, молодой человек! Вы больше четырех лет пользуетесь доверием и расположением Соединенных Штатов. Надо сказать, вы оправдали возложенные на вас надежды, но вы не можете не согласиться, что до сих пор вы пожинали лавры... на полигоне.

— А Вьетнам? А Куба? — Может, не следовало перебивать его, но я не утерпел.

— Детские игрушки! — махнул он рукой. — В сравнении с теми делами, которые мы рассчитывали увидеть от вас и ваших товарищей! Думаю, вы уже подсчитали, сколько средств, времени и заботы затрачено на ваше всестороннее обучение?

Тут я понял, что так и не сделался настоящим американцем: производить такие подсчеты мне никогда не приходило в голову. Но я ничего не сказал, ждал, что будет дальше. Мне было интересно узнать, для чего он разводит все это, когда мы еще в самом начале нашего знакомства раз и навсегда обо всем договорились. Мною теперь все сильнее овладевало предчувствие, что Раттер и компания замышляют что-то недоброе.

«Замышляют!» Я был слишком наивен и не подозревал, что они задумали это уже в момент нашей первой встречи!

Видя, что я молчу, мистер Робинсон решил вставить свое слово.

— Соединенные Штаты рассчитывают на вас, друг мой!

— Совершенно верно! — подхватил снова мистер Раттер. — И, по правде сказать, мы от вас ждем настоящих дел!

Он смотрел на меня, и глаза его прямо говорили: «Ну, а теперь давай выкладывай: с нами ты или против нас!»

— Можете на меня рассчитывать! — Как только эти слова сорвались с моего языка, я тут же понял, что ответил не только глупо и банально, но и вразрез с собственными интересами.

Мистер Раттер, видимо, только этого и ждал, так как тотчас ухватился за мои слова.

— Вот это разговор! Так по крайней мере мы знаем, с кем имеем дело. Теперь я бы хотел услышать что-нибудь о ваших дальнейших планах.

В первое мгновение я растерялся. Но тут же подумал: «Тем лучше, хоть выскажу им, что у меня на душе».

— Мистер Раттер и мистер Робинсон! Во-первых,

мне хочется выразить вам свою признательность за то, что вы для меня сделали!

— Не стоит! — Только и сказал мистер Робинсон, продолжая выжидающе смотреть на меня.

— Без вас я бы никуда не пристроился. Хотя, должен признаться, я и по сей день не знаю, пристроен ли? У меня приличное звание, оклад, но...

— Но? — спросил, наклонившись вперед, мистер Раттер.

— Я недостаточно ясно представляю себе будущее. Что будет дальше? Я снова нуждаюсь в вашей помощи и... не знаю, могу ли высказать... не будет ли это нескромностью с моей стороны?

— Да валяйте же наконец! Для того мы и сидим тут, чтобы внести полную ясность в дела!

— Вы мне обещали тогда, давно, что устроите меня инструктором в военную разведку.

«Уф, как гора с плеч!» Мне было очень трудно выказать им это прямо в глаза: раз, мол, обещали, нечего крутить! Но я должен был это сделать, чтобы не запутаться в силах бюрократизма военщины. Отчасти же мной, признаюсь откровенно, руководило желание опередить их намерения. Чтобы они не успели высказать своих планов, то, что дамокловым мечом висело над моей головой.

Они долго молчали, точно взвешивая сказанное мной. Когда тишина не в меру затянулась, заговорил мистер Раттер.

— Это правда, что мы обещали. И, будьте покойны, слово свое сдержим! Вот что, мистер Мадяр, вы и до сих пор находились в ведении военной разведки. Однако должен довести до вашего сведения, что в последнее время произошли небольшие изменения.

— Изменения? — Я почувствовал, что сердце готово выскочить у меня из груди.

— Именно изменения! Вы, вероятно, знаете, что русские запросто летают в космос. Их ракеты грозны; в этом деле пока что тягаться с ними мы не можем. На карту поставлена наша безопасность, безопасность вашей новой родины и всего ее народа. Пока что вы меня, мой друг, понимаете, не правда ли?

Вопрос этот был излишним. Что тут было непонятного!

— Блок восточных держав мы делим на три основные группы. Разумеется, только как поле нашей предполагаемой деятельности. Первая группа — сам Советский Союз с его населением, заводами, ракетными базами. Вторая — Китай, Корея и Вьетнам. Здесь недра земли хранят огромные сырьевые богатства! Третья группа — это Восточная Европа.

Он наполнил бокалы и поднял свой, многозначительно посмотрев на меня. Мы чокнулись.

— Остановимся на Восточной Европе. Для первых двух групп у нас имеются другие люди. Итак, ваша родина и расположенные вокруг нее страны интересуют нас с двух точек зрения. Во-первых, потому, что по своему промышленному потенциалу, по интеллектуальному развитию и техническому уровню населения они играют немаловажную роль в советском блоке. Во-вторых, потому, что благодаря относительно большому числу недовольных нам нетрудно завербовать в этих странах нужных людей для диверсионных целей. Надеюсь, вы и это поняли? — спросил он ободряюще.

Еще как понял! Значит, вот где собака зарыта! Вот почему этот начавшийся в дружеском тоне разговор принял такой оборот. Я уже и прежде подмечал, что обладаю способностью предчувствовать недоброе. И на этот раз чутье меня не обмануло. Раттер и компания — теперь это уже стало очевидным — решили сбросить маску, говорить открыто.

Я кивнул, дескать, понимаю.

— Вы не можете не согласиться с тем, что при создавшейся ситуации мы должны знать, что происходит в советской Европе? Ваша страна нас особенно интересует. Из-за большого роста промышленности за последние полтора десятка лет! Из-за урана! И из-за пятьдесят шестого года! Дело сейчас складывается так, что мы можем пустить там прочные корни, заслав туда самых надежных и опытных людей! При не особенно большом риске — большие результаты! Вам и это понятно?!

Он снова наполнил бокалы.

Я хотел уже было отказаться от вина, но вовремя одумался: это было бы сейчас ошибкой. И я выпил.

У меня внутри все клокотало.

«Провели!» — это слово сверлило мой мозг.

«Нет, быть не может!» — Я все еще надеялся, что недопонимаю их, что этот разговор ведется со мной как с будущим инструктором и является лишь очередной проверкой.

Я пытался взглянуть на все со стороны, будто речь шла не обо мне, а о ком-то другом, будто моя роль сводится лишь к тому, чтобы высказаться по этому поводу.

— Господа! Такая перемена для меня, признаться, неожиданна! Насколько мне помнится, я брался осваивать свою профессию, чтобы передавать потом опыт другим, тем, кого вверят мне! — Я ждал, что мистер Робинсон со своей обычной улыбкой ответит: «Разумеется! Разве от вас, кроме этого, требуют еще что-нибудь?»

Вас, наверно, удивляет моя наивность.

Но такова уж природа человека: в тяжелую минуту он всегда на что-то надеется и словно утопающий хватается за соломинку. Он просто не в состоянии поверить, что зло неизбежно. Вот и я не мог в это поверить, во мне жила еще надежда.

Увы, мистер Раттер одним махом разбил ее.

— Вы взяли на себя обязательство, — заявил он сухо, — служить Соединенным Штатам в военной разведке! Я вас не понимаю, молодой человек! Выходит, что вы уже выпустили все свои пушечные заряды? Ерунда! Вы выдающийся разведчик. Мы еще нуждаемся в ваших способностях. И точка!

— Не перебивайте! — грубо остановил он меня, заметив, что я собираюсь возразить. — Не говоря и о том, что вы и как инструктор лучше справитесь со своими обязанностями, если обогатите свой опыт!

— Совершенно верно! — вставил мистер Робинсон. — То, что обещано, за нами не пропадет. Вы, друг мой, будете преподавателем в школе военной разведки, это я вам гарантирую! Но, прошу вас, поразмыслите немного: неужто вы так-таки все уже знаете? Нет ведь? Правда? Вот что, советую вам отнестись к предстоящей команди-

ровке так же, как вы отнеслись к вьетнамскому заданию! Вы же поехали во Вьетнам? Поехали. Так, спрашивается, почему бы вам не поехать и в Венгрию? Не все ли вам равно, где бороться против коммунистов? Или, по-вашему, коммунист коммунисту рознь?

Меня сначала смутила его логика. Но вот я увидел — да, увидел! — пушечный огонь. Огонь тех пушек, которые расстреливали родную деревню Ме. Я даже явственно ощутил запах горящего дерева, услышал вопли горящих заживо женщин и детей.

«Не все ли равно, где бороться...» В самом деле, какая разница? Но ведь... если это так, то завтра, через месяц, через год они сожгут дотла и Ясберень? И Шопрон?»

Тогда, в ту минуту, я понял окончательно, что мне нечего делать у Раттера и ему подобных! Что именно поэтому и стали мне противны излияния моего отца! И что назначение спецвойск — кровопролитная война под сенью джунглей. До сих пор мне в голову не приходило, что операция «Могучий баньян» с таким же успехом могла быть проведена и на берегах Дуная или Тисы!

«Но что же делать? Есть ли выход из этого положения, и если есть, то куда он меня приведет?» — думал я в волнении. Я сидел согнувшись, поглощенный своими мыслями.

Сколько времени просидел я так? Секунды, конечно, но какие долгие бывают секунды!

Я чувствовал на себе зоркие взгляды двух американцев, следящих за малейшим моим движением. Они пронизывали меня насквозь, стараясь заглянуть внутрь.

— Можете сейчас ничего нам не отвечать! — заговорил теперь мистер Робинсон. — Мы и так все знаем. Не думайте, нам понятно ваше смятение. Обучение в немалой степени потрепало вам нервы. Потом неудачный случай с индейцем, затем хорошенькая вьетнамочка... Если не ошибаюсь, ее звали Ме. Так?

В его словах сквозила неприкрытая издевка.

Я вздрогнул. Будто от пощечины! До этого я считал, что из них двоих лучше, сговорчивей, доброжелатель-

ней Робинсон... И теперь он, именно он, нападает на меня!

— Будет тебе! Оставь парнишку в покое!.. Не обижай его! — Вот уж не подумал бы, что именно мистер Раттер встанет когда-нибудь на мою защиту. Его мягкий, сочувственный голос словно приласкал меня. — Не обижай! — повторил он еще раз. — Человек перенес слишком много потрясений. Ты подумай только, какой страшной, должно быть, показалась ему вся эта кубинская история! На мой взгляд, ему не мешало бы дать возможность еще немного отдохнуть. Вообще, его надо временно отправить в такое место, где он смог бы снова прийти в равновесие. Теперь, когда мы в принципе все выяснили, давайте подлечим ему нервы. А потом уже вернемся к этой теме!

Содрогалась земля, будто все давно погасшие вулканы, тряхнув стариной, извергли лаву. Грохот сопровождался глухими стонами. Нет, это не обломки скал, выброшенные из кратеров, валяющиеся в бездну — удары были более редкими и равномерными.

Ураганный огонь!

С шести часов утра!

Беспорядочно!

Когда я посмотрел на часы, стрелки показывали уже половину второго.

Голова у меня взмокла... Каску распирал пар. По лбу, вискам, даже по затылку ручьями лил пот.

Я положил в рот лимонную пастилку. Она немного утоляла жажду. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что люди вокруг меня мучаются, как и я.

С той стороны раздавался огушительный гул. Мы и к этому привыкли за неделю, даже во сне различая звук летящих самолетов. Более того, мы по гулу могли определить, какой летит самолет.

— Воздушная тревога!

Приказ по цепочке дошел до меня. Я тотчас же передал его дальше.

Бомбардировщики уже были над нашими головами.

Мы прижались к земле, точно желая в нее втиснуться.

«Но где же наши? Где их черти носят?»

Сверху — мы это ясно видели на фоне голубого неба — одна за другой летели вниз бомбы.

«А наших нигде не видно! Нигде!»

— Газы! — это слово катилось уже не дрожащим шепотом, а истошным воплем.

— Черт бы их побрал! — ругался я. Мало того, что такая убийственная жара, что ты в полной выкладке, в железной каске, так теперь еще и противогаз надо надевать, будь он не ладен!

Но ничего не поделаешь, на войне понятие «удобства» на последнем месте.

Грохот вдруг усилился, он барабанным боем отдавался в наших ушах.

Мы снова прижались к земле. Со стиснутыми зубами, беспомощные, брошенные на произвол судьбы.

Один наиболее дерзкий истребитель стал бить по нас с бреющего полета, под прямым углом. Казалось, он сейчас снесет нам головы. Даже в этом адском шуме выделялся мерзкий отрывистый лай его автоматических пушек.

Наш острый слух различал теперь уже новые звуки: похоже было, что урчит земля!

Артиллерийский огонь еще раз, как бы на прощание, ураганом прошелся по нашим рядам, и тут же прямо перед носом у нас загремело, заскрежетало.

— Берегись! Танки!

Это предупреждение было излишним, каждый из нас уже и сам видел выползающие из леса чудовища.

Со скрипом валились вековые деревья, танки вминали их в землю... В поле чернела одинокая усадьба. Каким-то чудом ее обошли артиллерийские снаряды. Теперь она оказалась на пути одного из стальных великанов. Тот пошел прямо на строение и подмял его под себя. Шум падающих кирпичей потонул во всепоглощающем грохоте войны. Мы видели, как рухнули стены, а крыша, точно верная хозяйину шляпа, прикрыла руины. Затем все заволкло пылью.

«Какое нас разделяет расстояние? Два километра? Полтора?»

Надо подождать. Надо подпустить их поближе. Как можно ближе!

Они подошли на пятьсот метров.

— Огонь! — крикнул я.

С пусковых установок с неуловимой для глаза скоростью срывались ракеты. Справа и слева... десять... двадцать... пятьдесят...

Танк, идущий прямо на меня, почувал опасность. Он сначала остановился, затем заработали поворотные рычаги. Он стал маневрировать и вошел в мертвую зону.

Я быстро изменил угол пусковой установки. Стройный корпус ракеты переменял направление, преследуя гиганта, который уже удирал... да, удирал!

Страшная детонация!

Из брюха стальной машины вырвались языки пламени; они кольцом обвили корпус танка и стали дуть на него.

Передо мной на землю упала маленькая станиолевая пластинка. За ней другая... третья... Даже сквозь маску и противогаз я услышал тихое, нежное позвякивание пластинок.

«До чего же они отсталые там, по ту сторону! Засыпали всю окрестность своими блесками! Думают, что этим они парализуют наши управляемые снаряды! Я обвел чуть ли не влюбленным взглядом наше орудие. Я присоединил тончайший проводок к прицелу.

«Можете кормить нас станиолем, сколько вашей душе угодно! Пушкой управляет не радио, а вот этот бесстрастный тонкий проводок!»

В вышине завывали моторы наших истребителей. Я мельком взглянул вверх: хотелось увидеть, как они преследуют противника.

Две недели бушевали бои «где-то в Западной Германии». Две пропитанные потом, кровью и нечеловеческим напряжением недели!

Когда окончились маневры и я осмотрел взрытую местность, снова вспомнились Южный Вьетнам и слова мистера Робинсона: «Не все ли равно, где бороться...»

Меня неотступно преследовала мысль о том, что, будь это настоящая война, эти изрытые воронками и выжженные напалмом поля мне, чего доброго, пришлось бы узреть и в Венгрии.

Это Робинсон и компания подстроили мне такой «отдых». После курсов по переподготовке в тяжелой артиллерии я был назначен в Швейнфурт.

— Для начала, старший сержант, явитесь в Си-Ай-Си!

Я явился. Я уже был достаточно знаком со служебными предписаниями, чтобы понять: приказ этот необычен. Но ведь и все, что со мной происходило, резко отличалось от участи обычного солдата.

Передо мной сидел прототип мистера Раттера! Облеченный в штатское офицер, пожалуй, лишь отдельными внешними чертами отличался от моего фортбраггского «покровителя». А стилем обращения не только походил на него — это был самый настоящий мистер Раттер!

Он не стал со мной особенно церемониться.

— Вы пока что отдыхайте, развлекайтесь! — сказал он. — Ваша задача теперь обрести самого себя. В части, куда вы будете направлены, вам, естественно, придется нести службу со всеми наравне. Согласитесь сами, там мы не сможем делать вам никаких скидок — это бросилось бы в глаза. Да и сами вы об этом, несомненно, пожалели бы позднее, после вашего выздоровления!

«После моего выздоровления? Неужели они и вправду приняли меня за больного? Что ж, это мне на руку! К моему счастью, они и не подозревают, что я именно теперь начинаю обретать самого себя!»

Я не слышал, о чем он толковал мне потом. Мысли мои были заняты собственной судьбой. Когда он подчеркнуто повторил какую-то фразу, я встрепенулся:

— Простите, я не понял. Просто задумался над тем, что вы говорили раньше.

Он был доволен эффектом, который произвели на меня его слова, и в третий раз повторил сказанное, затем дружески простился со мной, взяв с меня обещание обращаться к нему по любому поводу.

Я не сомневался в том, что в своем рапорте начальству он не замедлил доложить об уже сказавшемся на мне благотворном влиянии новой среды.

Полученное назначение оказалось для меня действительно своего рода отдыхом.

Моя рота расположилась недалеко от Мюнхена, в местечке Швейнфурт.

Это был целый военный городок: здесь размещались четыре части 3-й моторизованной дивизии армии Соединенных Штатов, кроме того, 30-я и 38-я боевые пехотные группы, 10-й инженерный батальон, а также 18-й транспортный батальон. В распоряжении большей части этих соединений, кроме всего прочего, еще имелось по роте бронбойщиков. Как раз в одной из таких рот я стал инструктором. Мне дали помощника, сержанта, таким образом, нам не пришлось особенно надрываться.

А то, что я попал сюда как кур во щи именно во время маневров, я могу приписать исключительно своему личному невезению. Но, как говорится, нет худа без добра, и я благодарю судьбу за то, что в течение двух недель был настолько занят, что не имел возможности думать, размышлять.

Но вот и маневры канули в прошлое, и для меня началась незнакомая гарнизонная жизнь.

У моего помощника чуть глаза на лоб не вылезли от удивления, когда однажды утром, войдя ко мне, он застал меня за чистой обувью.

— Что ты делаешь?! — спросил он, с трудом сдерживая смех.

— Разве не видишь! — бросил я: мне было досадно, что он смеется надо мной.

— Фрэнк! Скажи, ты ведь не обидишься, если я дам тебе один совет?

Это был веселый, симпатичный мальчик из Вайоминга. Мне ни разу не довелось услышать от него ни одного бранного слова. И как это он только выдерживал солдатчину?

— Ну что ж, хороший совет я всегда охотно приму!

— Возьми-ка ты себе чистильщика!

Под словом «чистильщик» там подразумевали слугу, который выполнял за хозяина всю грязную работу.

Я знал, что в странах с цветным населением такого слугу за гроши может нанять и выжимать из него последние соки любой, даже самый последний солдат. Но ведь мы находимся в Европе! Более того, в богатой и чванливой Германии!

— Слугу? Здесь, в Германии?

Теперь мой помощник уже не мог сдерживать смех.

— Неужели ты воображаешь, что здесь нет таких, кому деньги нужны? Будь покоен, я найду тебе слугу.

В самом деле. Уже на следующий день он явился ко мне с белобрысым, вполне прилично одетым парнишкой. Я задал ему несколько вопросов: должен же я был знать, кого впускаю в свою комнату, к тому же меня интересовало, что побуждает его соглашаться на такую работу. Я достаточно изучил своих товарищей по оружию, чтобы сочувствовать тому, кто ест их хлеб! И особенно горек, наверное, этот хлеб, когда они напиваются, а это бывает довольно часто.

Парнишку звали Германом. Ему был семнадцатый год, и учился он в предпоследнем классе гимназии. Отец его, мелкий служащий, воспитывал пятерых детей, и в семье были не прочь, чтобы Герман сам заботился о себе. Я платил ему пятнадцать долларов, столько же получал он от американской казны. Эта сумма соответствовала примерно ста двадцати маркам, зато я был избавлен от всей мелкой возни по хозяйству. Он до блеска начищал мои ботинки, мыл тарелки и стаканы, стирал мне носки. Я часто поглядывал на него, когда он занимался делами. И вспоминал Фертёд. Фертёд, где при средней школе был интернат. Но, как бы мы того ни желали, нас оттуда ни за что не отпустили бы в услужение.

Вообще мне на память все чаще приходила Венгрия. В том, что мои «друзья шефы» не оставят меня надолго в покое, я был уверен. Сейчас они чуть ослабили привязь, предоставив мне отсрочку, чтобы я приучил за это время себя к мысли о новом деле, чтобы смирился со своей участью.

«А что, если бы я взял да вернулся домой?» — Когда впервые так четко встал передо мной этот вопрос, я испугался.

«Домой? Я? С моим прошлым и прошлым моего отца?»

И все же мысль об этом стала все чаще и чаще преследовать меня. Я ее оценивал, пробовал на язык, как дитя тайком пробует запретный плод.

«А, глупости!» — И я решил раз и навсегда выбросить это из головы.

Но ничего не вышло. Я ловил себя на том, что воображение то и дело уносит меня домой.

И, по мере того как шли дни, недели, у меня все больше становилось причин для разочарования в военной службе, которую мы несли здесь, в стране ультраевропейского, так сказать, народа, да и в моих однополчанах. Я не знаю, чем это объяснить, но стоит американцу, к тому же в военной форме, попасть куда-нибудь на чужбину и вкусить власть тех нескольких долларов, что звенят у него в кармане, как он тут же становится надутым пузырем, разнузданным и, что особенно плачевно, безответственным.

Я приведу два примера, два грустных случая, которые произвели на меня неизгладимое впечатление, еще больше оттолкнув от тех и приблизив к этим.

Произошло это сразу после окончания маневров, оставивших после себя испещренную гусеницами и покалеченную артиллерийским огнем баварскую низменность.

Не то на второй, не то на третий день к нашему командованию явился бургомистр городка. Он привел с собой плачущую женщину, молодую особу с изможденным лицом. Было ясно, что на лице ее отразились страдания последних нескольких часов. Под глазами у нее кожа покраснела от слез, ручьями стекавших по щекам. Я случайно встретился с ней, когда она входила в штабное здание, и любопытство заставило меня остановиться.

Я вздрогнул, когда из внезапно распахнувшейся двери вышел адъютант. Увидев меня, он крикнул:

— Как раз вас-то мне и надо! К полковнику!

Я не стану вдаваться в подробности. Но дело в том, что дочка заплаканной женщины нашла какой-то выброшенный солдатами предмет. Она его подняла, стала разглядывать и потом играть с ним. Незнакомый предмет

ведь всегда вызывает интерес! Когда на взрыв люди выбежали из дома, ребенок лежал окровавленный. У девочки были оторваны обе руки и выбиты глаза.

Я читаю ваши мысли. Вы в эту минуту думаете о том, что такие печальные происшествия случались и в других местах, и в разные времена. Остающиеся от войн взрывчатые вещества, разумеется, продолжают делать свое дело — убивать.

Тогда, после учения, мы собрали на полигоне и в округе более двухсот капсулей гранат. А солдаты по-выбрасывали их — лень было тащить! Выбросили потому, что с них никто не требовал отчета за эти капсули.

И еще потому, подсказывал мне внутренний голос, что все они были людьми безответственными.

В пользу трехлетней Эрики полк организовал сборы. Я не знаю точно, какую сумму собрали, но, наверное, несколько тысяч долларов. Когда врачи разрешили, я навестил девочку. Принес ей шоколаду и красивую куклу с волосами. И только тут я осознал, что девочка уже не сможет радоваться кукле: она не увидит ее, и у нее нет рук, чтобы прижать ее к себе!

За доллары мы могли купить все что угодно! Только не пару блестящих глаз, не две тоненькие ручки!

Когда я покидал Венгрию, понадобилось всего несколько часов, чтобы с Востока перемахнуть на Запад. Назад дорога была куда более долгая!.. Бедная маленькая Эрика заставила меня сделать еще один шаг на обратном пути... Следующий же шаг был сделан мной после памятной мюнхенской ночи...

Начну по порядку.

Маневры давно были позади, и я чувствовал себя уже довольно сносно. Как-то утром ко мне в дверь постучали.

— Давай, давай! — крикнул я, ожидая Германа, который накануне предупредил меня, что утром немного опоздает.

— Вот так прием! — раздался шуточный и вроде бы знакомый голос.

Я с удивлением уставился на вошедшего.

— Что, не узнаешь? — человек остановился в дверях, с интересом разглядывая мое растерянное лицо.

— Как же, как же! — спохватился я. — Тоже скажешь! Садись, старина, сейчас сообразим насчет закуски!

Это был Шандор Шоя, человек лет на десять старше меня, с которым мне приходилось встречаться в Форт-Джэксоне, а также в Форт-Брагге. У нас, в сущности, не было никаких отношений. Мы знали о существовании друг друга, знали то, что оба, и он и я, венгры, ну и, может быть, пару раз обмолвились несколькими словами. Вот и все. Поэтому меня так удивило его неожиданное посещение. Сначала я обрадовался ему, но, поразмыслив немного, насторожился. Эти годы убедили меня, что случайные встречи на нашей стезе обычно бывают далеко не случайными.

Я был приветлив с ним, но себе на уме. Что все это значит?

В тот день я так ничего и не понял.

— Я узнал, что ты здесь, захотелось повидаться. Все же свои! — Это звучало довольно правдоподобно, по крайней мере настолько, чтобы я мог для виду принять это как причину.

Немного погодя он привел еще одну причину своего визита.

— Знаешь ли ты, старина, что здесь неподалеку есть еще один добрый наш приятель?

— Правда? — Не нужно было быть гением, чтобы догадаться, что вот сейчас последует главное, то, за чем он пришел! Вернее, за чем его послали!

— Ты помнишь такого Хаукинса? А? Быть не может, чтобы ты забыл, а ну, поднапряги немного свою память! Он сам рассказывал мне на днях, как вы с ним сообща месили грязь в Форт-Брагге! И как вы ныряли вместе лягушками в заливе у Флориды! Ну что, вспомнил?

Конечно, я помнил Артура Хаукинса, парня с внешностью и манерами киноактера. Мы вместе проходили общеобразовательный курс в школе войск специального назначения, но во время учения на местности попадали в разные группы. Ну а по окончании школы совсем рас-

стались. Он прибыл к нам уже в чине офицера. В каком звании — я не знал, знал только, что с курсов он ушел старшим лейтенантом.

На всякий случай я сделал вид, будто с трудом припоминаю его.

— Вроде был такой... Да только... сам знаешь, как много было всяких встреч тогда и после...

Мне казалось более выгодным прикинуться беспамятным. Это избавляло меня в случае чего от обвинения в том, что я выдал кого-либо из личного состава засекреченных частей. Разве мог я ручаться, что не с такой именно целью подослали ко мне этого человека? Кроме того, «слабая память» давала мне преимущество перед тем же Хаукинсом, вынуждая его делать первый шаг. Должен сказать, что у меня не осталось ни малейшего сомнения в том, что я имею дело с наперед и четко разработанным экспериментом.

Во время третьей встречи мой венгр раскрыл свои карты.

— Хаукинс находится в Бад-Тельце. Там ждет тебя. Ему хотелось бы поближе сойтись с тобой.

— Что за Бад-Тельц? — спросил я, хотя отлично знал, что это и где находится. Но я разыгрывал из себя придурка: пусть он побольше говорит, а вдруг да обронит какое-нибудь интересующее меня словечко.

Он пристально посмотрел на меня.

— Ты что, проверяешь меня?

— Вот еще! Как ты можешь такое подумать? Я на самом деле не имею никакого представления, что это. Я отслужу свое, потом живу как штатские. Какое мне дело, что находится по соседству!

Он и верил и нет. Зато рассказать — разумеется, в рамках того, что можно было, — он мне рассказал.

— Бад-Тельц — большое селение по соседству с Мюнхеном. Барский дом занят командованием Си-Ай-Эй.

— А Хаукинс?

Я жил в американском военном общежитии, и все же Шоя понизил голос, склонившись к самому моему уху:

— Он руководит одним из подразделов Си-Ай-Эй! Немалая шишка! Да, да!

Я направился к Хаукинсу, хорошо зная, что, если не явлюсь к нему, он все равно разыщет меня, да, кроме того, он имеет возможность в любое время вызвать меня и официально. Я был уверен, что старший лейтенант действует по поручению военной разведки. Пока что они прощупывают меня, в достаточной ли мере я уже обмяк...

От волнения у меня сперло дыхание. Я постучался. Вот теперь — это я чувствовал, знал — они будут всячески опутывать меня!

Хаукинс встретил меня как доброго старого знакомого. Я ждал, что он начнет издали, что будет вспоминать былое, поить меня. Но вместо этого он безо всяких околичностей, кратко и четко приступил к делу:

— Фрэнк! Готовятся грандиозные дела! Ты нам нужен!

— Что такое? — спросил я с дипломатической осторожностью. Такой вопрос не означал ни «да», ни «нет» и в то же время не закрывал собеседнику рот.

— В сущности, я хочу вовлечь тебя в это дело на собственный страх и риск. Но дело будет феноменальное!

Он умолк. А когда увидел, что я не отвечаю, только смотрю на него с любопытством, продолжал:

— Речь идет о Берлине! Мы хотим тебя послать в Берлин!

Я напряженно думал: «Что мне делать? Как поступить, чтобы увильнуть, выпутаться? Поскольку ничего более умного я не придумал, решил прибегнуть к его же методу. На категорическое предложение ответить категорическим отказом. Это не было мудрым ходом, но что мне оставалось делать, коли моя голова не смогла меня выручить с нужной проворностью?»

— Ты добр ко мне Артур! Но только я теперь не в таком положении, чтобы браться за подобную работу!

Он сделал вид, будто, ничего не знает.

— Почему? Из-за твоей службы? Пустяки, в наших возможностях это изменить!

Мне стало смешно от такой недооценки моей персоны.

— Дело не в службе, а в моем состоянии! Мне опротивело насилие. Я бы не мог теперь удовлетворительно выполнить какую-нибудь подрывную работу!

«Куй железо, пока горячо!» — говорил я себе. Я надеялся убедить Хаукинса, что в самом деле не гожусь, что против своей воли могу сорвать выполнение задания. Доказывал, что, если меня на время предоставят самому себе, я определенно выздоровею. Но в этом вопросе я недооценивал его, их...

— Фрэнк, ты смысленный малый. И отец твой умный человек: случайно мне в руки попали его деловые бумаги.

Мое лицо вспыхнуло.

— Мы, в том числе и ты, в конеечку стали государству, пока из нас получились настоящие партизаны. Тебе доверяли и доверяют. А ты решил играть с нами. Пока это было возможно, мы смотрели на твои штучки сквозь пальцы, но теперь ты понадобился! Понял? Понадобился — и точка!

У меня пересохло в горле. Теперь от ответа невозможно было уйти.

— Я не берусь. Не могу браться! Ты подумай, Артур. Что будет, если я сорвусь и других загублю? В моем теперешнем состоянии, с моими-то нервами...

Он встал.

— Очень сожалею, Фрэнк, что мне не удалось тебя вразумить. Поверь, мной на этот раз руководило искреннее расположение. Может быть, иные способы будут более действенны!

Он подал мне руку, выражая тем самым, что считает себя моим другом, но в то же время был уже холоден и церемонен.

— Прощай, Артур!

— Если ты образумишься, навести меня!

Я вскоре узнал, что он подразумевал под «иными способами».

Из моей биографии вы уже могли заключить, что я отнюдь не являюсь женоненавистником. Скорей наоборот. Я поклонник прекрасного пола, и чем сильнее его представительница, тем слабее становлюсь я. Я не отношусь к противникам и некоторого разнообразия... В об-

щем, должен сообщить, что я познакомился с одной прехорошенькой немочкой.

Грета была студенткой университета. Высокая, стройная, светловолосая. Была она из той породы, которая не прочь облегчить свое существование за счет средств друзей, но в друзья выбирает далеко не каждого. Впрочем, все это я услышал от нее же самой, это она говорила о том, что без друзей, готовых ради нее на жертву, ей навряд ли удалось бы добраться до шестого семестра, уже не говоря о том, чтоб одеваться с таким шиком.

У меня же денег было вдоволь, имел я и машину, да и сам был не из последних, словом, мы познакомились, дружба наша укрепилась, то есть Грета стала верной и преданной любовницей, ни с кем не флиртовала, а все свое свободное время посвящала мне. Со своей стороны я отвечал ей тем же, вдобавок предоставлял ей право пользоваться моим кошельком. И, надо сказать, она этим правом не пренебрегала. Но тем не менее это была славная и веселая девушка. Мы, без сомнения, очень понравились друг другу.

Как-то Грета предложила совершить поездку в Мюнхен, где она будто бы знала один отличный ночной кабачок.

И в самом деле: заведение оказалось неплохим, с первоклассными напитками и программой. Мы чувствовали себя превосходно, Грета даже немного захмелела, вопреки своему обыкновению придерживаться нормы. Она была весела и остроумна.

— Давай побродим немного! — предложила она.

Я не имел ничего против такой романтической идеи. Ведь мы были, в конце концов, молоды, почему бы не изобразить из себя влюбленных гимназистов?

Мы предвкушали прелесть теплой, лунной ночи. Грета прижалась ко мне, склонив голову на мое плечо, шепча на ухо ласковые слова. Я совсем потерял голову от ее кокетства и мурлыканья.

И совсем забыл о времени: какой дурак смотрит на часы, гуляя лунной ночью в обнимку и целуясь с прелестной девушкой? Мы вышли из кабачка в полночь и медленно пошли к мосту, бродили по улицам, по бере-

гу... Словом, время шло к рассвету, когда за нашими спинами возникли тени трех фигур. Я решил, что это пьяные, так они себя держали. Но позднее, вспоминая этот случай, я понял, что, будь они пьяными, им не удалось бы так бесшумно подкрасться к нам.

— Это были солдаты. Американские солдаты.

— Ох-хо-хо! Ты погляди, с какой аппетитной девочкой прохаживается эта дубина!

Они пошатывались. Однако у них отлично ворочался язык, чтобы делать подобные подлые замечания. Я был в гражданском, затевать скандал не имел ни малейшего желания и потому решил по-хорошему поговорить с ними. При этом я сгорал со стыда за своих товарищей по оружию.

— Будет вам, ребята, дурака валять. Я ведь такой же армеец, как и вы. Если желаете, можете посмотреть мои документы.

Один из них подошел ко мне вплотную и указательным пальцем ткнул меня в живот.

— Не выйдет, папочка! По-нят-но? Малютка останется с нами, а тебе придется убраться... По-нят-но? — И он бесцеремонно схватил меня за нос.

Я даже это спустил бы ему, если бы Грета, которая чуть отошла в сторону, испуганно не вскрикнула:

— Франци! Ой! Помоги! Франци!

Тогда я оттолкнул наглого типа и повернулся к Грете. Я увидел, как один из парней держал отведенные назад руки девушки, а другой лез ей за пазуху.

Больше я ничего не соображал. Исчез из виду освещенный мост, исчезли здания и деревья вокруг, я видел только двух человекоподобных существ, которые вцепились в Грету.

Не помню, что я предпринял, но Грета рассказывала мне после, будто я дико вскрикнул и мгновенно сбил с ног насильников. Признаю, что меня охватило бешенство, но тем не менее я отлично помню, что с появившимися тут же невесть откуда «эм пи» я был вежлив, даже предельно учтив.

С тем большим негодованием услышал я на другой день при разборе моего дела на созванном наспех засе-

дании трибунала обвинение в нарушении общественного порядка, нанесении ущерба авторитету американских вооруженных сил и оскорблении действием вмешавшегося по долгу службы в потасовку солдата военной полиции.

— Я прошу привести сюда тех троих, что совершили нападение на меня! И опросить в качестве свидетеля фрейлейн Грету Харт!

На мои слова никто не обратил внимания. И я отказался отвечать на вопросы судьи. Тогда к пунктам обвинительного акта присовокупили еще и непочтительное отношение к суду. Но я все же добился хотя бы того, что мне ответили на мои вопросы.

— Сержант утверждает, что, кроме вас двоих и какой-то особы, на берегу никого не было.

— Ложь! — Я с такой силой ударил по барьеру перед скамьей для подсудимых, что весь зал задрожал.

— Предупреждаю вас, если вы не будете вести себя прилично, вы усугубите отягчающие вину обстоятельства! — сделал мне выговор майор, сидевший в кресле председательствующего. — Вы назовите тех троих, и я велю их привести сюда!

Я понимал, что имею дело с наперед разработанным планом провокации. И все же я, подобно утопающему, упорно цеплялся за соломинку:

— Я прошу опросить свидетельницу фрейлейн Харт. Ее адрес мне известен.

— Знаем. Вы этот адрес уже сообщили. Но должен огорчить вас: названное вами лицо по данному адресу не проживает.

Точно бомба разорвалась в зале и на меня устремилась со всей своей грозной силой взрывная волна! Я лишился слуха, перед глазами у меня замелькали красные и синие круги, мне казалось, что мою голову сжимает тонкая, но крепкая сеть. Я прямо ощущал, как клетки этой сети впииваются мне в мозг...

Они не нашли Грету потому, что не пожелали найти.

Я стал покоряться судьбе.

Перечисленные пункты обвинения военно-полевой суд признал справедливыми и вынес решение понизить меня в чине до капрала.

Итак, я стал ниже на две ступени. Мое месячное жалование также значительно понизилось. Я еще должен был радоваться, что так легко отделаюсь. Если продолжать упорствовать, то можно ожидать только еще худшего!

Положение мое можно было сравнить разве что с положением мухи, когда она бьется в путях паутины, которую ей не под силу разорвать. Где-то спряталась ее судьба, откуда-то следит за ней... и нет ей спасения...

Нет! Нет! Нет!

Хаукинс не заставил себя долго ждать. На этот раз он уже прислал за мной машину.

Он сам поспешил мне навстречу, снова был любезен, обходителен.

— Мой бедный, бедный друг! — Он протянул мне обе руки. — И надо же, именно тебе так не повезло! Только ты не думай, ни одному слову мы не поверили! Более того, мы послали характеристику на тебя в военно-полевой суд! В сущности, это свиство с их стороны, что они не посчитали ее решающим документом! Да, брат! Это тебе не Америка! Здесь, на оккупированной территории, военная полиция — царь и бог! Да, скверно, что ты влился в такую глупую историю!

Я раздумывал: плюнуть ему в физиономию или пожалеть его за ту подлую роль, какую ему приходится играть? Наконец решил, что ни то, ни другое не годится, а нужно сделать вид, будто я покоряюсь создавшейся необходимости. Он же продолжал играть, будто находился в Голливуде.

— Я надеюсь, теперь ты уже не задумываешься примешь предложение! Поверь, друг мой, это — единственный путь, чтобы вернуть прежний свой чин, причем путь самый короткий!

— Да, ты, наверное, прав!

Он так обрадовался моим словам, что бросился мне на шею. В тот день он меня не отпустил от себя, предложив поехать во Франкфурт. Там мы вместе поужинали, причем он не позволил мне расплачиваться.

Я и спал у него. Наутро мы расстались с тем, что,

как только я вернусь в Швейнфурт, он уже примет меры, чтобы мне предоставили отпуск.

— Ты пробудешь у нас две недели, ознакомишься с заданием — и в путь! Ну а когда возвратишься, тебе не только вернут твой прежний чин, но еще и повысят. Это я тебе гарантирую.

Из его слов я заключил, что меня втягивают в очень грязное дело.

— Постой! — остановил он меня, когда я уже взялся за ручку двери. — Чуть было не забыл сообщить тебе большую новость. Уж не обессуди! Знаю, что тебя это интересует.

Я с любопытством посмотрел на него. Что ему еще надо?

— Пришла радостная весть о Рикардо. Врачи говорят, что он сверх всякого ожидания пошел на поправку. Уже начинает говорить. Правда, пока что несвязно, но уже появляются проблески воспоминаний о пережитых ужасах. Например, он все время называет имя Хорста...

— Хорста? — Я с трудом овладел своим голосом, чтобы он не выдал меня. А дверную ручку сжал с такой силой, что она лишь чудом не сломалась!

— Да. Хорст умер... Хорст... — вот все, что он сказал, но врачи пока довольствуются и этим. Ну, будь здоров!

Я вышел шатаясь. Подойдя к окну широкого коридора, уставился в пространство невидящими глазами. В голове роились мысли.

«Только этого мне сейчас не доставало! Что, если к Рикардо в самом деле вернется сознание и дар речи?»

Я обвинял себя в мягкотелости, в глупой сентиментальности, помешавшей мне оставить кубинца на съедение крокодила. Кто бы узнал? А так...

«Что теперь будет?» — без конца повторял я один и тот же вопрос и не находил на него ответа.

Меня отвлекла от моих мыслей необычная суматоха и беготня вокруг. Мимо меня процессия — на этот раз, кажется, действительно случайно — и Шандор Шоя.

— Послушай, что это за беготня? — задержал я его, схватив за локоть.

— Разве ты не знаешь? — Он удивленно вылупил на меня глаза.

— Артур говорил мне что-то такое, но, по правде говоря, я не очень-то вникал в суть его слов. Понимаешь, мы пришли с ним к соглашению, и меня слишком уж поглотили собственные проблемы!

В другом случае он, конечно, был бы нем как могила. Но событие, вызвавшее эту суету, было чересчур значительным, а весть о том, что меня удалось наконец втянуть в дело, — слишком радостной для того, чтобы он мог придержать язык.

— Но учти, я тебе ничегошеньки не говорил! — поставил он условие.

— Слушай, за кого ты меня принимаешь? — Я сказал это таким возмущенным тоном, что Шоя сам стал оправдываться.

— Ну ладно, ладно! Я просто так, на всякий случай. А раз это не было объявлено «совершенно секретно», то почему бы и не сказать!

— Да роди же, ты наконец или проваливай, если не доверяешь мне!

Это возымело свое действие.

— Представь себе, старина, какая произошла скандальная история! Нынче ночью смылся наш босс! — Он оглянулся, не слышит ли кто-нибудь нас в затихшем на миг коридоре.

Я же сразу не мог сообразить, о чем это он.

— Какой босс? Да говори же ты ясней!

То, что он затем сказал, должен признаться, сильно меня взбудоражило. Не более, не менее, как один из заместителей начальников филиала Си-Ай-Эй перемахнул к русским.

Я знал, что это значит.

С пустыми руками он туда не перешел, это точно. Возможно, прихватил с собой список с именами всех наших агентов, со всеми данными о них — не исключено, что там есть и моя фамилия.

И об этом Хаукинс ни единым словом не обмолвился со мной. Вопреки свершившемуся было вынесено реше-

ние о моей переброске!

«Какая низость! Это почти то же, что убийство из-за угла!»

Я прижал к оконному стеклу пылающий лоб. Вокруг меня точно вымерло все. Никого не существовало, никого, только я. Один Я, Я, Я — и мои мысли, разрывающие голову.

Так как же обстоят мои дела? Во-первых, Рикардо... Во-вторых, босс... со списками... В-третьих, меня перебрасывают...

Но я жить хочу! Жить! Жить!

Я должен разорвать паутину!

У меня остался единственный выход. Единственный!

На другой день я явился в венгерское посольство в Вене.

О Г Л А В Л Е Н И Е

5	Предисловие
13	Разрешите представиться
15	<i>Глава первая.</i> В неизвестное
21	<i>Глава вторая.</i> Будни
35	<i>Глава третья.</i> Доброволец армии США
52	<i>Глава четвертая.</i> Форт-Джэксон — Форт-Беннинг
69	<i>Глава пятая.</i> Покровители
94	<i>Глава шестая.</i> Войска специального назначения
113	<i>Глава седьмая.</i> Диверсия!
137	<i>Глава восьмая.</i> Подготовка профессиональных убийц
163	<i>Глава девятая.</i> Особые методы ведения войны
194	<i>Глава десятая.</i> Плен
224	<i>Глава одиннадцатая.</i> Борьба с вьетконгом
248	<i>Глава двенадцатая.</i> На кубинской земле
280	<i>Глава тринадцатая.</i> В западне

Миклош Сабо
КОМАНДА АЛЬФА

Художник *Г. Мануйлов*
Художественный редактор *А. Куцков*
Технический редактор *М. Сафронович*
Корректор *Р. Прицкер*

Слано в производство 16.I 1965 г.
Подписано в печать 21.IV 1965 г.
Формат 84×108^{1/2} мм. 4,9 б. л.: 15,9 п. л. 15,58 уч.-изд. л.
Заказ № 2283 Изд. № 12/2654. Тем. план 1965 г., пор. М
Цена 81 коп.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати
Москва, Ж-54, Валовая, 28

1/89
2